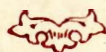

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

28

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1960

Редакционная коллегия:

И. А. ХРЕНОВ (отв. ред.), М. А. БИРМАН (отв.
секр.), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Д. КОРОЛЮК,
И. И. КОСТЮШКО, В. В. МАРЬИНА,
А. П. СОЛОВЬЕВА, О. Н. ТРУБАЧЕВ

В. Н. Топоров

ОБ ОДНОЙ ИРАНО-СЛАВЯНСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ
ИЗ ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА

Как известно, беспредложный локатив, встречающийся в древнейших памятниках ряда славянских языков (старославянский, древнеболгарский, древнерусский, древнечешский), употребляется, как правило, в трех случаях: 1) при обозначении места (от слов, обозначающих названия населенных пунктов), 2) при обозначении времени (от слов типа *день, ночь, лето, зима, год, век* и т. д.), 3) при некоторых глаголах (обычно «сильного» управления) в местном, направительном и объектном значениях. Кроме того, существуют еще некоторые примеры, так или иначе связанные с беспредложным локативом и в известной степени расширяющие наши представления о нем (ср. наречные формы типа *кромѣ, вѣчѣ, задн, скорѣ, доврѣ, зѣ* и др.).

Анализ всех указанных случаев и историю исчезновения или преобразования беспредложного локатива в славянских языках мы постарались дать в книге «Локатив в славянских языках», находящейся в печати. Поэтому в данной статье мы позволим себе не останавливаться специально на анализе славянских фактов и ограничимся приведением некоторых параллелей, скорее типологических, чем генетических, из других индоевропейских языков, прежде всего иранских, для того чтобы еще четче уяснить специфику соответствующих славянских явлений и указать некоторые общие факты из области синтаксиса. Эти факты при благоприятных условиях могли бы быть использованы для реконструкции отдельных элементов индоевропейского синтаксиса (такая реконструкция кажется нам возможной лишь в двух случаях: или на основе анализа определенных синтаксических фактов, отраженных морфологически, или на основе сопоставлений структурно-типологического порядка).

Беспредложный локатив места от слов, обозначающих названия населенных пунктов, безусловно существовал в праславянском языке позднего периода и в виде архаизма дожил в славянских языках до X—XIII вв. Ряд других соображений, о которых мы здесь говорить не будем, заставляет признать, что некогда сфера употребления беспредложного локатива места была значительно шире и охватывала не

только собственные имена, но и аппеллятивы. Однако образования последнего типа исчезли на несколько веков раньше, чем беспредложный локатив от собственных имен; фактически они отсутствуют в древнейших памятниках славянской письменности, если не считать ряда крайне спорных примеров или отдельных случаев адвербиализации старых беспредложных локативов. Следовательно, беспредложные локативы места от названий населенных пунктов пужно рассматривать как последние остатки от эпохи более широкого употребления локатива места без предлога.

Особая стойкость беспредложного локатива места от названий населенных пунктов объясняется, видимо, специфическим положением собственных имен¹ (в данном случае названием городов). Они представляли собой компактную и несколько изолированную группу, объединенную элементом известной безотносительности, точности указания, не допускающей двусмысленности, и самостоятельности (предельно малая зависимость от контекста и ситуации вообще). Именно эти свойства собственных имен в локативе без предлога способствовали тому, что беспредложный локатив особенно долго не мог войти (и так и не вошел) в парадигму, в большинстве случаев исчезнув и лишь в небольшой части превратившись в наречия или предлоги.

Некоторые исследователи ставят вопрос о различии в значениях между беспредложными и предложными формами локатива от названий населенных пунктов и решают его с точки зрения лингвистических ассоциаций сегодняшнего дня. Мы не будем заниматься поисками этих различий, так как для этого, по нашему убеждению, нет достаточных оснований. Дело в том, что выявление каких-либо различий методологически оправдано лишь в условиях одинакового синхронного контекста² — принцип, равно применимый к разным разделам языкознания. В данном случае таких условий нет (примеры типа: Къкъѣѣ — къ домѣ, естественно, отпадают), так как довольно частые в древнерусских памятниках пары — Къкъѣѣ: къ Къкъѣѣ, Нокѣѣгородѣ: къ Нокѣѣгородѣ — относятся ко времени окончательного распада беспредложного локатива и интенсивного включения его остатков в другие категории. Понятно, что такие пары не обнаруживают (или точнее: в них нельзя обнаружить) никакого различия между собой даже в деталях: по сути дела, къ Къкъѣѣ: Къкъѣѣ — факты двух разных эпох, принадлежащие к двум разным системам и не противопоставляющиеся друг другу в синхронном плане. Полнейшая преемственность этих двух типов лишний раз свидетельствует о том, что поиски различий между ними в том плане, как это обычно делается, неправомерны. Речь в этом

¹ См. J. Kuryłowicz. La position linguistique du nom propre. «Onomastica», *rosz.* II, zes. 1, 1956, стр. 1—14.

² См. на эту тему: J. Kuryłowicz. Le genre verbal en indo-iranien. — *RO*, VI, 1929, стр. 199—209.

случае может идти лишь о формально разных типах и различии в сфере их употребления для каждого из двух периодов в отдельности; что же касается функции или значения этих типов, то они оказываются одинаковыми³.

Языки разных групп показывают, что славянские факты (особое положение слов, обозначающих населенный пункт: *Клыкѣ, но къ городѣ*) не являются исключением. Оставим в стороне некоторые ведийские и авестийские примеры такого рода, поскольку они недостаточно убедительны или из-за слишком малого числа локативов от названий указанного типа, или, наоборот, из-за слишком широкого распространения беспредложного локатива и от аппеллятивов. Остановимся на тех или иных случаях поразительного сходства, наблюдаемых в языке, в котором соотношение и распределение беспредложных и предложных форм локатива количественно достаточно близко напоминает раннеславянскую картину.

Мы имеем здесь в виду случаи употребления в локативе без предлога географических названий в языке ахеменидских древнеперсидских клинописных надписей при предложном употреблении других слов в локативе. Ср. *Adam Dārayavaus xšāyaθiya vazarka xšāyaθi/ya xšāya/θiyānām xšāyaθiya Pārsaiy* 'я Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии' (Бегист. надпись, I, 1—2); *drauga dahyauvā vasiy abava utā Pārsaiy utā Mādaiy ut/ā an/iyāuvā dahyušuvā* 'лжи в стране было много: и в Персии, и в Мидии, и в других странах (провинциях) (там же, 34—35); *Nisāya nāmā dahyāuš Mādaiy* 'страна (провинция) в Мидии по имени Нисая' (там же, 58—59); *hauv udapata/tā Uvajai/y... adam Uvajaiy xšāyaθiya... hauv x/šāyaθiya/abava Uvajaiy... hauv udapatatā Bābirauv... xšav^{am} tyā Bābirauv hauv agarbāyatā* 'он восстал в Сузиане... я царь в Сузиане... он стал царем в Сузиане... он восстал в Вавилоне... он захватил царство в Вавилоне' (там же, 74—81); *pasāva avam Nadir^{am} tabairam adam Bābirauv avāja/nam* 'потом я убил этого Нидинту-Бела в Вавилоне' (там же, II, 4—5) и далее в Бегистунской надписи: II, 6 (*Bābirauv*); II, 9—11 (*[Pārsaiy]*, *Uvajaiy*, *Uvajaiy*); II, 15 (*Mādaiy*); II, 17 (*Mādaiy*); II, 28 (*Mādaiy*); II, 33—34 (*Armⁿⁱniyaiy*); II, 39 (*Armⁿⁱ/yaiy*); II, 44 (*Armⁿⁱniyaiy*); II, 48 (*Armⁿⁱ/ni/ya/iy*); II, 59 (*Arminiya/iy*); II, 63 (*Arminiya/iy*); II, 66 (*Mādaiy*, *Mādaiy*); II, 72 (*Mādaiy*); II, 76 (*Hagmatānaiy*); II, 77—78 (*Hagmatā[naiy]*); II, 80—81 (*Asagartaiy*); II, 92 (*Mā/da/iy*); II, 94 (*[Parθavaiy]*); II, 96 (*[Parθavaiy]*); III, 5 (*Parθavaiy*); III, 10 (*Parθavaiy*); III, 23—24 (*Pārsaiy*, *Pārsaiy*); III, 28 (*Pārsaiy*); III, 52 (*Pārsaiy*); III, 53 (*Pārsaiy*); III, 77 (*Pārsai[y]*, *Mādaiy*); III, 79 (*Bābirauv*); III, 83 (*Bābirauv*); III, 92 (*Bābira[u/v]*); IV, 1 (*[Bābirauv]*); IV, 11 (*Uvajaiy*); IV, 17 (*Uvajai/y*); IV, 22 (*Asaga/rtaiy*); IV, 25

³ Точной параллелью к сказанному могут служить мысли К. Леви-Штрауса (ср. C. Lévi-Strauss. The Structural Study of Myth. «Journal of American Folklore», vol. 68, 1955, стр. 444).

([Mar]gauv); Бегист., а 2 (*Pārsaiy*); с 9—10 (*Uvajaiy*); d 7—8 (*Bābirauv*); e 10—11 (*Mādayi*); f 5 (*Uvajaiy*); g 7—8 (*Asagartaiy*); i 11 (*Bāb/i/rauv*); j 5—6 (*Margauv*); Суэцкая надпись, с 10 (*Mudrāyaiy*); надпись о дворце Дария в Сузе, 46 (*Ujaiy*).

В тех же случаях, когда в древнеперсидском в локативе стоит аппеллятив, к нему прибавляется послелог *-ā*: ср. *dahyuvā* и т. д. Характерно, что в локативе множественного числа от географических названий употребляется послелог *-ā* (ср. слав. *въ Čechachъ*, *въ Pol'aněchъ* и т. д.). Что же касается единственного числа, то в его пределах в локативе дифференциация, во многом напоминающая раннеславянскую, в ахеменидских надписях проведена весьма последовательно⁴, что подтверждается и некоторыми новооткрытыми надписями, ставшими известными в последние тридцать лет. Такие примеры, как *Ađurāyā* 'в Ассирии' (Бегист. надпись, II, 53—54), *Arbairāyā* 'в Арбеле' (там же, 90), *Bāxtriya* 'в Бактрии' (там же, III, 13—14, 24), *Narauvatiyā* 'в Арахозии' (там же, 56, 72, 76), *Ssūsāyā* 'в Сузе' (Надпись Дария I из Сузы, 56) и т. д., являются лишь мнимыми исключениями, поскольку здесь речь идет о старых локативных флексиях основ на *-ā* и на *-ī*⁵. Тем не менее указанные примеры были, конечно, тем участком, который в значительной степени нарушал последовательность общей картины.

В языке Авесты из-за недостатка примеров локатива от слов, обозначающих названия мест, полностью выяснить положение не представляется возможным. Заметим лишь, что аппеллятивы в этом падеже наряду с беспредложным употреблением [*yo čišča ahmi nmāne yō aiñhe vīsi yō ahmi zantvō yō aiñhe daiñhvō aēnañhvā asti mašyō... 'и который человек в этом доме, который в этой деревне, который в этом краю, который в этой стране есть преступник...'* (*Yasna IX*, 28); *buyāt ahmi nmāne* 'он должен был быть в этом доме' (*Yašt. XIII*, 52)] знают уже нередкие примеры локатива с послелогом *-ā*: *nmāniyača vīsyāča zantavača daiñhavača... 'в доме и в деревне', 'и в краю, и в стране'* (*Visprat*, XII, 5) и т. д.⁶ Любопытные аналогии образованию локативной флексии из послелога можно бы было также привести из славянских (тип *камене*), балтийских (локатив ед. ч. у *o*-основ) и италийских языков (ср. умбр.,

⁴ См. A. Meillet, E. Benveniste. *Grammaire du vieux perse*. Paris, 1931, стр. 174, 246; R. G. Kent. *Old Persian*. New Haven, 1950, стр. 58—59. Любопытно, что и в согдийских текстах локатив четко дифференцируется по своим показателям (только артикль или артикль и флексия), но эта дифференциация определяется видом основы. Впрочем, понятно, что названия населенных пунктов не имеют при себе артикля. Более подробно об этом см. К. В. Кауфман. Некоторые вопросы истории согдийского языка. «Тр. Ин-та языкознания», т. VI. М., 1956, стр. 472—473, 478 и след.

⁵ Естественно, что возможное предположение об основополагающей роли локативной флексии для образования ряда падежей в древнеперсидском (gen., abl., instr.), связанное с вероятным наличием послелога *-ā* в окончании локатива, никак не меняет сути дела, поскольку оно объясняет факты индоиранского периода, а не древнеперсидского.

⁶ См. H. Reichelt. *Awestisches Elementarbuch*. Heidelberg, 1909, стр. 269.

arven 'in arvo', оскск. *húrtín* 'in horto'), причем во всех трех группах послелог оказывается одинаковым: *-*en*.

Возможно, нечто подобное раннеславянским и древнеперсидским примерам было и в латинском языке древнейших периодов. Во всяком случае в памятниках встречаются такие примеры, как *Lemni habuit aliam (uxorem)*. (Теренций, *Phorm.*, 942); *filius meus illic apud vos servit captus Alide* (Плавт, *Capt.*, 330) и т. д. при *in urbe*. Однако многочисленные противоречащие факты (с одной стороны, *belli esse, cordi esse*; с другой — *in Sicilia, in terra Italia, in Cecropia insula* и др.)⁷ не позволяют нам настаивать на аналогичной указанному явлению дифференциации в латинском языке.

Трудно сказать, насколько древним в праславянском языке следует считать отношение беспредложного локатива от названий мест к предложному от аппеллятивов. Можно лишь с уверенностью утверждать, что, во-первых, сфера употребления предложных локативов некогда была уже и, во-вторых, что беспредложный локатив использовался более разнообразно (разумеется, его употребление никак не было связано с особенностями грамматического рода, как предполагают некоторые исследователи). И то и другое, естественно, не могло не препятствовать созданию отмеченной нами аранжировки предложных и беспредложных локативных форм. Следовательно, ее появление не может быть отнесено слишком далеко вглубь праславянского состояния, поскольку есть целый ряд фактов, позволяющих обнаружить остатки беспредложного употребления в локативе и нарицательных имен.

В настоящее время можно считать доказанным, что славянские локатив и дательный падеж имеют в конечном счете общий источник (то же относится и к другим индоевропейским языкам, знающим оба эти падежа). При этом доказательство не ограничивается уже давно известным тождеством или близкой связью морфологических показателей локатива и дательного падежа. Гораздо важнее, что дистрибутивный анализ этих падежей в плане определения занимаемых ими мест в предложении или (уже) в элементарных синтагмах при игнорировании ряда определенно вторичных случаев неминуемо приводит к такому состоянию, когда и локатив и дательный падеж оказываются всегда в одних и тех же позициях, в которых, следовательно, нейтрализуются дифференциальные элементы (в синтаксическом смысле) этих падежей.

Поэтому для сравнительно-исторического синтаксиса особое значение имеют позиции, где пересекаются сферы употребления двух категорий, в данном случае двух падежей. Естественно, что именно в та-

⁷ Исчерпывающий материал по данному вопросу и его интерпретация даны в исследовании И. Хекманна «Über präpositionlose Ortsbezeichnung im Altlateinischen» (J. F., 18, 1905, стр. 296—376), излагающем его диссертацию.

ких условиях возникают наиболее благоприятные возможности для переосмысления той или иной формы.

В области дативно-локативных конструкций в указанной связи особенно интересны некоторые древнерусские, древнечешские и древнесербские факты (отчасти и старославянские), находящиеся в известном противоречии с нормами последующих эпох, когда они были переформлены, переосмыслены или даже просто вытеснены. В древнейших памятниках указанных языков нередко встречаются конструкции типа: и быста князѣ Кыекоу, поставленъ кыста Нюкоугороду, крамъ Зети, зетиода кога кеначанаго; может быть, сюда же относится: *Ярославна рано плачет Путивлю городу на заборолѣ*, (при дважды повторяющемся... в *Путивле на забрале*) и др. В более широком смысле сюда же следует отнести употребление дательного притяжательного и от слов, не обозначающих названия населенных пунктов, ср. храмъ молиткѣ (Зогр., Мар., Матф., XXI, 13), дѣлатель неправдѣ (там же, Лука, XIII, 27) и т. д. и даже в несколько ином значении: ракъ еста грѣху (там же, Иоанн, VIII, 34 и др.).

Следует отметить, что в дальнейшей истории славянских языков дательный притяжательный повсюду исчез, если не считать незначительных остатков особого рода (ср. употребление дательного притяжательного от личных местоимений в современном болгарском языке или смешение дательного и родительного падежей в среднеболгарском, имеющее, вероятно, более общую причину; ср. факты других балканских языков). Поэтому остается несомненным, что уже в древнейших славянских текстах дательный притяжательный был архаизмом. К сожалению, слависты до сих пор не обращали должного внимания на соотношение родительного притяжательного и дательного притяжательного, а также других указанных выше видов дательного падежа в связи со сферой употребления этих падежей в самих славянских языках и в связи с данными других индоевропейских языков. А между прочим, очевидно, что указанные типы дательного падежа употребляются гораздо реже, чем соответствующие разновидности родительного падежа или какие-либо другие средства. При этом употребление видов дательного падежа обычно связано с наличием оттенков цели, commodi, предназначенности, объективности (dativus obiectivus) и т. д.: ср. храмъ молиткѣ (=для); поставленъ Кыекоу (=киевлянам, для Киева, чтобы править Киевом), Зети кеначанаго (=предназначенного этому городу), ракъ еста грѣху (=в отношении греха), дѣлатель неправдѣ (=делающий неправду⁸) и др.

⁸ Наличие дѣлатель неправдѣ при дѣлатель неправды и возможное различие в оттенке значения особенно важны в связи с некоторыми индоиранскими фактами (ср. др.-инд. *kārtā satyam*, но *kartā satyasya*), а также в известной степени с гомеровскими. Если еще учесть значительное сходство в строении и природе *nomens agentis* на *-ter/-tel* в указанных языках и разрыв связи имен на *-tel* с соответ-

Разумеется, что в условиях вытеснения указанных видов дательного падежа первоначальные границы употребления оказались смещенными, вследствие чего в ряде случаев обнаружился и сдвиг в значении.

Если оставаться в пределах хорошо проверенных фактов и достаточно надежных аналогий, то придется прежде всего ограничиться случаями употребления дательного притяжательного (название, по существу мало отражающее природу данного факта) при глаголе-существительном и подобных ему глаголах.

Хорошо известно употребление дательного притяжательного в древнегреческом языке при глаголах εἶμι и γίγνομαι [тип Ἐνταῦθα Κόρυς Βασίλεια ἦν (Ксенофонт, Анабазис, I, 2, 7); при этом, конечно, в таких случаях употребляется и родительный падеж: Δαρείου καὶ Παρυσάτιδος γίγνονται παῖδες δύο (там же, I, 1, 1) с несколько иным значением], а затем уж и в некоторых других ситуациях в значении 'у меня (у него и т. д.) есть (делается, происходит и т. д.) что-то'; ср. гомеровские конструкции типа 'у данайцев есть обычай', где 'у данайцев' стоит в дательном падеже. Точно в таких же условиях и с тем же значением встречается дательный падеж в латинских памятниках: *an nescis, longas regibus esse manus?* (Овидий, *Heroid.*, 17) (ср. также *mihī nomen est*). То же и в ряде других языков: ср. готск. *saurga mis ist mikila* (Вульфилла, Римл., IX, 2) в полном соответствии с греч. *λόπι μοί ἐστὶν μεγάλη*; латыш. *jums bija draugs*. В высшей степени характерно различие между дательным и родительным падежами в хеттском языке, когда они употребляются при глаголе *eš* 'быть': *ANA ŠEŠ-A NU.GÁL kuitki* 'у моего брата нет ничего' (datif de possession, тогда как родительный падеж в этой ситуации имеет значение *genetif d'appartenance*)⁹.

Приведенные примеры и ряд соображений позволяют заключить, что в древности существовало достаточно четкое противопоставление дательного притяжательного и родительного притяжательного; при этом дательный притяжательный, видимо, является свернутой формулой приглагольного (при глаголе *быть*) употребления дательного падежа в локально-личном значении (у меня, у ахейцев, среди врагов и т. д.)¹⁰; во всяком случае, связи между дательным притяжа-

ствующими глаголами в некоторых славянских примерах, оказывающихся поэтому мало авторитетными, то становится понятной необходимость связи между индоиранскими и славянскими фактами. К сожалению, Э. Бенвенист, исследовавший эти вопросы в книге «Noms d'agents et noms d'action en indo-européen» (Paris, 1948), упустил из виду славянские данные.

⁹ См. E. Benveniste. Sur l'emploi des cas en hittite. — AO, 17, 1949, стр. 44—45; И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952, стр. 129.

¹⁰ Несомненно, отсюда началось развитие так называемого *dativus sympatheticus*. См. W. Havers. Untersuchungen zur Kasussyntax der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1911.

тельным и дательным при глаголе *быть* представляются достаточно убедительными, а различия — чисто позиционными, вариантными.

Значение перечисленных выше славянских разновидностей дательного падежа также концентрируется в семантических пределах древнего дательного-локатива.

Но, пожалуй, особенно показательны индоиранские факты. В древнеиндийском и древнеиранском языках нет дательного притяжательного ни изолированно, ни в чередовании с родительным притяжательным¹¹. Зато перечисленным конструкциям с дательным притяжательным в этих языках особенно часто соответствует локатив. Ср. *iva yo didhiśāyū bhūd deva... jane* 'который стал желанным, как бог у человека (человеку)' (RV, 195, 1); *yasmint sapta raśmayas... netari... viśvam tad invati* 'у которого вождя семь поводов... тот все это подчиняет своей силе' (RV, 196, 2); *santi kaṇveṣu vaḥ duvah* 'у потомков Канвы есть для вас дары' (RV, 37, 14); примеры такого рода встречаются и гораздо позднее; во всяком случае, они не чужды пра-критским текстам¹². Образцы такого типа в достаточном количестве представлены и в языке Авесты¹³; они хорошо известны, и мы их приводить здесь не будем.

Число подобных примеров можно бы было многократно увеличить, но и уже приведенных, кажется, вполне довольно, чтобы доказать факты глубокого параллелизма между индоиранским локативом этого типа и дательным притяжательным (включая сюда и некоторые другие специфические оттенки) других индоевропейских языков. Если же к этому еще добавить, что индоиранский локатив еще выражал цель

¹¹ Отмеченные Ф. Эджертоном (см. «Vedic Variants», III. Baltimore, 1934, стр. 61—62) и Г. Эртелем (см. «Gen.-abl. des Femin. auf -ās in dativ. Funktion». — KZ, 63, 1936, стр. 206) случаи чередования дательного падежа с родительным не относятся к сфере «притяжательности» [так же обстоит дело с известными из авестийских текстов примерами смешения этих двух падежей; см. Н. Reichelt. Указ. соч., стр. 255—256: дативный родительный в младших частях Авесты; более спорными оказываются случаи, указанные Г. Хюбшманном («Zur Kasuslehre». München, 1875, стр. 220) и Г. Райхельтом (указ. соч., стр. 244); см. о них также у В. Дельбрюка («Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen», Bd. III. Strassburg, 1893, стр. 303); их близость к родительному притяжательному, если оторосить явно вторичные явления, основывается в значительной степени на обычных неточностях или приближительности перевода]. Другое дело, что указанные примеры смешения были первыми предвестниками будущего безразличия в употреблении дательного и родительного падежей в среднеиндийских и среднеиранских языках, приведшего к полному совпадению этих двух падежей уже в пали (кроме некоторых случаев в основах на -a: *devassa* — *devāya*) и во всех пра-критах, а также в среднеиранских диалектах, в том числе и в архаичных восточно-иранских. Известное исключение составляет осетинский язык, различающий эти два падежа, которые, однако, построены в нем уже на иных основаниях (см. В. Миллер. Осетинские этюды. М., 1882, стр. 129, 131), а также некоторые западно-иранские диалекты (ср., например, белуджский; см. G. W. Gilbertson. The Balochi Language. Hertford, 1923, стр. 20; иная классификация падежей предлагается, однако, другими учеными. Ср., в частности, С. Н. Соколов. Грамматический очерк языка белуджей Советского Союза. «Тр. Ин-та языковедения», т. VI. М., 1956, стр. 62—67).

¹² См. Sukumar Sen. Historical Syntax of Middle Indo-Aryan. «Indian Linguistics», vol. 13, 1952—1953, стр. 57.

¹³ Ср. Н. Reichelt. Указ. соч., стр. 262—265.

(*nimittasaptamī* индийских грамматиков), отношение¹⁴, объектные отношения и т. д., то становятся ясными его связи в дистрибутивном плане со славянскими разновидностями дательного притяжательного, указанными выше. Чередование родительного падежа и локатива в индоиранском и аналогия между славянским дательным самостоятельным, индоиранским оборотом *locativus absolutus* и греческим родительным самостоятельным могут рассматриваться как лишнее свидетельство в пользу того, что анализируемые сейчас славянские факты (дательный притяжательный) находятся в теснейшей связи с индоиранскими и что источником славянского дательного в исследуемых конструкциях мог быть, видимо, тот падеж, который пока лучше всего называть — «беспредложный локатив — датив».

Однако, если мы хотим, чтобы наши заключения были более доказательны, нам придется в пределах всей сферы употребления дательного притяжательного ограничиться лишь одной категорией случаев, а именно, князь *Киеву*, князь *Зете*, где мы с большей вероятностью можем подозревать старый локатив — датив ввиду исключительных по сходству древнеперсидских конструкций, приводившихся уже выше, но в другой связи. Мы имеем в виду регулярно повторяющиеся *xšāyadvīya pārsaiy* 'царь Персии (собственно, в Персии)'¹⁵, но: *xšāyadvīya dahyānām* 'царь стран' (род. п. мн. ч.). Понятно, что славянские факты (как и древнеиндийские) не подверглись столь же строгой регламентации, как древнеперсидские¹⁶, однако они достаточно близки к ним. При этом древнеперсидская картина дает некоторые намеки типологического свойства на положение, некогда характеризовавшее праславянский падежный синтаксис.

Приведенные выше факты дают некоторые основания для установления ряда конститутивных моментов в истории древнеперсидского локатива и связанных с ним падежей. Получающаяся схема до известной степени могла бы быть использована как типологическая модель тех процессов, которые имели место в эволюции славянского локатива на определенном этапе.

¹⁴ См J. J. Speyer. *Vedische und Sanskrit-Syntax*. Strassburg, 1896, стр. 21—22.

¹⁵ Впрочем, в Хамаданской надписи Ариярамы встречается *xšāyadvīya pārsā* 'царь персидский'. См. A. Meillet, E. Benveniste. Указ. соч., стр. 215.

¹⁶ Но и древнеперсидские тексты в одном случае знают исключение, сохранившееся в формуле и представляющее собой, видимо, глубокий архаизм. Здесь имеется в виду конструкция *xšāyadvīya ahīyāyā būmīyā* 'царь этой земли' (дословно: 'в этой земле'), о ее распространении см. R. G. Kent. Указ. соч., стр. 201. Вероятность появления здесь родительного падежа казалась настолько большой, что ряд ученых в прошлом видел в *būmīyā* именно этот падеж (см. еще H. C. Tolm a n. *Ancient Persian Lexicon*. Nashville Tennessee, 1908, стр. 115). Впрочем, если учесть, что склонение *-i-* и *-ī-* основ в древнеперсидском совпало и опираться только на данные имеющихся текстов, то окажется, что у нас нет строгих оснований считать флексию родительного падежа мужского рода *-aiš* и флексию локатива женского рода *-iyā* принадлежащими к разным падежам, поскольку «родительный» падеж знают лишь слова мужского рода, а «локатив» — исключительно женского, и, следовательно, здесь оказывается соблюденным принцип дополнительного распределения (*complementary distribution*).

И. Попович

ИЗ СЕРБОХОРВАТСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

В хорватских говорах южной и юго-западной части полуострова Истрия на месте праславянского **dī* представлено несколько вариантов. Следуя от севера к югу, находим следующие рефлексy для **dī*: чакавские говоры — *j*; штокавские — *ž*, *ž̇* (*ī*), *đ* и *đ'*¹. В соответствии с этим и в прилагательных с основой на *d*, образующих сравнительную степень при помощи суффикса *-jь*, находим такие замены (согласно моим диалектологическим материалам): *j* в чакавских говорах на севере *mlāji*, *slāji* — Кшт², Баб, Вал, Лаб, Мрк, Крич; *glāji* — Баб, Лаб, Мрк, Крич; *riji* 'ређи' — Баб, Кшт, Вал, Лаб, Крич; *blji* 'блеђи' — Кшт, Вал, Лаб.

ž в штокавских говорах в центральной части этой зоны: *mlāži* — Мнт, Мрч; *mlāzi* — Крм, Рап, См, Мар; *slāži* — Мнт, Мрч; *slāzi* — Крм, Рап, См, Мар; *slāzi* — Мрч; *glāži* — Крм, Рап, См, Мар; *třži* 'тврђи' — Мнт, Мрч, Крм, Рап, Мар; *riži* — Мнт, Крм, Рап, См, Мар; *gřži* — Мнт, Крм, Рап, Мар; *ž̇* в среднем поясе Пульской области (Пулштины): *mlāž̇i*, *slāž̇i*, *třž̇i*, *riž̇i*, *gřž̇i* — Ядш; *đ* также в среднем поясе Пулштины: *mlād*, *slādi*, *blīdi*, *riđi* — Влт, Шт; *třđi*, *gřđ* — Шт; на крайнем юге около Пулы: *mlādi* — Пр, Влд, Пом, Мед; *slādi* — Пом, Мед, Шкт, Шик; *glād'i* — Пом; *blīd'i* — Пр., Влд, Пом, Мед; *dřđ'i* — Пр, Пом; *riđ'i*, *třđ'i* — Пом, Мед.

Так в принципе обстоит дело с этими формами.

Однако в говорах, где **dī* заменен *ž* (которые я ради краткости буду называть *ž*-говорами), фонетически оправданные типы прилагательных с *ad*-основой (*młazi*, *slazi* и *glazi*) встречаются только на юге, т. е. в северной Пулштинe (например, Мнт, Мрч) и в некоторых говорах на юге Ровинштины (из моих пунктов — Крм, Рап, См, Мар — примеры см. выше), но не встречаются ни в самой большой северной части Ровинштины, ни в Порештинe. В этих районах прилагательные

¹ См. мою статью «Когда славяне впервые заселили южную Истрию». — «Вопросы славянского языкознания», № 4. М., 1959.

² Названия исследованных мною в 1951 и 1952 гг. сел, из которых приводится материал, даются сокращенно (см. карту). Список сокращений приложен в конце статьи.

с подобной основой имеют в сравнительной степени *-jž-*, а не *-ž-*, и, следовательно, мы найдем здесь формы *mläjži*, *släjži*, *gläjži*³.

Примеры: Северная Ровинштина: *mläjži* — Мрж, Бур, Кнф, Мат, Бр, Мрг, Кор, Вош, Сел, Пер; *mläjži* — РС; *mläjži* — Бар К, Рад; *släjži* — Мрж, Бур, Кнф, Мат, Шош, Мрг, Кор, Вош, Сел, Пер; *släjži* — РС; *släjži* — Бар К, Рад; *gläjži* — Мрж, Кнф, Мат, Шош, Мрг, Кор, Сел; *gläjži* — Бар К.

Порештина: *mläjži* — Крун, Стр, Мрс, Гр, Др, Бад, Фун, Жб, Кат, Син; *mläjži* — Кош, Бач, Бар В, Вр, Дик; *mläjži* — Вар, Мгб; *mläjži* — Вел, Ян, Нв, Куф; *släjži* — Крун, Стр, Мрс, Гр, Яс, Др, Бад; *släjži* — Кош, Бач, Бар В, Прх, Вр, Дик; *släjži* — Фун, Мгб; *släjži* — Вел, Ян; *släjži* — Кош, Дик; *gläjži* — Фун, Вар, Мгб; *gläjži* — Ян.

Аналогичные (заимствованные) формы я нашел в чакавском говоре, в Кучичах: *mläjži*, *släjži*.

Что же касается формы сравнительной степени наречия *räže* (например, в Бур), ее трудно проследить вследствие того, что во многих *ž*-говорах вместо нее находим чакавскую форму *räje*.

Нужно подчеркнуть, что в большинстве известных мне говоров северной *ž*-зоны (которую точнее можно было бы назвать *jž*-зоной) есть только формы *mlajži*, *slajži*, *glajži*; форм типа *młazi* и т. д., которые бы употреблялись наряду с ними, нет. Только в с. Маричи в Ровинштине встретилось колебание: там старшее поколение сохраняет первоначальные формы *mläži*, *släži*, *gläži*, в то время как младшее уже восприняло новообразования *mläjži*, *släjži*, *gläjži*, заимствованные с севера. Это не удивительно, если принять во внимание, что Маричи расположены на самой границе северной *ž*-зоны (т. е. зоны с *-jž-*) и южной *ž*-зоны (т. е. зоны с сохранившимся чистым *-ž-* в этих компаративах), в то время как соседние Канфанар, Буричи и Маружини имеют только формы *mläjži*, *släjži*, *gläjži*. Рядом с ними расположены Крмед, Рапони и Смянци, где употребляются только формы *mläži*, *släži*, *gläži* (см. примеры выше, а также карту). Возможно, что в пограничной полосе двух *ž*-зон есть и другие говоры со смешением *młazi* || *mlajži*, подобные маричскому говору, но вообще говоря, как я уже подчеркивал, обычно в говорах встречается один из вариантов: или только *młazi*, или только *mlajži* и т. д.

Сразу же возникает вопрос о генезисе этих вторичных форм сравнительной степени: *mlajži*, *slajži*, *glajži*.

На первый взгляд они могут показаться компромиссными образованиями, контаминацией чакавского *mläji*, *släji*, *gläji*, с одной стороны, и *ž*-штокавского *mläži*, *släži*, *gläži* — с другой.

³ Хотя в большей части истринских говоров *ž* не произносится мягко, в данных примерах оно мягкое (это явление будет мною объяснено ниже). В других случаях я не объясняю диалектных черт, представленных в моих материалах.

В пользу этого говорит как будто и география, поскольку пояс с формами *mlajži, slajži, glajži* находится в центре. На север (как, впрочем, и на восток) от него простирается чакавская территория с разновидностью *mlaji, slaji, glaji*, а на юге — *ž*-штокавская область с разновидностью *młazi, słazi, głazi* (ср. карту), и это можно было бы принять, тем более, что даже в говорах около Пулы встречается лексический случай с чакавским *j* на месте праславянского **dī* (ср. *u tū-jen svitu* — Мед; *tūje blāgo* — Лиж).

Но легко убедиться, что такое объяснение невозможно, поскольку вне категории сравнительной степени мы не находим таких компромиссных форм. Наряду с икавско-чакавским *grāja, grāja* 'полянка' и с *ž*-штокавским *grāža, grāža*, нет нигде формы *grajža*, даже в тех говорах, где вообще произносится *mlajži* и т. д. Точно также ни от *grajān* — *grāžan* 'гражданин' не получилось в *jž*-говорах формы *grajžan*; а также у чакавского *rōjen* и *ž*-штокавского *rōžen* никогда не было *rojžen* и т. д.

И все остальные прилагательные с основой на *-d-* не имеют в *jž*-говорах ни *grjži, trjži*, ни других подобных форм, как это будет видно из дальнейшего изложения.

Все это свидетельствует о том, что не может быть и речи о фонетической замене праславянского **dī > jž*.

Поэтому нужно искать для форм *mlajži, slajži, glajži* иное объяснение, и искать его, наверно, нужно в морфологии сравнительной степени прилагательных. Проследив образование сравнительной степени *d*-основ вообще в истрийских *ž*-говорах, увидим, что двойственность господствует не только в *ad*-основах, но и в других *d*-основах; а именно в *rd* и *id*-основах⁴.

И в этом случае мы находим здесь в одних говорах сохранившееся чистое *-ž-* из **dī: tīži* — Мнт, Мрч, Крм, Рап, Мрж; *gīži* — Мнт, Крм, Рап, Мрж; *riži* — Мнт, Крм, Рап, См, Мрж.

В других говорах — наоборот, и в этом случае опять находим инновацию, но уже иную, чем в *ad*-основах. Здесь сравнительная степень *rd-* и *id-*основ образуется прибавлением суффикса *-l'i: tīžl'i* — Бур, Кнф, Мрг, Бар К, Рад, Сел, Крун, Стр, Мрс, Гр, Яс, Др, Вар; *gīžl'i* — Бур, Кнф, Мрг, Кор, Бар К, Рад, Вош, Пер, Крун, Стр, Мрс, Гр, Яс, Др; *gīžli* — Вар; *rižl'i* — Кнф, Мрг, Кор, Рад, Вош, Пер, Стр, Мрс, Гр, Яс; *rižl'i* — РС.

В говорах Порештины, где *l* перешло в *j*, естественно, находим сравнительную степень с *-ji* вместо *-li: tīžji* — Жб, Син, Кош, Бач, Бар В, Прх, Вр, Дик; *tīžji* — Мгб, Ян, Нв, Куф; *gīžji* — Жб, Син, Ком, Бар В, Прх, Вр, Дик; *grīžji* — Мгб, Ян, Нв, Куф; *rižji* — Жб, Бар В, Вр, Дик, *rižji* — Мгб, Ян, НВ.

⁴ Корень *hud-* на всей Истрии представлен только как *hūji* и т. п. и никогда — *huže, hujže*.

Согласно этому в *ž*-говорах имеем следующие формы: *młazi* || *młajži*; *trži* || *tržli*.

Если сейчас мы продолжим дальше исследование, то увидим, что большинство говоров, с формой *młazi*, имеют также и тип *trži*, а инновация *tržl'i* (или *tržji*) и т. д. находится там, где употребляется и инновация *młajži*.

Это ясно видно при следующем сопоставлении примеров из отдельных говоров:

- Пуштина I Мнт: *młäži, släži* || *třži, gřži, rłži*;
 (юг) Мрч: *młäži, släži, gläži* || *třži*.
 II Крм: *młäži, släži, gläži* || *třži, rłži*;
 Ровин- См: *młäži, släži, gläži* || *rłži*.
 шттина II Бур: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžl'i, gřžl'i*;
 (центр) Кнф: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžl'i, gřžl'i, rłžl'i*;
 РС: *młäjži, släjži* || *rłžl'i*.
 Но:
 Ровин- Мат: *młäjži, släjži, gläjži* || *gřžl'i, rłžl'i*;
 шттина Мрг: *młäjži, släjži, gläjži* || *gřžl'i*;
 (центр) Кор: *młäjži, släjži, gläjži* || *gřžl'i, rłžl'i*;
 Бар К: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžl'i, gřžl'i*;
 Рад: *młäjži, släjži* || *třžl'i, gřžl'i, rłžl'i*;
 Вош: *młäjži, släjži* || *třžl'i, rłžl'i*;
 Сел: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžl'i*;
 Пер: *młäjži, släjži* || *třžl'i, gřžl'i*.
 III Крун: *młäjži, släjži* || *třžl'i, gřžl'i*;
 Стр: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžl'i, gřžl'i, rłžl'i*;
 Мрс: *młäjži, släjži* || *třžl'i, gřžl'i, rłžl'i*.
 Пореш- Гр: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžl'i, gřžl'i, rłžl'i*;
 тина Яс: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžl'i, gřžl'i*;
 (север) Др: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžl'i, gřžl'i*;
 Вар: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžl'i, gřžl'i, rłžl'i*.

Так и в говорах с изменением $l > j$:

- Мгб: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžji, gřžji, rłzji*;
 Бел: *młäjži, släjži* || *gřžji, rłžji*;
 Муш: *młäjži, släjži, gläjži* || *rłžji*;
 Жб: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžji, gřžji, rłžji*;
 Син: *młäjži, släjži* || *třžji, gřžji*;
 Кош: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžji, gřžji*;
 Ян: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžji, gřžji, rłžji*;
 Нв: *młäjži, släjži* || *třžji, gřžji, rłžji*;
 Куф: *młäjži* || *třžji, gřžji*;
 Бач: *młäjži, släjži* || *třžji*;
 Бар В: *młäjži, släjži* || *třžji, gřzji, rłžji*;
 Прх: *släjži* || *třžji, gřžji*;
 Вр: *młäjži, släjži* || *třžji, gřžji, rłžji*;
 Дик: *młäjži, släjži, gläjži* || *třžji, gřžji, rłžji*.

Как можно видеть из этой таблицы, принцип появления рядом с формами *mlājži* форм типа *tržli* проведен очень широко.

Я должен все же упомянуть о двух видах отступлений от упомянутого принципа.

Первое — иногда рядом с формами *mlājži* появляются и *trži*; например, в II Мрж: *mlājži, slājži, glājži || trži, grži, riži*; в III Фун: *slājži, glājži: trži, grži, riži*; в III Бад: *mlājži, slājži, glājži: trži, grži, riži*. В говорах, где есть переход $l > j$, подобные формы именительного падежа мужского рода типа *trži* можно понимать как *tržji* — с изменением $-i > -j$. Ср. в Фуш, Муш: *trži, trži, grži, grži* без $-j$ рядом с ж. р. *rižja, rižja*, которых $-j$ сохранился перед гласными нижнего ряда; в Таре параллельно с *gržji || grži*; это, впрочем, и единственные примеры с изменением $l > j$.

Но кое-где, как это следует из примеров, отмеченных в Маружинах, Фунтане и Бадерне и в говорах с сохранившимся l (вернее l'), находим форму *trži* без $-j$. Наряду с *mlājži*, а в Маричах — наряду с колебанием *mlāži || mlājži* и т. д. (ср. вышесказанное) находим исключительно *trži, grži, riži*. Здесь, разумеется, речь идет о сохранившихся первоначальных формах. Но в Маричах положение ясное: они расположены на границе двух типов образования, и эти отношения еще не кристаллизировались, также ясно и в Маружинах: это село — непосредственный сосед Маричей; что же касается Бадерна, местечка в Поречье, то и сюда, вероятно, внесен один из рядов примеров — скорее всего второй (*trži* и т. д.).

Но обратного соотношения *mlāži: tržli* в этих говорах нет.

Второе отступление состоит в том, что сравнительная степень от прилагательного *плитак* и в *jž*-говорах, в которых сохранилось l' , всегда имеет форму на $-že$, и редко на $-žli$. Ср. *pliži* — II Бар К, Рад; *pliži* — III Крун, Стр, Мрс, Др (*pliži* и в Фуш, Кат, т. е. в говорах с $l > j$).

Как видно из вышесказанного, это прилагательное образует сравнительную степень по аналогии со сравнительной степенью прилагательных с d -основой, и, таким образом, исчезла старая форма **pliči*, уступив место инновации *pliži*. Ср. также и в чакавских говорах Западной Истрии *pliji 'id'* — Баб, Мрк, Крин.

В штокавских *jž*-говорах, где сохраняется l' (звук, средний между l и l), диссимилиация изменила **plizl'i > pliži* или по причине диссимилиации *pliži* не подверглось влиянию остальных форм сравнительной степени, которые из форм на $-ži$ перешли в формы на $-žl'i$. Наоборот, в говорах с изменением $l > j$ и здесь, разумеется, получалось *plizji*. Ср. *plizja* — Куф; *plizja* — Бар в женском роде, а это подтверждает то, что в говорах с сохранившимся l' речь идет о диссимилиации, хотя я не имею в виду чистую фонетическую диссимилиацию.

То же самое, как в *pliži*, можно было бы ожидать и в *blži 'блеђи'* — Сел, наряду с *tržl'i* в том же говоре, но сравнительная сте-

пень от прилагательного *blid* образуется иначе — суффиксом *-iji*: *blidji* в II Кнф, РС, Мрг; *blidji* — II Бар К, III Вр, Дик, в Пулштине также *blidji* — Шкт, Шт, также в получакавских Тадинах. Поэтому проследить со всей достоверностью судьбу группы *žl* здесь мы не можем.

Однако, несмотря на эти отступления, к тому же легко объяснимые, можно свободно утверждать, что в *ž*-говорах сравнительная степень прилагательных с основой на *-d-* образуется по принципу одного из двух отношений: или *-ž-*: *-ž-* (*mlaži*: *trži*) или *-jž-*: *žl'* || *žj* (*mlačji*: *tržl'i* || *tržji*).

От прилагательных *třd*, *gřd*, *řidak* (*třt*, *gřt*) сравнительная степень в северном поясе *ž*-зоны (т. е. на севере Ровинштины и в большинстве говоров Поречья) образуется, следовательно, при помощи суффикса *-žl'i* || *-žji*. В этом случае старое окончание *-ž-* расширяется суффиксом *-ji*, который вообще распространен в сербохорватских диалектах, а в истрийских говорах он перенесен на прилагательные различных основ положительной и сравнительной степени.

Я приведу здесь примеры компаративных образований с суффиксом *-ji* из южной и западной части полуострова Истрия, чтобы показать, насколько он там распространен. Прежде всего это такие примеры, как *dumble*, *novle*, *kriple* и т. п., в которых этот суффикс фонетически оправдан (*dũmbli* — I Пр, Лиж, Мрч; *dimbli* — II Шош, Рад, III Крун, Др, Вар, Бад; *dimbji* — III Мтб, Жб, Ян, Куф, чакавские: Баб, Вал; *děbļa* — I Влт; *novli* — I Пр; *novliji* — Ядш), и далее: Пулштина: *dũžli* — Пр, Внк, Шкт, Влт; *težli* — Лиж; *drážli* 'скупльи' — Лиж; *višli* — Лиж, Шкт; *lašli* — Мед, Ядш; *měšli* 'мекши' — Мед; *bāšli* 'нижи' (: *bās* 'низак', из итал. *basso*) — Лиж; *sũhli* — Шкт; *lāgli* — Лиж, Шик, Ядш, Влт, Шт; *měkli* — Мед, Лиж, Ядш, Влт, Шт; *gřdji* — Шкт; *třdji* — Шкт; *širli* — Лиж;

Ровинштина: *lāgl'i* — Кнф, Бр, Сел; *měkl'i* — Бар К, Кнф;

Штокавская Порештина: *měkl'i* — Крун, Стр, Яс, Дф, Вар, Бад; Крун, Др, Бад; *břžji* — Бач, Дик; *dũžji* — Ваб; *dũzji* — Тар; *drážji* — Тар; *jācji* 'ячи' — Ян; *krāčji* — Син; *krācji* — Тар; *měcji* 'мекши' — НВ; *měcji* — Ян, Куф; *měcji* — Тар; *měkje* — Кат, Кош; *lāgji* — Муш, Кат, Тар; *lāgji* — Кош;

чакавские говоры около Кринга: *gřdl'i* — Крин, Куч; *třdl'i* — Крин;

чакавская каштелирская группа: *višji* — Тад; *věcji* — Баб; *třdji* — Кшт, Баб, Вал, Лаб; *gřdji* — Кшт, Баб, Вал, Лаб, *řidji* — Вал; *blidji* — Вал.

Во всяком случае, как видно, суффикс *-ji* (*-ji*) довольно распространен в говорах южной и западной Истрии, и нет ничего удивительного в том, что сравнительная степень *trži*, *grži*, *riži*, так хорошо сохранившаяся в южной зоне *ž*-говоров, перешла в тип *tržli*, *gržli*, *rižli* в их северной зоне. Этому процессу мог содействовать и тот факт, что в соседних чакавских говорах находим формы типа *gřdji*, *třdji*, *řidji* (ср. вышесказанное).

Но в ряде говоров северной части \check{z} -зоны находим, например, не *mლაჴი* и не *mლაჴი*, а суффикс *-ji* ($\langle -\check{li} \rangle$), присоединяемый и к \check{z} -компаративам этих *ad*-основ и, следовательно, встречаем там формы *mლაჴი*, *slaჴი*, *glაჴი*. Мною отмечено три таких говора: Вабрига и Тара на северо-западе и Ядруха — на северо-востоке Порештины близ Мирны.

Примеры: *mლაჴი* — Ваб; *mლაჴი* — Ядх; *slაჴი* — Ваб; *slაჴი* — Тар, *slაჴი* — Ядх; *glაჴი* — Ядх. А рядом можно найти и *trჴი*, *grჴი* и т. д. (ср. выше).

Возможно, впрочем, что такие формы *ad*-основ найдем и в других близлежащих говорах.

В формах *mლაჴი*, *slaჴი*, *glაჴი* лежит ключ к объяснению наших форм *mლაჴი*, *slaჴი*, *glაჴი*.

В говорах Вабриги, Тара и Ядрух имеем отношение *mლაჴი* : *trჴი*, которое выступает как параллель с отношением *mლაჴი* : *trჴი* южной зоны \check{z} -говора. Другими словами, *mლაჴი*, *trჴი* изменялись таким образом, что все компаративы *d*-основ на $-\check{z}$ -перешли в ряд с суффиксом *-ji* ($\langle -\check{li} \rangle$).

Наоборот, в отношении *mლაჴი* : *trჴი* (*trჴი*) большинство говоров северной \check{z} -зоны этого параллелизма не имеют: он в действительности каким-то образом нарушен. И процессы должны были протекать так. Первоначальное отношение северной \check{z} -зоны (т. е. *jž*-зоны) было действительно таким, какое мы находим в говорах Вабриги, Тара и Ядрух: *mლაჴი* : *trჴი*. Оно сохранилось в упомянутых говорах, а в большинстве северных говоров поречья позже изменилось. А этому первоначальному соотношению *mლაჴი* : *trჴი* соответствовало (или могло бы отвечать) в говорах с сохранившимся *l'* соотношение *mლაჴი* : *trჴი*, хотя сейчас этого соотношения нет, поскольку нет нигде на этой территории образований типа *mლაჴი*.

Что касается зоны, где $l > j$, то большинство говоров этой зоны из форм типа *mლაჴი* получило посредством «метатезы» формы типа *mლაჴი*, а формы *trჴი* сохранило так, как они есть. Метатеза, следовательно, привела к нарушению параллелизма.

Вопрос о том, как произошла метатеза *mლაჴი* $>$ *mლაჴი*, очень простой. Она произошла фонетически, путем антиципации элемента *-j-*; он передал палатальный элемент фрикативному (согласному) звуку \check{z} , с которым был связан. Такую антиципацию согласного *j* в группе с фрикативным (и африкатой?) находим широко распространенной во многих говорах южной и западной Истрии и в других категориях, что говорит о том, что данный процесс приобретает характер фонетического закона.

Примеры:

А. группа $\check{z}j > j\check{z}$. Пулштина, кроме крайнего юга: *bჴიჴი* — Лиж, Ядш, Влт, Шт; *vrაჴიჴი* — Лиж, Мед, Влд, Ядш, Влт, Шт; и в истрийском черногорском говоре Перое также *bჴიჴი*, *vrაჴიჴი*; Ровинштина: *bჴიჴი* — См,

Мар, Крм; *bđjži* — РС, Шор; *vřajži* — См, Мар; *vřajži* — РС; большая часть Порештины: *bđjži* — Гр, Фуш, Бад, Бач, Прк, Вр; *bđjži* — Фун, Муш, Куф, Ян; *vřajži* — Гр, Фуш, Яс, Жб, Дик, Прк; *vřajži* — Муш, Куф.

Б. группа *žj > jz*. Пулштина, кроме крайнего юга: *grđjze*, 'грождѣ' — Шик, Ядш, Мнт; *grđjze* — Шт, Мрч; Ровинштина: *grđjze* — Бур, РС; *grđjze* — Мрж; *grđjze* — Бр, Мрт, Бар К, Рад, Сел; большая часть Порештины: *grđjze* — Гр, Фуш, Яс, Мрс, Крун; *grđjze* — Куф, Ян; *grđjze* — НВ. Точно также и *Bezjačija* (центральная Истрия, населенная исконными чакавцами), называемая в этой местности *Bezjačija*.

В. группа *sj > js*. Пулштина, кроме крайнего юга: *pąjsi* 'собачий' (Шкт, Шик, в выражениях *pąjsa vira*, *pąjsa dúša*; *pes pas* не существует); Ровинштина: *kląjse* — Мрг; большая часть Порештины: *kląjse* — Яс; *kląjše* — Вар; *kląjse* — Куф, Ян; *kląjse* — Нв.

Г. возможно и *čj > jč* в примере: Пулштина, кроме крайнего юга: *drugąjče* — Шкт, Шик; Ровинштина: *drugąjče* — Мрж, Сел.

Однако этот последний пример можно объяснить и по-другому.

И в водичском икавском говоре в Чичарии находим, по свидетельству Рибарича, такие примеры: *bđjži*, *kląjse*, *kokđjši*; *kđjži* || *kđžji*, *pąjsi* || *pąsji*⁵; *grđjze* (и *grđjzde*)⁶ и затем *kđjnski* || *kđnski*, *sičajjški* || *sičañski* и т. п.⁷

Наконец, ср. *vřajži*, *grđjze* из чакавского говора Зарича в средней Истрии (по моим материалам).

Как можно видеть, этот процесс антиципации широко распространен в истринских говорах, захватывает немалую часть зоны *ž*-говоров, а также в значительной мере и штокавские говоры в Пулштине (см. карту).

Это не единичное явление в наших говорах. Я, например, нашел аналогичную антиципацию совсем в другом районе, в Воеводине: *stđлицу > stđjљцу*, *прокđсити > прокđјс'ти*, *кобąјсџе* *грђđмрајсџа*, *чąјица*, *Бђјића* и т. д. и там же со смягчением согласного звука; только воеводинский процесс шире в отношении согласных, которые им охватываются, и причина его несколько другая⁸.

Таким образом, и в говорах с *l > j* — а они охватывают немалую часть на севере *ž*-говора (ср. карту)⁹ — эти изменения произошли фонетическим путем: *młąјji*, *sląјji*, *gląјji > mląјji*, *sląјji*, *gląјji*.

Гласный основы *a* нижнего подъема образовал с *l*, перемещенным из суффикса этой «метатезой», новый дифтонг *al*. Что касается форм

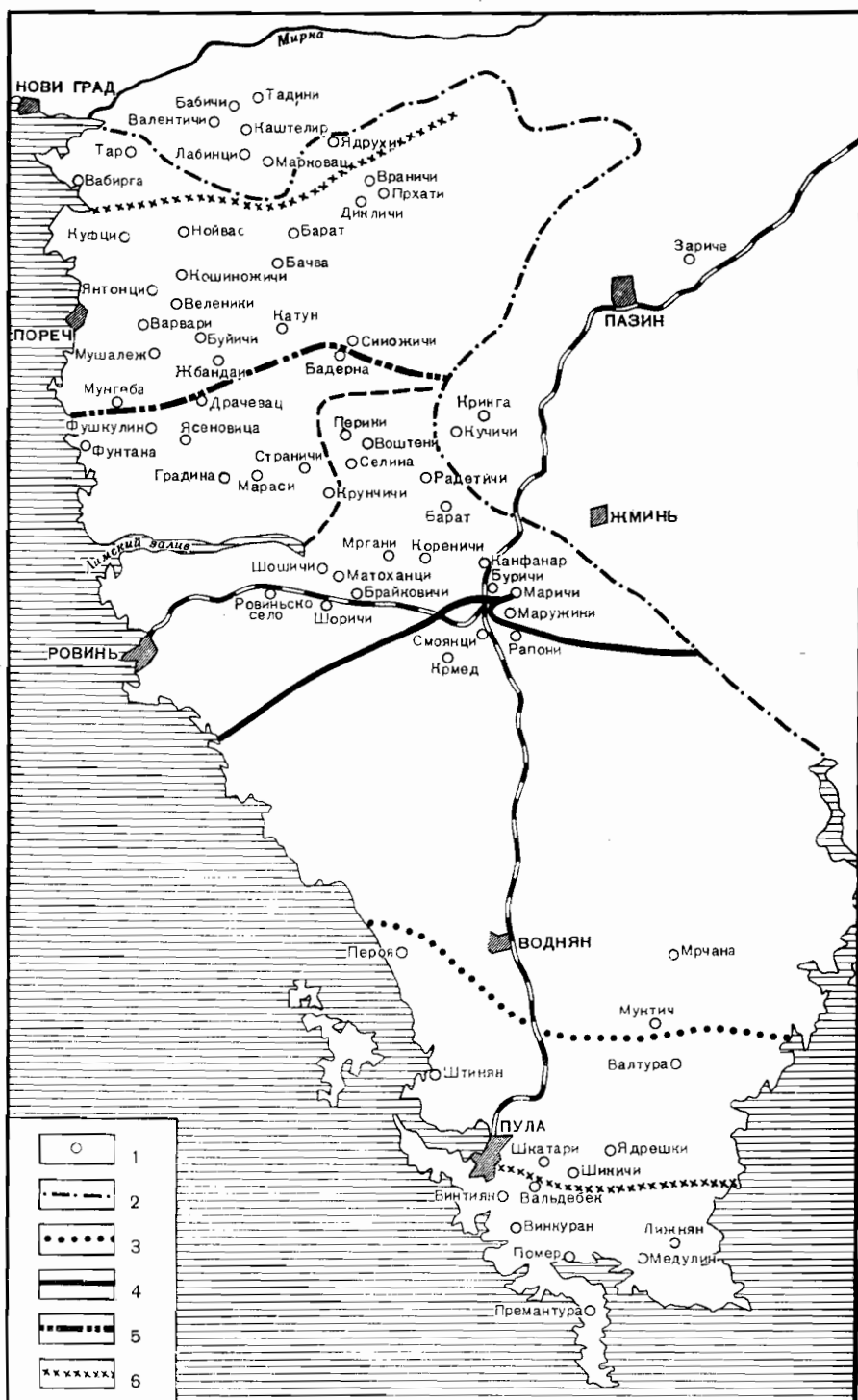
⁵ И. Попович. Указ. соч., стр. 83—84.

⁶ Там же, стр. 79.

⁷ Там же, стр. 78.

⁸ На этом я подробно останавливаюсь в своей монографии «Говор Госпођинаца в свете бачских говоров как целостных», § 69, которая будет напечатана в «Српски дијалектни зборник», XII.

⁹ Это область несколько большая, чем она дана на карте 5, которая приложена к упомянутому труду Малецкого.

сравнительной степени *tržji*, *gržji*, *rižji* в тех же самых говорах, то в них «метатезы», вероятно, и не произошли потому, что здесь не могло получиться дифтонга: *ržj*, *ižj* не могли дать *riž*, *iiž* фонетическим путем. Так получился непараллелизм в говорах с $l > j$, и мы находим в них соотношение *młajži* : *tržji*.

Позднее это соотношение и все образования вышеописанного типа были внесены в те говоры, где *l'* сохранено. В последних *tržji* заменено *tržl'i* (или утрачено по причине существования *tržl'i*) согласно соотношению *dlmbji* : *dimbe'i* или ему подобным, точно так же, как из говора с $l > j$ внесены в говоры с сохранившимся *l'* формы *cvitje*, *perje*, которые здесь в результате ошибочной регрессии дали *coitl'e*, *pêrl'e* (например, *coitl'e* — II Мат, Бр, Мрг, Кнф, См; *pêrl'e* — Крм, Мрж, РС).

Что касается формы *młajži*, то она заимствована говорами, не имеющими подобных образований, из говоров с $l > j$ без изменений, поскольку здесь языковое чутье носителя этого говора с сохранившимся *l'* не могло уже в *młajži* выделить анализом *j*, которому должно соответствовать местное *l'* (*młazl'i*). Таким образом, форма *młajži* должна была быть принята в таком виде, как она есть, или совсем быть отброшена. Произошло первое, а возможные формы *młazl'i*, *slazl'i*, *glazl'i* были легко вытеснены заимствованным новообразованием, вероятно, как раз благодаря тенденции к диссимиляции *l—l'*, которую мы констатировали в случае: *plži* и *bliži* (см. выше).

Впрочем, и у тех компаративов, где *ž* не из **di*, а из *g*, находим точно такие же формы с *jž* после каких-то гласных и опять-таки за пределами зоны $l > j$, а после других гласных и здесь сохраняется полученное в результате инновации *žj* || *žl'*. Сравнительные степени с *ž* и *g* и есть одно из доказательств изложенных мною объяснений. Ср. *drājži* — II Шош, III (2 раза) Гр, Буй, Бад, Кош, Вр; *drājži* — II РС, III Муш, Куф; *dūjži* — III Бад, Син, Кош, Вр, Дик; *dūjži* — III Муш, Ян, Куф; *tějže* — III Ян; или: *bržl'e* — II Пер; *bržje* — III Бач, Дик.

Однако, есть и колебания и новообразования (ср. компромиссные формы *dūjžji* — Прх; *drājžl'e* — Буй; новообразование *tlěž'e* — Бур, Крун; *těžje* — Кош; *dūžl'i* — Вош, Др).

Далее, в качестве подтверждения моих выводов может явиться и тот факт, что ни форм типа *młajži*, *slajži*, *glajži*, а также ни образований *drajži*, *dujži* и т. д. мы не находим в виде системы (единичные заимствования, разумеется, быть могли) в тех говорах, где нет форм *bojži*, *vrajži*, *grojže* и т. п.

Отсутствие вариантов *bojži*, *vrajži* и т. д. характерно в Истрии, с одной стороны, для ряда штокавских говоров, расположенных в непосредственной близости от Пулы, а с другой — для некоторых новых штокавских (цакавских) говоров, лежащих к северу от Поречья, и наконец для чакавских говоров каштелирской группы.

Примеры: окрестность Пулы: *bðžji* — Пр, Внк; *vrāžji* — Пр, Внк; *grōzje* — Пр, Пом, Мед, Внк, Внт; *grōzje* — Лиж; *pāsji* (в выражении *pāsja vira*) — Пр, Мед, Лиж, Внк, Внт; *kðzji* — Пр; *drugāžje* (об этом примере ср. выше) — Влт; штокавский говор Тара и каштелирская чакавская группа: *bðzji* — Тар, *bðžji* — Кшт, Баб, Тад; *vrāzji* — Тар; *vrāžji* — Баб, Тад; *grōzje* — Тар, Лаб; *grōzje* — Баб, Тад, Вал; *grōzje* — Кшт; *Bèzjaki, Bezjaclja* — Тар; *klāsje* — Кшт.

Примеры такого рода из Пулы для нас в данный момент не представляют интереса, так как пульские говоры другого типа (**d*_i > *d'*, *d*, *đ*), и там, в сравнительной степени *-jž-* не появляется.

Интересны данные из Тара и каштелирской местности: поскольку в тарском говоре сохранились без метатезы *bðzji, vrāzji, grōzje*, постольку сохранились и приведенные выше *mlājzi, slājzi*, встречающиеся в этом говоре (а также в говоре соседней Вабриги, а возможно и еще где-нибудь), а также сохранившиеся без метатезы *grāzja, dāzje* (ср. и *dūžje* в Вабриге).

Точно также сохранившееся *-žj-* в *mlājzi, slājzi, glājzi* в говорах Ядрух на северо-востоке объясняется наличием *vražji, božji, grozje* и т. п. в соседних каштелирских чакавских говорах.

Третьим доказательством моей теории является тот факт, что *-jž-* появляется на севере *ž-*зоны там, где есть говоры с *l* > *j*, а не на юге, где таких говоров нет.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что появление форм *mlajži, slajži, glajži* точно так же, как и форм *gržji, tržji* (*gržl'i* и т. д.) и *dujže, drajže, tejži*, никак не связано с заменой **d*_i > *j* в близлежащих чакавских говорах, а вызвано внутренними процессами самих *ž-*говоров и связано с формами *tržli, gržli, rižli*.

Появление образований типа *mlajži* и т. д. обусловлено здесь тремя факторами: 1) широким распространением суффикса сравнительной степени *-li-* во вторичных образованиях; 2) переходом *l* > *j* в этом суффиксе по крайней мере в некоторых *ž-*говорах; и 3) метатезой группы «*i* + фриктивный согласный», которая известна многим истрийским говорам.

Тот факт, что формы *mlajži, slajži, glajži*, а также и *drajži, dujže* и т. п. довольно далеко распространились на юг, не представляет ничего удивительного, если принять во внимание, что, например, «лексически случајеви» с чакавским *j* на месте **d*_i перенесены с севера на юг Пулштины (например, *tuji* 'странац' и т. п.). Продвижение формы *mlajži* и т. д. с севера на юг *ž-*зоны можно было, кстати, заметить и сейчас в говоре с. Маричи в Канфанарштинге, которое расположено между *jž-*зоной и зоной с сохранившимся типом *mlaži* и в котором старшее поколение еще сохраняет первоначальную форму, в то время как молодежь уже усвоила новообразование *mlajži* и т. д., заимствованное с севера.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Баб	— Бабичи	Мат	— Матоханци
Бад	— Бадерна	Мгб	— Мунгеба
Бар В	— Барат (около Вишняна)	Мед	— Медулин
Бар К	— Барат (около Канфанара)	Мнт	— Мунтич
Бач	— Бачва	Мрг	— Мргани
Бр	— Браjkовичи	Мрж	— Маружини
Буй	— Буйичи	Мрк	— Марковац
Бур	— Буричи	Мрс	— Мараси
Ваб	— Вабрига	Мрч	— Мрчана
Вал	— Валентичи	Муш	— Мушалеж
Вар	— Варвари	НВ	— Ной Вас
Вел	— Веленики	Пер	— Перини
Влд	— Валдебек	Пом	— Помер
Влт	— Вальтура	Пр	— Премантура
Вик	— Винкурап	Прх	— Прхати
Вит	— Винтияп	Рад	— Радетичи
Вош	— Воштени	Рап	— Рапони
Вр	— Враничи	РС	— Ровиньско Село
Гр	— Градина	Сел	— Селина
Дик	— Дикличи	Син	— Свяножичи
Др	— Драчевац	См	— Смоянци
Жб	— Жбандап	Стр	— Страничи
Кат	— Катун	Тар	— Тадини
Киф	— Канфанар	Тар	— (не сокр.)
Кор	— Кореничи	Фун	— Фунтана
Кош	— Кошиножичи	Фуш	— Фушкулин
Крин	— Крипга	Шик	— Шикичи
Крм	— Крмед	Шкт	— Шкатари
Круп	— Круничичи	Шор	— Шоричи
Куч	— Кучичи	Шош	— Шошичи
Куф	— Куфци	Шт	— Штияп
Кшт	— Каштелир	Яв	— Яптонци
Лаб	— Лабинци	Яс	— Ясеновица
Лиж	— Лижияп	Ядх	— Ядрухи
Мар	— Маричи	Ядш	— Ядрешки

Г. К. Венедиктов

О БЕСПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛАХ ДВИЖЕНИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ XVII—XVIII вв.

В лингвистической литературе уже не раз отмечался тот факт, что в современном болгарском языке отсутствуют соотносительные пары глаголов движения типа русск. *нести* — *носить*, *лететь* — *летать*, противопоставленных а) по характеру выражаемого основой направления движения (*нести* — движение в одном направлении, *носить* — движение в разных направлениях) и б) с точки зрения кратности — некратности действия (*нести* — действие единичное, некратное, *носить* — повторительное, кратное, отвлеченное)¹. В болгарском языке и то и другое значение выражается одним и тем же глаголом, независимо от того, какому типу глаголов движения других славянских языков он соответствует этимологически (ср. болг. *нося* и русск. *носить*, польск. *nosić*; болг. *летя* и русск. *лететь*, польск. *lecieć*).

Отсутствие такого рода пар в современном болгарском языке обусловлено двумя обстоятельствами.

Во-первых, самим фактом отсутствия в нем ряда глаголов движения, необходимых для образования пары как таковой. Так, отсутствуют глаголы, необходимые для образования пары с *бродя*, *водя*, *возя*, *гоня*, *лазя*, *нося*, *бягам*, *летя*, *пъляя*. Глаголы *леза* и *неса* хотя и употребляются изредка некоторыми писателями наряду с *лазя* и *нося*, но не являются общелитературными.

Отсутствие соотносительных пар типа русск. *нести* — *носить*, *лететь* — *летать* в болгарском литературном языке объясняется, во-вторых, тем, что при наличии двух основ, необходимых для об-

¹ В. Добровский. К учению о славянском глаголе. «Филол. зап.», вып. IV—V. Воронеж, 1884, стр. 299; А. Geгаd. Verba *ходити*, *носити*, *водити*, *влячати*, *лазити* «Slavia», годин. 17, 1939, стр. 55; Ю. С. Маслов. О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке. — КСИС, вып. 15, стр. 45; В. В. Бородич. Видовые отношения старославянского глагола. Докт. диссерт. (машинопись). М., 1952, стр. 179; М. И. Харијева. Употребление временных и видовых форм в русских переводах И. Вазова. Автореф. канд. диссерт. М., 1955, стр. 5; Л. Андрейчин. Към морфологичната характеристика на видовата система в съвременния български език. «Славистичен сборник», т. 1. Езикознание. София, 1958, стр. 260.

разования пар такого типа, последние не образуются по той причине, что в этих глаголах представлены иные сравнительно с русск. *нести* — *носить* лексические отношения. Так, глаголы *влека* и *влача*, *плувам*² и *плавам* не различаются в выражении собственно движения, которое может совершаться в одном или разных направлениях и в определенный или неопределенный момент времени. Наоборот, глаголы *ида* и *ходя*, *язам* и *яздя* обозначают различные движения, которые однако не соотносятся между собой по типу движений, выражаемых глаголами *нести* — *носить* и т. п. в русском и других славянских языках.

Несколько шире представлены глаголы движения без приставок в современных говорах³.

Известно, что в старославянском (древнеболгарском) языке также употреблялись соотносительные пары глаголов движения: *нести* — *нести*, *вести* — *водити*, *бѣжати* — *бѣжати*, *летѣти* — *лѣтати* и др. Соотношение между этими глаголами в старославянском было несколько иным, чем, например, в современном русском языке. Если в русском языке ведущим является теперь противопоставление по характеру направления, то в старославянском ведущим, главным было противопоставление по линии конкретности — отвлеченности движения во времени (*нести* — конкретное движение, относящееся к определенному моменту времени, *нести* — отвлеченное движение, относящееся к ряду моментов или любому моменту времени)⁴. Отсутствие коррелятивных пар глаголов движения в современном болгарском языке при наличии таковых в старославянском (староболгарском) и в большинстве современных славянских языков возбуждает законный интерес к этим глаголам в болгарском и ставит вопрос о причине своеобразия и времени установления современной системы (или утраты системы соотносительных пар) глаголов движения в этом языке. Ответить на эти вопросы можно, естественно, лишь в результате исследования этой группы глаголов в процессе их развития на почве болгарского языка с учетом данных современных говоров. В качестве обязательного шага к решению этого вопроса мы сочли необходимым исследование интересующих нас глаголов в памятниках живого, народного языка XVII—XVIII вв.

В исследовании памятников XVII—XVIII вв. мы ставим своей целью, во-первых, установить, какие из глаголов движения, образующих в других славянских языках соотносительные пары типа русск. *нести* — *носить*, *лететь* — *летать* (или соответствующих старославянских), употреблялись в этот период в болгарском языке;

² Глагол *плувам* произведен из *плуя* (аор. *плух*, ст.-сл. *плѣти*), употребляемого ныне в другом значении.

³ Подробнее значения глаголов движения в современном болгарском языке рассматриваются мною в своей работе.

⁴ Е. В. Чешко. К истории славянских глагольных видов. «Ученые зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. III, 1951, стр. 331, 333.

во-вторых, определить значения и употребление этих глаголов, прежде всего в плане выражаемого ими характера направления и кратности (некратности) движения, иначе говоря — соотношение двух основ (при наличии таковых) с точки зрения того, образуют или не образуют они соотносительные пары типа русск. *нести* — *носить*, *лететь* — *летать* или соответствующие пары в старославянском. Необходимо также определить, какое движение выражается одной основой при отсутствии второй.

В обследованных памятниках употреблены следующие интересующие нас глаголы движения: *бежа*, *блягам*, *веда*, *вода*, *влека*, *влача*, *ида*, *ходя*, *плавам*, *плувам*, *лятя*, *-пълязя*, *возя*, *гоня*, *нося*, *яздя*.

Как видно из перечня этих основ, в языке XVII—XVIII вв. как бы есть потенциальная (с точки зрения наличия основ) возможность образования следующих пар: *бежа* — *блягам*, *веда* — *вода*, *влека* — *влача*, *ида* — *ходя* и *плавам* — *плувам*. Однако в действительности соотносительную пару образуют далеко не все эти глаголы.

Наибольший интерес, естественно, представляют основы, отсутствующие в современном литературном языке. Это основы *бежа* и *веда*.

Основа *веда* встретилась нам восемь раз в разных памятниках. Пять из этих примеров сами по себе не представляют интереса, так как в них основа *веда* употреблена в контексте книжной, а не живой, народной речи, именно в отрывках из священного писания. Часть из этих примеров, однако, интересна тем, что наглядно иллюстрирует употребление в народной речи вместо *веда* глагола *вода*, так как при толковании отрывка из священного писания народным языком первая основа заменяется второй. Например:

Па^kпр^ркъ ісаіа каже за х̄а. ѿк ов'че на заколеніе веде се . . . си р̄е каже. кога водеть агне да го заколете (К. 376)⁵. См. также Т. 161.17; Кт. 84 об. 12; Кт. 120 об. 12.

Но наряду с употреблением в книжном языке глагол *веда* употребляется в XVII—XVIII вв. и в живом, народном языке. Например:

Мѡѡси ѡкакъ прѣведе евреее прѣз' чръное море. та гы веде по пѣстына (Т. 160 об. 7)⁶. См. и Кт. 83 об. 19. [Петр] рече единомѡ рабѡ вернѡ: що ти речемь да ме послѣшашь, да не ведешь въ іерѡсалимь, и тамо да ми речешь, како ти самь робь (Р. 41).

⁵ Примеры даются в несколько упрощенной орфографии. Буквой в скобках после примера обозначается принятое сокращение названия памятника, цифрами — номер страницы в издании памятника. В примерах из неопубликованных рукописей Тихонравовского и Котленского дамаскинов (Т., Тх. и Кт.) вторая цифра указывает номер строки.

⁶ Небезынтересно отметить, что сверху над словом *веде* в этом примере другой рукой и другими чернилами написано *воде*. Характерно при этом, что исправлено лишь корневое *e*. Трудно сказать, когда было сделано такое «исправление». Но сам факт этот весьма показателен, так как наглядно иллюстрирует судьбу части основ типа русск. *нести* в болгарском языке. Но языку писцов Тихонравовского дамаскина XVII в. и Котленского дамаскина XVIII в. этот глагол, видимо, еще не был чужд.

Эти примеры показывают, что основа *веда* употреблялась и в XVII и в XVIII в. и выражала движение конкретное и направленное в одну сторону. Мы не можем сказать, ввиду ограниченности материала, употреблялся ли этот глагол во всех говорах того времени. Возможно, что в некоторых говорах он уже и не встречался. Однако и в тех памятниках, в которых выступает глагол *веда*, значительно чаще для выражения движения в одном направлении употребляется *водя*. Так, например, в Тихонравовском дамаскине на один случай употребления *веда* приходится 12 случаев (из всех 17) с глаголом *водя*, выражающим конкретное движение в одном направлении⁷.

Видовое значение основы *веда* могло быть совершенным. Во всяком случае, в приведенных примерах *веда* — скорее глагол совершенного вида, чем несовершенного. Ср.: '...перевел через Красное море и их повел...'; '...отведешь меня в Иерусалим и там скажешь...'. Но не исключено здесь и несовершенное видовое значение, в частности в примере Т. 160 об. 7, где начинательность действия может быть выражена самой формой аориста. Интересно, что в Конриштенском дамаскине (XVII в.) вместо аориста *веде*, выражающего оттенок начала движения в Т. 160 об. 7, употреблен аорист приставочного глагола *заведе* (К. 374).

Основа *бежа* представлена в нашем материале 14 примерами. Во всех примерах *бежа* имеет значение 'убегать откуда-либо или от чего-либо', т. е. им обозначается такое движение, которое может совершаться лишь в одном направлении. В трех примерах, в отрывках из священного писания, употреблена старая форма инфинитива на *-ти*. При передаче этого отрывка форма на *-ти* заменяется живой для болгарского языка конструкцией *да* с глаголом *бягам* в том же лексическом значении. Например:

[Пророк Давид] пакаже. даль еси боещим' се тебѣ знаменіе бѣжати ѿ лица лѣкѣ. сырѣ каже, даль ес на хрѣтіане, дето ти се боють ѿ знаменіето да бѣгать като от лѣкѣ (К. 377—378; см. и Т. 162. 1; Кт. 85 об. 9); срв. также и следующие примеры: аще ѳзри рыба наго жезо. то бежить вѣскорѣ. (Т. 339. 24); аггль иже рече іосифѣ да бежить оу поустини (Р. 57).

В приведенных примерах *бежа* фигурирует в контексте не разговорной, а книжной речи. Употребление вместо него глагола *бягам* в первом примере говорит об архаичности глагола *бежа*, может быть, правильнее сказать об архаичности некоторых форм его и для народного языка XVII—XVIII вв.

Вполне употребительна еще форма повелительного наклонения. Мы располагаем восемью примерами.

⁷ Примеры см. ниже.

Ами как си смѣаль та си дошьль на това езеро да загинеш ѿ зла сьмрьть. ами бѣжь скоро да не бъдеш и ты кор'бань лѣкавому змею (Л. 64). В Свиштовском дамаскине в этом примере употреблен *багаи*, т. е. основа *бягам* (С. 565). Однако тут же ниже дважды находим формы от *бежа* (*башь*, *бешь*), что говорит о параллелизме употребления форм повелительного наклонения от разных основ не только в языке разных памятников, но и в языке одного и того же памятника.

В современном болгарском литературном языке от *бежа* употребляются только формы повелительного наклонения *беж*, *бежете*, которые в настоящее время связываются уже не с этой основой, а с *бягам*⁸.

В памятниках XVII в. нам дважды встретилась форма аориста. Например:

Наѡтрѣ съ събѣдиха что бѣха ѡстале ѿ войскѣта сенахеримова и видѣха това чюдо като съ толкова измрѣле. Ѹбоаха се тврѣдѣ. и голѣ стра нападе на тѣ. и бѣжаше ѿ іер^лимъ съ срамъ великъ (Т. 91 об. 15). См. также К. 99.

В памятниках XVIII в. такая форма нам не встретилась. В Свиштовском дамаскине в этом примере выступает аорист глагола *бягам* (С. 359). Весьма вероятно, что в диалекте, на котором написан Свиштовский дамаскин, а также и в других памятниках, употреблялись в XVIII в. только формы повелительного наклонения, как и в современном литературном языке.

Для определения видового значения глагола *бежа* в народном языке этого периода приведенные примеры не очень показательны. Формы повелительного наклонения, как известно, мало показательны в этом отношении. Однако тот факт, что в памятниках вместо этих форм в аналогичных контекстах часто встречаются формы от *бягам*, глагола несомненно несовершенного вида, указывает на несовершенное видовое значение и *бежа* в этой форме. Сложнее обстоит дело с формой аориста. В приведенном примере контекст позволяет видеть здесь совершенное видовое значение. Ср.: *убоаха се... нападе* и *бежаше* ('испугались... напал и убежали'). В Свиштовском дамаскине в этом отрывке употреблена форма от *бягам* (и като видѣха туй чюдо... уплашиха са тврѣдѣ и бѣгаха от Іерусалимъ съ срамъ голѣмъ. С. 359). В известной мере это может служить указанием на несовершенное видовое значение и в форме *бежаше*.

Несовершенное видовое значение остальных глаголов, рассматриваемых ниже, не требует разъяснений. О глаголе *уда* речь будет идти особо.

⁸ См. «Речник на съвременния български книжовен език», св. 1. София, 1955, стр. 39.

Глаголы *плавам* и *плувам* во всех встретившихся примерах имеют значение 'плыть, плавать на корабле'. Каким было семантическое отношение между глаголами *плавам* и *плувам* с точки зрения кратности и характера направления движения, сказать трудно ввиду ограниченности материала. Можно лишь с уверенностью сказать, что *плавам* встречается значительно чаще, чем *плувам*. Так, в Тихонравовском дамаскине XVII в. *плувам* употреблен всего один раз, в то время как *плавам* — 10 раз. В Коприштенском и Свиштовском дамаскинах *плавам* употреблен соответственно 13 и 6 раз, а *плувам* — ни разу. В имеющихся в нашем распоряжении двух примерах глаголом *плувам* выражено конкретное движение, направленное в одну сторону.

[Алексиа] поиде на краи море и наиде корабъ и влезе Ѹ него и плѣва до градъ лавдикѣа. и излѣзе из корабъ (Т. 320 об. 19).

В Белградском дамаскине XVIII в., частично изданном Ст. Новаковичем, в этом примере употреблена конструкция *да плува*: и влезе въ него и *да плѣва* до грать... (Бл. 36).

Обозначал ли *плувам* в языке XVII—XVIII вв. только конкретное однонаправленное движение или он мог обозначать и движение другого характера, мы не можем сказать на основании этих двух примеров.

Что касается глагола *плавам*, то здесь картина яснее. Глаголом *плавам* обозначалось:

а) конкретное движение в одном направлении:

И пойдоше онѣа трыте хилѣдаре и плаваахѸ наедно със' воиската да пойдѸ въ фригѣю (К. 224); [Монахи] влѣзоха у гемѣата и плаваха ду тамъ (С. 384);

б) конкретное движение в разных направлениях:

а ковчегѣтъ плаваше по водѣта, догде достигна и стана на една плавинѣ, щото съ зове Хараратъ (С. 95); Речь идет о Ноевом ковчеге, который после длительного плавания достиг горы Арарат случайно, а не потому, что он сразу держал курс в таком направлении;

в) свойства, способности к движению (на корабле):

видѣхѸ корабныците как' е добръ вѣтръ и прилеж'нь да плаватъ и наговорыше се между себѣ си, да си поидѣтъ на свое мѣсто (К. 208—209).

Глаголы *влека* и *влача* имеют значение 'тащить, таскать вслед за собой'. Как и в современном литературном языке, в языке XVII—XVIII вв. между ними, вероятно, не было различия с точки зрения выражаемого ими характера направления и кратности движения.

Так, глагол *влека* мог выражать повторительное движение в разных направлениях. Например:

[Мохаметь]... единъ топъ ималъ, що гу возили седемдесатъ чифта волове и две хиллади чл(о)веци, и гу влекли (Ц. 448).

Не исключено и то, что здесь *влека* выражает и способность к совершению такого действия: '...орудие, которое могли (были в состоянии) тащить две тысячи людей'.

Глагол *влача* мог обозначать:

а) конкретное движение в одном направлении:

убуха въ тѣхъ стѣго и насетне го бѣаха и влачаха да го туреть в темницата (Кт. 149);

б) движение повторительное в одном направлении:

[Змей] що намѣръше друго се влачѣше въ езерото (Л. 62 об.); д. аггели страшни немилостиви дръжаха синѹире насвиглѣни и врѣзѣха момите за шѣте и влачаха ги въ мѣката (Гр. 163).

Иным сравнительно с современным литературным языком было в XVII—XVIII вв. соотношение глаголов *ида* и *ходя*, где они могли образовывать соотносительную пару типа русск. *идти* — *ходить*.

Глагол *ида* в XVII—XVIII вв., как и в современном языке, был глаголом двувидового значения. *Ида* совершенного вида обозначал, как правило, движение, связанное с понятием удаления: движение от лица говорящего или любого предмета. Например:

Приличень е днѣшний стѣ днѣ блѣвены хрѣтіане, колкото като единъ црѣ иде на войска и навѣе на ѡнѣа врагове и врѣне се црѣ весель (К. 366); Вые тѣка да ловите ловь що наидете, а азъ да идѣ подалече, давно бы поголѣмо нѣщо наишьль (Т. 30 об. 3); Ами ви се мѣе кога са зарадвате и идете въ рай, тогази поменете и мене грѣшнаго ѿшанна архіереа (К. 396).

Очень редко в значении совершенного вида *ида* обозначает движение, сказанное с представлением о приближении. Например:

[Старец] купи щото трѣбваше за службата стѣму Николу и идѣше си и радваше са като сѣ е купилъ шото му трѣбва и като си иди въ домъ свои видѣ го жената му и расрьди са на него (Кт. 76 об. 14, 15). Контекст не оставляет сомнения в том, что в последнем примере форма *иди(си)* имеет совершенное видовое значение и обозначает движение-приближение: 'когда он пришел (к себе) в свой дом, жена увидела его и рассердилась на него'. Там же форма *идеше(си)* выступает в несовершенном видовом значении.

И тутакси проводиха болѣры да идатъ на Валаама със много дарби, да му се молать, да иде при царѣ Валака (С. 30). Здесь обе формы образованы от *ида* совершенного вида, но разного лексического значения. В первом случае *ида* обозначает удаление, во втором — приближение: '... послали бояр, чтобы они пошли к В. с большими дарами и попросили его придти к царю В'. Такое различие лексического значения *ида* подтверждается и тем, что в Коприштенском дамаскине в этом же примере вместо *ида* употреблены в первом случае *пойда*, во втором *дойда* (К. 282), лексические значения которых разграничены приставками.

Глаголом *ида* несовершенного вида в языке памятников XVII—XVIII вв. обозначалось движение как: а) приближение к кому- или чему-либо, б) удаление от кого- или чего-либо и в) «нейтральное»

движение — движение в одном направлении вообще, а не в смысле удаления или приближения.

а) Приближение ('приходить'):

Тогази дойдоха двама и казаха ей, какъ иде мъжъ нѣинъ ишакѣмъ и кара си стадото свое (К. 170). Пришедшие к жене Иоакима говорят, что ее муж идет именно сюда, домой (где в момент речи находятся говорящие лица), что он приближается, а не идет вообще куда-то в одном направлении.

Ср. еще: И пакъ видѣхъ момци че идѣха ѿтъ далечъ и хубави в лицето... И дудоха близу та ма здрависаха и рекоха ми (Гр. 168—169). То, что глаголом *ида* здесь выражено приближение к говорящему лицу, подтверждается последующим контекстом, где употреблен глагол *дойда*, ясно указывающий на лексическое значение *ида*.

б) Удаление ('уходить, отправляться куда-нибудь'):

Въ онѣа днѣи излѣзе повелѣнїе ѿ кесара авгѣста да се напише въ сакъ члѣкъ на своето си ѿчѣство... и сичкѣте идѣхъ да се напише сѣкѣ на свои градъ. поиде -и ишсифъ да се напише (К. 269—270). '... Все шли (имеется в виду: уходили оттуда, где жили) записаться в свой город, пошел и Иосиф записаться'. В Свиштовском дамаскине вместо *ида* в этом примере имеется *отходя* — глагол, значение удаления которого не вызывает сомнений: сѣки чловѣкъ отходѣше и пишеше са на своятъ градъ (С. 15); еще пример: [монахи] прѣминѣвахъ ишрданъ, и раздѣлавахъ се далече единъ ѿ дрѣггито. и идеха ѿ пѣстинъ (Г. 165 об. 4) '... и уходили в пустыню'.

В Свиштовском дамаскине и здесь вместо *ида* употреблен глагол с приставкой *от-*: *отхождаха в' пустинѣ* (С. 505).

В современном литературном языке *ида* несовершенного вида такого значения не имеет.

в) Движение в одном направлении вообще, «нейтральное» движение (русск. *идти*):

тък'мо знаю че поведе на баша ни и идѣше на прѣ и като идех'мѣ доидох'ме до нѣкоа рѣка (К. 411); момци поведоха светаго на едно със царица и изведоха го из' внь градъ, и като идеше царицата, а тѣя са мл'комъ молѣше (С. 559).

В приведенных примерах движение, обозначаемое *ида*, представляется только как движение в одном направлении без какой-либо дополнительной пространственной характеристики (удаление или приближение).

В современном литературном языке *ида* несовершенного вида такого значения не имеет.

Как видим, в лексических значениях *ида* в XVII—XVIII вв. представлен ряд отличий от *ида* в современном литературном языке. Необходимо отметить также и тот факт, что в обследованных нами памятниках ни разу не употреблен глагол *идвам*, широко распространенный в современном языке в значении движения-приближения.

Глагол *ходя* в XVII—XVIII вв., наоборот, не имеет в общем различий по сравнению с *ходя* в современном языке. Он означает движение 'ходить', которое может быть представлено как конкретное движение в разных направлениях, повторительное движение в одном или разных направлениях и движение как известное свойство.

Сопоставив значения *ида* и *ходя*, мы найдем, что они в XVII—XVIII вв. еще образовывали соотносительную пару типа русск. *идти* — *ходить*. Такая пара образовывалась потому, что *ида* в то время еще мог обозначать движение просто в одном направлении (не в смысле удаления или приближения). В других значениях *ида* несовершенного вида (приближение или удаление) не мог образовать с *ходя* пару, так как и приближение и удаление являются таким движением, которое может быть представлено только в одном направлении. По этой же причине, а также и в силу различий в видовом значении не образует пару с *ходя* и *ида* совершенного вида.

Ида несовершенного вида в значении движения в одном направлении стоял в болгарском языке XVII—XVIII вв. в таком же отношении к *ходя*, в каком отношении стоят эти же основы в других славянских языках. Именно при определенности времени действия *ида* обозначает конкретное движение в одном направлении, а *ходя* — конкретное движение в разных направлениях. Например:

Ирѣ мѣ [мулу] валаа*. оти мы чини^м тол 'козы пакость и не *идешь* ис пѣ'а^м, ами *ходишь* и са* и та* (К. 283).

Ср. также приведенные примеры и *ида* и следующие примеры с *ходя*:

Единь день [девица] *ходеши* у градината си та са раскодеше из опките да бире емишь от дръвѣята И видѣ едногу чловѣка (С. 393); Царица Евдоѣа слѣзи се неи нѣкогы и поиде оу лозѣе црѣьскы... и *ходѣше* црѣица из' лозѣето, и ѡлѣзе и на он'зы вдовица лозѣето (К. 148).

При отсутствии определенности времени действия употребляется глагол *ходя*. Повторительное движение, выражаемое *ходя*, в таких случаях может быть направлено в одну сторону, если контекст указывает на это. Например:

вдовицата си не оставѣше лозѣето ами *ходѣше* на патрѣар'ха и молише мѣ се и трѣдѣше го да *ходи* на црѣца давно и даде лозѣето и досаждаше ѿваннь царици като често *ходѣше* и дѣмаше и (Т. 113 27, 28, 30).

В первых двух случаях направление повторительного движения определено лексически — на патрѣарѣха, на црѣца, в третьем — всем контекстом.

Ср. еще: ѿни които са често измивали, често оу банѣ *ходили*, и тѣрали меризми на себе, тамо хоца^м да смардаты и да са грозны (Рл. 38).

В рассмотренных примерах повторяющееся действие протекает в известных временных границах, хотя и не определенных. Это же действие может иметь и более отвлеченный характер, когда смысл высказывания не ограничивает повторение действия возможными в других случаях рамками. Например:

Кои ходи њ черкова мое сась благословенѡ и сокрѡшено срѣце и ази ща да испална негѡвата каша пшеница Тх. 70 об. 12).

Здесь, в сущности, выражается «вневременное» действие.

При отсутствии определенности времени и определенности направления *ходи* обозначает движение повторительное в разных направлениях. Например:

[Ювь] не имаше что да иде или что да пѣе ами жената мѡ ходѣше и просѣше и донесѣше мѡ хлѣбъ и ѡдалечъ мѡ поѡ фрълѣше (Т. 27 об. 9); [Коз'ма и Дам'анъ] ничто не бзимаха, цѣна зацо ликѡвать, ни злато ни сребро, ни дрѡго нѣчто, ами ходѣха по сичка земли и исцѣлѣваха и ѡчахѡ да вѣрѡвать (Т. 76. 19).

В значении свойства, способности к ходьбе *ходи* обычно употребляется для выражения вневременного действия, т. е. действия не фиксированного определенным отрезком времени. Характер направления движения тоже не фиксируется. Это как бы движение вне времени и пространства. Например:

[человек] има ѡствѣнно дѣйство да ходи със' позѣте си. Можеш' ли да мѡ рѣшь хромъ ѡти не ходи със' руцѣте си, (Т. 282.5, 6).

Иногда, однако, время проявления такого свойства определяется контекстом. В этом случае речь идет не о конкретном движении как таковом, а лишь о возможности проявления этого свойства в определенный момент (отрезок) времени. Например:

И когито остарѣ докрай и не можеши веки да ходи, ... тогизи са сподоби (С. 125).

Аналогично и в следующем примере:

Като го [святого] видѣ царь че ходи здравъ, а той се замаи и почюди, и каже с(ве)т(о)му (Л. 54).

Из контекста нельзя судить о том, что здесь глаголом *ходи* обозначено конкретное движение, хотя и указан определенный момент времени. В данной ситуации выражается не определенность или неопределенность направления при определенности момента времени, а сам факт проявления способности к движению. В данном случае царь был удивлен не тому, что святой шел (к нему) или ходил (по чему-то), а тем, что он вообще ходил (а не стоял, лежал и т. п.), был жив, здоров вопреки его, царя, ожиданиям.

Также скорее свойство, способность к движению, чем само движение, выражено и в следующем примере:

Тиа [женщина] доде при ѡрданъ и прѣк'рти се і на к'ртъ знамена ѡрдана и влѣзе врѣху вѡдата и ходѣше и приближи се при краи...

излѣзе на сѣхо, и ре старѣцу зосимѣ. блѣви очѣе. а той се растрепера като видѣ това чюдо какъ ходи по водѣть. и рѣ ей (Т. 174.21, 29).

В приведенном отрывке движение, выраженное глаголом *ходя*, происходит в известный момент времени, очевидный из контекста, и в одном направлении, также определяемом контекстом, именно — к противоположному берегу реки. И тем не менее здесь употреблен глагол *хода*, а не *ида* или какой-либо другой глагол. Это объясняется тем, что здесь выражено не столько само движение в определенном направлении как конкретный процесс, сколько проявление необычного свойства — ходить по воде⁹.

Остальные глаголы (*нося, возя, гоня, яздя, летя, пѣля*) в языке обследованных нами памятников XVII—XVIII вв. не образуют соотносительных пар типа русск. *нести* — *носить* в силу наличия только одного из необходимых членов. Сюда же следует отнести и глагол *блгам*, так как глагол *бежа* в наших примерах имеет только значение 'убегать'. Глагол *водя*, несмотря на наличие отдельных примеров с *веда*, характеризуется теми же особенностями, какие характерны и для остальных перечисленных сейчас глаголов. Надо указать только, что, поскольку *веда* в приведенных выше (стр. 41—42) примерах выражает лишь действие конкретное и направленное в одну сторону, а *водя* может выражать помимо такого движения и движение повторительное и в разных направлениях, есть основание говорить для XVII—XVIII вв. о паре *веда*: *водя* (если только *веда* действительно имел и несовершенное видовое значение). Но общее соотношение между ними ввиду изменившегося значения *водя* уже имеет другой характер, нежели *вести* — *водити* в старославянском или *вести* — *водить* в русском.

Особенность этих глаголов заключается в том, что все они могут обозначать с одной стороны, движение в одном и разных направлениях, а с другой стороны — движение конкретное и неконкретное (повторительное, вневременное). Характер движения, выражаемого этими глаголами, может быть определен только в контексте. Сама основа, естественно, никаких различий в движении выразить не может.

Ниже приводим примеры с этими глаголами, выражающими различного рода движение.

а) Конкретное движение в одном направлении:

срещнахъ анѣлы днь речи ми: кѣда **багашъ** макариѣ (Тх. 114 об. 3—4); Като разбра блѣгочѣтви дрѣ ѿ **ѿванн асѣнь** че **носетъ** мощите стѣпи Петѣкы, излѣзе из града пѣшь (К. 27); Тѣа стори като рече с(в)етый. и слѣдъ неа идѣше змеать като овца за закланѣ. и тѣа го **води** и радува се (Л. 65); А стѣи еу'статѣ еднакъ тече самѣсы и **гони** го

⁹ Аналогичные случаи употребления основы *ходить* в Зографском евангелии отмечены Е. В. Чешко (см. указ. соч., стр. 333).

[оленя] (К. 393); [Горожане] напрасно видѣха момата че влачи змеа, и чудотворѣца геѡргіа иде напрѣд и изди на бѣль конь (Л. 65 об.).

б) Конкретное движение в разных направлениях:

Прѣтвори се ѿ онѣзи огнь като една голѣма и страшна зма, и гонѣше царя по полатите (Т. 278 об. 24) — '... гонял по дворцу'; Видѣха тогази какъсь е ѡбвивиль съсь въжето. и ѡплашиха се. а черѣве безчеть мно҃го по раната мѡ плъзати (Т. 11 об. 3).

в) Повторительное движение в одном направлении:

А Зустуней сас другѣте воиводи и голамци бѣаха са ф градати сас турците, ту багаха напред тах, ту са връщаха и упираха са на турѣте и гонаха ги (Ц. 439); Кога водеть агне да го заколете и като агънѣць сы рѣ овень стои и не дѡма като го стригать, така и хѣс идѣше смелено на распетѣ и не отвори си ѡстата (К. 376); И врановете му приносеха на сѣка сутра хлѣбъ а в' пладна му носеха месо (С. 616); Сичкоту тахно оружѣе и страли и пушки напраздно падаха, мимо того [царя] летеха и не закачаха цара того (Ц. 439).

г) Повторительное движение в разных направлениях:

И кои навикше на тѣа, .е. игри, а тѣе го вѣнчаваха съсѣдѣтоове ѿ дивы маслыны, и водѣха го по сички тръгъ (Т. 252.5); ѿтогази до днеска бѣга^м и ходимъ и прѣбыва^а по пѣстина тѣзи (Т. 171 об. 6); [Мохаметъ] единъ топъ ималъ, що гу возили седемдесать чифта волове и две хилади чл(о)веди и гу влекли (Ц. 448).

д) Вневременное движение:

Съмрътъ води сички члѣдѣи на пѣть страшны, щото нѣ съ никак' пѣтѣвале (Т. 219. 13); По добре е да са возишь у пробито жорито, нежели на зла жена да казѣвашъ на сръцето си покрити дѡми (Бл. 32); Коа пол'за и коа помощъ имама да носиме на рамо крѣсть (К. 370); Что ли е позло. и посръдито ѿ расланъ чтото е на четири нѡсѣ. или зма люта щото плъзи (Т. 210.10); Така ми се мѣше като ходѣх'ме по црк'вите, ни птица що лети така [скоро чинѣше ми се ходѣх'ме (Т. 19 об. 30).

Кроме обозначения движения, которое может быть представлено совершающимся в одном или разных направлениях, эти глаголы имеют и другие значения, на которых мы специально здесь не останавливаемся. Отметим, что, например, *бягам* чаще всего выступает не в значении 'бегать, бежать', а в значении 'убегать', ср.: Като да рѣшь единъ члѣкъ бѣга от лице расланово, а того намери една меч'ка (Т. 178 об. 25).

В значении же 'бежать, бегать' обычно употребляется *тека* и его производный *тичам*. Последний, кстати сказать, в памятниках XVII в. встречается очень редко.

онзи мужъ... поскоро притече в' тѣмницата при с(ве)т(а)го и като течѣше, а той думаше (Л. 58 об.); И отидоха съсь светаго Николае наедно и трите пашѣе се тическомъ и светый Николай напрѣд' тичаши (С. 488).

Глагол *гоня* часто употребляется в значении 'прогонять откуда-нибудь, принуждать удаляться', т. е. обозначает движение, которое может совершаться только в одном направлении, или в значении, не выражающем движения: 'притеснять, подвергать гонениям'. Например:

Дѣте никога не дрѣжи масть или зависть... и ако го гониш ѿ тѣа врата, а то влѣзѣва от дрѣгыте (К. 443); И с(ве)тыи ѿговори, вторы пѣть. х(ристо)с е истинна, дето го вие гоните днес (Л. 49 об.).

Глагол *нося* часто употребляется в значениях 'быть одетым', 'иметь всегда при себе, носить в себе, с собой'. Например:

а пакъ дрѣгы [монахи] не земаха нищо. тѣк'мо ѿблѣкло що на себѣ носиха (Т. 165 об. 1); И ср(ъ)дце чл(овѣ)чьско носѣше в' себѣ си (Л. 7).

*

* *

Из вышесказанного о бесприставочных глаголах движения в болгарском языке можно заключить следующее.

1. Уже в XVII—XVIII вв. система болгарских бесприставочных глаголов движения резко отличается от системы таких же глаголов в других славянских языках как древних (старославянский), так и современных (русский, чешский, польский). В то же время она почти не отличается от системы этих глаголов в современном литературном языке. Отдельные различия касаются скорее частных, чем всей системы в целом.

Как и в современном литературном языке, в языке XVII—XVIII вв. отсутствует ряд бесприставочных глаголов, главным образом типа русск. *нести*, вследствие чего и применительно к этому периоду нельзя говорить о наличии соотносительных пар типа русск. *нести* — *носить*, *лететь* — *летать*, кроме глаголов *ида* и *ходя*, а также, видимо уже как исключение, глаголов *веда* и *водя*. Всеми глаголами, кроме *ходя*, основы которых в других славянских языках образуют группу глаголов типа русск. *носить*, *летать*, может быть выражено, как и в современном литературном языке, конкретное и отвлеченное движение, совершающееся в одном или разных направлениях. Этим же характеризуется и *водя* при наличии *веда*, а также глаголы *летя* и *пльзя*, первый из которых (*летя*) бесспорно этимологически сопоставляется с русск. *лететь*, ст.-сл. *летѣти*, а этимологическое соответствие второго (*пльзя*) представляется не совсем ясным.

2. Учитывая то, что ряд памятников, прежде всего дамаскины, представляют собою позднейшие списки с рукописей более ранних, а также мало вероятные для того времени изменения в языке самого писца на протяжении его жизни, можно полагать, что и в XVI в. болгарский язык (если не во всех говорах, то в части их) характеризовался такой же системой бесприставочных глаголов движения. Следовательно,

становление современной системы рассматриваемых глаголов в основном происходило до XVI в. В том, что ранее система этих глаголов была иной, сомнений быть не может. Об этом говорят: а) наличие соотносительных пар в старославянском (древнеболгарском) языке, б) широкое употребление основ *неса*, *веда*, *веза* и других в качестве так называемых связанных основ в современном языке, в) употребление некоторых из этих основ в современных диалектах и, как очень редкое исключение, в языке литературных произведений.

3. Изменение системы исследуемых глаголов шло главным образом в двух направлениях. Во-первых, в сторону разрушения старых отношений, существовавших ранее между двумя рядами соотносительных основ. Ср. ст.-сл. ити: *ходити* и *ида*: *ходя* в современном болгарском литературном языке. Ср. также соотношения современных болгарских *влека*: *влача*, *плувам*: *плавам*. Т. е. представленные в современном болгарском языке некогда соотносительные основы уже не выражают ни отношений, которые ими выражались ранее (в древнеболгарском), ни отношений, которые выражаются аналогичными основами в других современных славянских языках (русском, чешском, польском). Во-вторых изменение системы рассматриваемых глаголов движения шло по пути утраты одного из членов пары, преимущественно основ, соответствующих типу ст.-сл. *нести*, русск. *нести* (кроме *летя* и, вероятно, *пълзя*).

4. Процесс утраты рассматриваемых основ был длительным, а самый факт утраты отдельных основ несомненно не был одновременным: одни из них утрачены были раньше, другие позже. Так, уже в памятниках XVII—XVIII вв. отсутствуют простые глаголы *плуя* (в собственном значении движения) и коррелянт для *пълзя*. С другой стороны, еще зафиксированные в этих памятниках глаголы *веда*, *бежа* уже не употребляются в современном литературном языке, представляющем новейший этап в развитии языка. Некоторые же из основ (*неса*, *бежа*), не представленных в литературном языке, еще употребляются в современных говорах, отражающих и другие архаические особенности языка.

5. Судьба отдельных основ глаголов движения была различной еще и в том смысле, что одни из них утрачены болгарским языком полностью (*плуя*, *брета*; коррелянты для *пълзя* и *летя*), другие в литературном языке употребляются исключительно или почти исключительно только в качестве связанных основ (*веза*, *веда*, *неса*, *леза*, а также *гна* в глаголе *погна*), остатки третьих связываются в настоящее время уже с другими основами (например, формы повелительного наклонения *беж*, *бежете* от *бежа* воспринимаются теперь в литературном языке как формы глагола *бягам*).

6. Что касается вопроса о причине такого своеобразия системы бесприставочных глаголов в болгарском языке, то материал памятников XVII—XVIII вв. не подсказывает какого-либо определенного

ответа. Здесь необходимо исследование более ранних памятников, прежде всего таких, которые отражают живой, разговорный язык.

Сохранение в современном языке двух некогда соотносительных основ (*ида*: *ходя*, *ялам*: *яздя*) следует объяснить развитием в них несоотносительных лексических значений (в случае с *ида* и сохранением совершенного видового значения). Относительно непарных основ без приставок можно сказать предварительно лишь следующее. Поскольку в современном языке одна и та же сохранившаяся основа (при отсутствии другой основы) выражает функции двух старых основ, некогда функционально строго разграниченных, то можно полагать, что утрата одной из этих основ (в большинстве случаев основ типа ст.-сл. *нести*) явилась следствием расширения семантики ныне употребляющейся основы (болг. *нося*, ст.-сл. *носити*) и поглощения ею в результате этого функций ныне утраченной или почти утраченной основы (болг. *неса*, ст.-сл. *нести*). Например, основа *носити*, помимо присущего ей ранее выражения неконкретного в пространственном и временном отношении действия, стала обозначать еще и действие конкретное в пространственном и временном отношении, выражавшееся ранее основой *нести*¹⁰. Не исключено, однако, что расширение семантики было свойством обеих основ и в известное время имело место смешение или параллельное употребление и тех и других основ, а впоследствии одна из них, как излишняя, постепенно стала исчезать. Такой параллелизм в выражении собственно движения наблюдается в настоящее время в употреблении глаголов *влека* и *влача*, *плувам* и *плавам*.

Все это, однако, говорит не столько о самой причине описанного своеобразия системы рассматриваемых глаголов, сколько о том, как, каким путем могла сформироваться такая система. Причина же пока нам представляется неясной. Не высказывая пока никаких определенных суждений по этому вопросу, мы хотели бы здесь обратить внимание на тот факт, что именно в болгарском языке, сохранившем простые глагольные времена (аорист и имперфект), система рассматриваемых глаголов представлена в столь отличном от других славянских языков виде. В этом отношении заслуживает внимания и тот факт, что в сербохорватском языке, в котором также сохраняются имперфект и аорист, система глаголов движения резко отличается

¹⁰ Уже в старославянском языке глаголы типа *носити* могли обозначать конкретное движение в определенном направлении, которое обычно выражалось основами типа *нести*. Так, А. Достал приводит ряд примеров на такое употребление основы *ходити* [*«Старославянските глаголи, които изразяват ходене (ити, гръсти, ходити)»*]. «Списание на Българската академия на науките», кн. 71. Клон ист.-филол., 34, 1950, стр. 52—55]. Об аналогичном употреблении основ *водити*, *носити* в Зографском евангелии говорит Е. В. Чешко (указ. соч., стр. 332). В. В. Бородич отмечает «начавшийся процесс конкретизации неопределенных основ» уже в евангельских текстах и приводит ряд примеров на употребление глагола *носити* вместо *нести* (указ. соч., стр. 179, 599).

от системы этих глаголов в других славянских языках, кроме болгарского, с системой которого имеется много общего

7. Значительные различия между современным литературным языком и памятниками XVII—XVIII вв. представлены в системе приставочных глаголов, главным образом с основами типа *нося*. Но это вопрос специального исследования. Отметим только, что в памятниках XVII—XVIII вв., как и в некоторых современных говорах, широко употребляются глаголы несовершенного вида типа *донося* 'доносить, приносить', образованные путем присоединения к основам типа *нося* приставок с пространственным значением. Следует отметить также наличие ряда приставочных образований с основами *бежа* и *плуя*, отсутствующих в современном литературном языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

- Люблинский дамаскин. Изд. Ст. Аргировым. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», т. 12, 1895 (Л.)
- Коприштенский дамаскин. Изд. Л. Милетичем. «Български старини», кн. II, 1908 (К.)
- Тихонравовский дамаскин XVII в. Хранится в Рукоп. отд. Гос. б-ки СССР им. Ленина в Москве. (Собрание Тихонравова, 702) (Т.)
- Отрывок из сборника Григоровича. Изд. В. Ягичем. «Starine» (Zagreb), кн. 9, 1877, стр. 151—171 (Гр.)
- Летописный рассказ попа Петра. Изд. М. Дриновым. «Периодическо списание на Българското книжно дружество в Средец», кн. 3, 1882
- Летописная заметка попа Мефодия. Изд. Ст. Захариевым «Географико-историко-статистическо описание на Татар-Пазарджишката кааза». Вена, 1870, стр. 67—68
- Житие Петки. Изд. П. Сырку. «Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его научной и профессорской деятельности». СПб, 1883, стр. 387—393
- Отрывок из сборника XVII—XVIII вв., изд. В. Качановским. «Сборник западно-болгарских песен». СПб., 1882, стр. 42—66 (Р.)
- Отрывок из сборника XVIII в., изд. В. Качановским. Там же, стр. 22—41 (Рл.)
- Отрывок из Белградского сборника XVIII в., изд. Ст. Новаковичем. «Starine» (Zagreb), кн. 6, 1874, стр. 31—59 (Бл.)
- Отрывок из Бачковского дамаскина, изд. Ст. Шишковым. «Родопски напредък», год. 8, кн. 8—9, 1911, стр. 214—226
- Болгарский сборник XVIII в. Хранится в Рукоп. отд. Гос. б-ки СССР им. Ленина в Москве. (Собрание Тихонравова, 262) (Тх.)
- Недельные поучения. Изд. Л. Милетичем. «Български старини», кн. VI, 1920
- Повесть о падении Цариграда в 1453 г. Изд. Л. Милетичем. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», т. 12, 1895 (Ц.)
- Свиштовский дамаскин. Изд. Л. Милетичем. «Български старини», кн. VII, 1923 (С.)
- Отрывок из Троянского дамаскина, изд. Б. Цоневым. «Български преглед», год. 1, кн. 8, стр. 93—94
- Когленский дамаскин. Хранится в Рукоп. отд. б-ки АН СССР в Ленинграде. Шифр: 13.5.18 (Кт.)
- Пражский катехизис. Изд. Ст. Аргировым. «Периодическо списание на Българското книжно дружество в Средец», год. 9, кн. 44, 1894, стр. 188—200

Д. С. Станишева

ВОПРОСЫ ФРАЗЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО СИНТАКСИСУ ПАДЕЖЕЙ

В работах, посвященных синтаксису падежей, вопросы фразеологии обычно не рассматриваются. Фразеология — самостоятельная лингвистическая дисциплина, изучающая устойчивые сочетания слов. Основные направления изучения проблем фразеологии в современном языкознании следующие.

а) Изучение различных типов непрямого употребления слов и словосочетаний, установление значения целого словосочетания на основе учета значений его компонентов¹.

б) Изучение происхождения фразеологических единиц. В этом случае задачей исследования является выяснение источников возникновения фразеологических единиц. Например, церковнославянская фразеология, военная, административно-политическая, общелитературная и т. д.²

в) Изучение грамматической природы фразеологических единиц в грамматическом аспекте³.

г) Изучение стилистического употребления фразеологических единиц. В этом случае предметом исследования является обычно индивидуальный стиль того или иного писателя, использование им обще-

¹ См., например, В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ, секция филол.». Л., 1946; его же. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В сб. «А. А. Шахматов». «Труды комиссии по истории Академии наук СССР», вып. 3. М.—Л., 1947; Анисимов. К вопросу о соотношении общего значения фразеологической единицы со значением ее компонентов. «Ученые зап. 1-го Моск. пед. ин-та иностр. языков», т. IX, 1956; Oldřich Maň. Ustálená spojení a frazeologické jednotky, jejich podstata a hranice. «Lexikografický sborník». Bratislava, 1953, стр. 101—110 и др.

² См., например, А. И. Ефимов. Фразеологический состав повести Карамзина «Наталья, боярская дочь». «Мат-лы и исслед. по истории русск. литер. языка», т. I. М., 1949, стр. 69; А. И. Горшков. Народно-разговорная лексика и фразеология в сатирических журналах Н. И. Новикова 1769—1774 гг. Канд. диссерт. М., 1949; Л. Г. Скрипник. Лексика і фразеологія української радянської художньо-історичної прози. Канд. диссерт. Київ, 1952.

³ См., например, А. И. Ефимов. О фразеологических связях слов в языке Салтыкова-Щедрина. «Доклады и сообщения Ин-та русск. языка», вып. 2. М.—Л., 1948.

известных фразеологических единиц, создание писателями новых афоризмов и пословичных трафаретов, степень использования их в языке писателя⁴.

Однако вопросы фразеологии не являются изолированными от вопросов других лингвистических дисциплин, в частности синтаксиса. Наоборот, они настолько взаимосвязаны, что «не сразу можно найти... границу, отделяющую фразеологию от синтаксиса»⁵. Прежде всего фразеология и синтаксис (в определенной его области) имеют общий объект исследования — словосочетание. И если фразеолога не могут не интересовать вопросы синтаксической структуры фразеологических словосочетаний, то синтаксист, занимающийся изучением словосочетаний, например того или иного падежа с глаголом, вряд ли вправе упустить из поля зрения фразеологически замкнутые словосочетания, построенные по типу изучаемых конструкций. Следует иметь в виду, что все фразеологические словосочетания когда-то представляли собой свободные словосочетания, синтаксическая форма компонентов которых соответствовала законам грамматического строя живого языка. Рассмотрение этих словосочетаний в синтаксическом плане дает возможность поставить некоторые вопросы исторического изучения фразеологических словосочетаний.

При изучении синтаксиса той или иной падежной формы исследователь может столкнуться с таким явлением, когда связи, существующие между членами словосочетания (изучаемой падежной формы и глагола), не являются постоянными и неизменными: падежная форма в составе словосочетания с глаголом или словосочетание в целом могут быть использованы языком для выражения каких-либо вторичных отношений. Творительный падеж в славянских языках пережил, например, процесс адвербиализации, процесс изучения характера синтаксических связей внутри словосочетания, результатом которого явился переход формы творительного падежа в наречие⁶.

Изменение синтаксических связей происходит и по мере перехода свободных словосочетаний во фразеологически замкнутые. Возникает вопрос, как изменяются в процессе фразеологизации синтаксические связи между членами словосочетания; нельзя ли проследить некоторые закономерности этого процесса, обнаружить в языке те факторы, которые бы составляли предпосылку изменения характера отношений между членами словосочетания и тем самым — перехода свободных словосочетаний во фразеологические. Эти вопросы входят в компетенцию синтаксиса, и они, очевидно, должны быть рассматриваемы при изучении синтак-

⁴ См., например, Э. М. Вересова. Глагольные фразеологические единицы в прозе К. Федина. Канд. диссерт. М., 1953; А. М. Базыленка. Устойливыи словазлучэнні ў мове Якуба Коласа, Канд. диссерт. Мінск, 1951.

⁵ Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии. «Ученые зап. ЛГУ», № 198. Серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 203.

⁶ Об адвербиализации творительного падежа см. А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Харьков, 1888, стр. 483—493.

сиса словосочетаний той или иной падежной формы с глаголом (хотя они могут быть темой и специального исследования).

При рассмотрении случаев употребления в славянских языках одной из разновидностей творительного падежа — творительного инструментального в его истории обнаружилось, что в славянских языках существует немало словосочетаний творительного падежа первоначально-инструментального значения с глаголом, которые представляют собой фразеологические единицы. Они в отличие от словосочетаний со свободными связями характеризуются рядом особых признаков: а именно фразеологическим словосочетаниям свойственна синтаксическая неразложимость составных компонентов; эти словосочетания отличаются семантической целостностью; значение, выражаемое фразеологическим словосочетанием, не является суммой значений его составных элементов. Так, в некоторых современных славянских языках словосочетания *махнуть рукой* (русск.), *махнути рукою* (укр.), *махнуць рукою* (белор.), *machnąć ręką* (польск.) могут употребляться в значении 'бросить, оставить что-либо, кого-либо; смириться с чем-либо; не обращать внимания на что-либо, кого-либо'. Например, в русском: *Старик пришел к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решил отступить* (Пушк. Пов. Б., 93); *Советую вам подумать о вашей матери, если вы махнули рукой на себя* (Фед. Перв. рад., 101); украинском: *Але коли полк вступив у бої, ... тоді сержант на весь свій зовнішній блиск і на дівчат махав рукою* (Гонч. Прап., 85); *На всьо махнув руков* (Г.-р. прип. т. I, 283); белорусском: *На гульню пустую плюнь, махні рукою* (Як. Колас, Базыл., 94); польском: *Machnąć na kogos', na cos' ręką* (Двор. Р.-п. сл., 313).

Словосочетания *вртети репом* (сербохорв.), *вертеть, вилять хвостом* (русск.⁷), *виляти хвостом* (укр.), *круціць хвостом* (белор.), *krútit', vrtiet' chvostom* (словац.), *vrtěti ocasem* (чешск.) употребляются в значении 'хитрить, лукавить; уклоняться от чего-либо'. Например, в русском: *Поди прочь, не верти хвостом!* — крикнула бабушка (Горьк. Дет., 39); украинском: *Бурмило став хвостом виляти* (Укр.-рос. А. Н., т. I, 163); белорусском: *Каб гэта шэльма, Даміцэля, хвостом не круціла, дык мой ніколі б мяне не мяняў* (Куп. Драм. тв., 204); чешском: *Ten umí vrtět ocasem* (Zaogál. Lid. гč., 226).

В чешском и словацком языках словосочетания *kroutiti, potřásati hlavou* (чешск.), *krútit' hlavou* (словацк.) могут обозначать 'размышлять с сомнением, удивляться'. Например, в чешском: *Máš mñe za blázna, babo? řekl mēslēvec s pochēbnochčō a krōtil nad tēm hlavō* (Var. moravsk., II, 140); словацком: *Oh, oh, —krútil Kamil hlavou, toto je hrozný život* (Sln. cesta, 94).

⁷ В сербохорватском и русском языках известны существительные, образованные вследствие объединения обоих членов этих словосочетаний: *вртиреп* (сербохорв.), *вертихвостка* (русск.).

Особенно очевидно это значение проявляется в том случае, когда оба члена словосочетания употреблены во множественном числе. Например, в чешском: *Poslouchaly a potřásaly hlavami* (Рижм. Нра, 997); словацком: *...sňali s nej kaškét a začali premýšľat', čo je to za kaškét, pokrútili hlavami, povedali, že veru po francúzsky nevyzerá...* (Калинч. Р., 96).

Словосочетания *трепнати оһима* (сербохорв.), *хлопать глазами* (русск.), *лупати, кліпати очима* (укр.), *лыпаць, моргаць вачыма* (белор.), *łuras' oczyma* (польск.) обозначают 'растеряться или не понимать, бессмысленно глядя'. Например, в русском: *Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами* (Пушк. Уш., т. IV, 1155); белорусском: *Я тут яму пры ўсіх праборку даваў, а ён стаіць ды толькі вачыма моргае* (Крап. Драм. тв., 223).

Словосочетания *ploskati z rokama* (словен.), *пљескати руками* (сербохорв.), *всплеснуть руками* (русск.), *пляснуць руками* (белор.), *spřásknouti rukama* (чешск.), *sp'asnuť rukami* (словац.) употребляются в значении 'сильно удивиться от неожиданности; потерять надежду'.

Словосочетания *слеһи раменима* (сербохорв.), *пожать плечами* (русск.), *здвигати, знизати плечима* (укр.), *поціскаць плячыма* (белор.), *pokřčiti ramenu* (чешск.), *pokřčiť' plecami* (словацк.), *wzruszac' ramionami* (польск.) могут быть употреблены в значении 'выразить недоумение, удивиться'.

В белорусском языке словосочетание *кіўнуць пальцам* употребляется в значении 'укорять, попрекать'; словосочетание *хвастом накрыцца* — в значении 'уклониться от ответственности, от участия; остаться в стороне'. Например: *І каб я хоць пальцам на яго калі кіўнула* (Куп. Драм. тв., 180); *А цяпер час другі, дык няхай гіне бацька? А сам і хвастом накрыўся* (Крап. Драм. тв., 75).

В польском языке словосочетание *drzac', drgnąc' nogą* иногда встречается в значении 'быть повешенным'. Например, *Pewnieby kto z was drgnął nogą na powrozie* (Карл. Сл., т. I, 556).

Словосочетания *крутить, закрутить носом* (русск.), *крутити носом* (укр.), *krútit' poseť* (словац.), *kręcić' poseť* (польск.) нередко употребляются в значении 'быть недовольным, воротить нос от чего-либо'. Например, в русском: *Тимошка нас с тобой, брат, обштопал... Ну, чего ты носом крутишь? Не нравится?* (Шолох. Подн. цел.).

В русском и белорусском языках словосочетания *клевать носом, кляваць носам* обозначают 'дремать, засыпать на мгновенье сидя'⁸. Например, в русском: *Дьяконица клевет носом, изъясняя очевидное желание вздремнуть* (Салт.-Щедр. Еф., II, 448); белорусском: *Альжбета... да Сцяпана, які клевет носам за сталом* (Куп. Драм. тв., 157); *Аднойчы*

⁸ В этом же значении в других славянских языках употребляются следующие выражения: *вудити носом рибу* (укр.); *tlouci špačku, klatiti hlavou* (чешск.); *hlava tu klucká, voľat' kútka* (словац.).

на запятках *Лабановіч заўважыў, як Мініч не-не ды... кляне носам у лаўку* (Як. Колас. Базыл., 99).

Словосочетания *рукой подать* (русск.), *рукою подати* (укр.), *рукой падаць* (белор.), *choc' ręka sięgnąc'* (польск.) употребляются в значении наречия 'близко'. Например, в русском: *Скоро Дон, а там до Волги рукой подать* (Конт. Дружба).

Словосочетания *као руком однето* (сербохорв.), *как рукой сняло* (русск.), *як рукой зняло* (белор.), *jakby ręka odjął* (польск.) известны в значении 'совсем, бесследно прошло'. Например, в белорусском: *...дык з ласкі пана бога... ўсё як рукой зніме* (Грац. Драм. тв., 109).

В перечисленных выше примерах (количество которых можно было бы умножить), как очевидно, словосочетания с творительным падежом являются синонимами глаголов (*покрутить головой* = 'усомниться'; *хлопать глазами* = 'растеряться'; *вертеть хвостом* = 'хитрить'; *махнуть рукой* = 'забросить, смириться' и т. д.). Если в приведенных примерах выделить словосочетания творительного падежа с глаголом — *махнуть рукой, вертеть хвостом, хлопать глазами* и т. д. и тем самым изолировать их от контекста предложения, то можно без труда установить первоначальные синтаксические связи имени существительного и глагола: словосочетание глагола с существительным в творительном падеже выражало отношения опосредствования действия (творительный падеж обозначал предмет, который своим участием в действии обуславливает его [совершение]).

Первоначальные синтаксические связи членов словосочетания восстанавливаются еще более очевидно в том случае, когда то же словосочетание встречается в ином предложении, характеризующемся прямым употреблением его членов. Ср., например, употребление словосочетания *махнуть рукой* в предложениях: *Все они... входили, звеня кандалами и бойко махая руками* (Толст. Воскр., 337) и *Советую вам подумать о вашей матери, если вы махнули рукой на себя* (Фед. Перв. рад., 101). Ср. также следующие пары примеров: *Собаки... с презумпционной быстротой вертели хвостами* (Тург. З. о., 77) и *Хвостом-то не верти, истинную правду мне сказывай* (Уш., т. IV, 1141); *Сучок хлопал глазами, словно спать располагался* (Тург. З. о., 74) и *Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами* (Пушк., Уш., т. IV, 1155).

Приведенные выше сопоставления убеждают, что в языке одно и то же словосочетание может выражать два рода различных отношений, каждое из которых проявляется в зависимости от контекста предложения или более широкого контекста. В том случае, если словосочетание синтаксически разложимо и служит для выражения тех отношений, которые обусловили употребление данной формы имени существительного, а оба члена словосочетания сохраняют свою семантическую значимость, в то время как лексически словосочетание не является замкнутым (т. е. возможна замена его членов) — можно го-

ворить о первичной функции словосочетания. В том же случае, когда словосочетанию свойственна синтаксическая неразложимость составных компонентов и употребление данной формы имени существительного не мотивируется характером выраженных словосочетанием отношений, когда оба члена словосочетания теряют свою семантическую значимость и служат для выражения третьей семантической величины, а лексически словосочетание является строго замкнутым⁹, — нам представляется возможным говорить о вторичной функции словосочетания¹⁰.

Употребление словосочетания во вторичной функции становится возможным вследствие того, что словосочетание подвергается метафоризации и одновременно — процессу фразеологического объединения его членов. В процессе фразеологизации связи, существовавшие между членами словосочетания, все более разрушаются и по мере развития процесса сращения членов словосочетания образуется единое значение данного словосочетания в целом.

Как очевидно из изложенного выше, нередко в языке наряду с фразеологизированными словосочетаниями продолжают жить омонимичные им словосочетания с первоначальными синтаксическими связями. Однако первичная функция может быть утрачена (или утрачиваема) словосочетанием, а это означает, что за ним утвердилось (или утверждается) вторичная функция вне зависимости от контекста. В этом случае, очевидно, степень фразеологизации словосочетания наибольшая. Так, некоторые фразеологические единицы с отрицанием перед глаголом употребляются в современных славянских языках почти исключительно во вторичной функции. Восточной группе славянских языков известны словосочетания: *ухом не веде* (русс.), *вухом не веде* (укр.), *вухам не вядзе* (белор.), употребляющиеся в значении 'не обращает внимания'. Например, в русских диалектах: «Убьёт тя, дура, паренёт мой, убьёт! ... што наша девка, она и ухом не ведёт» (Гранд. Род. Лом., 83); в белорусском: *А дзед як бы і не чуў, і вухом не вёў* (Як. Колас. Базыл., 135).

Фразеологические сочетания *глазом не моргнуть*, *бровью не моргнуть* (русс.), *вусом не моргнути* (укр.), *вокам не маргнуць* (белор.), *ani okot nemihnyi'* (словац.) означают 'не подать вида; не остановиться перед чем-либо, чтобы сделать'. Например, в русском: *Говорю,*

⁹ Замена даже синонимом одного из членов фразеологически замкнутого словосочетания приводит к разрушению фразеологизма словосочетания и означает возврат его к первичной функции. Ср. *хлопать ушами* (фразеологическое словосочетание) — *поводить ушами* (свободное словосочетание).

¹⁰ О первичной и вторичной функциях слова см. Е. Р. Курилович. Заметки о значении слова. «Вопросы языкознания», 1955, № 3, стр. 73—82. Как слово, так и словосочетание выступает во вторичной функции лишь в условиях определенного контекста. Вторичная функция слова определяется его переносным употреблением на основе какого-либо признака. Приобретение вторичной функции словосочетанием — более сложный процесс, сопровождаемый фразеологизацией словосочетания.

а сам и бровью не моргну (Гар. Д. Т., 134); белорусском: *Э, не! Ён адапрэцца і вокам не маргне* (Крап. Драм. тв., 235).

Словосочетания *prstom ne maknuti* (сербохорв.), *ni ganil s prstom* (словен.), *пальцем не пошевелить* (русск.), *пальцем не ворухнути* (укр.), *пальцам не варухнуць* (белор.), *ani prstem nehnouti* (чешск.), *ani prstom nerohnúti* (словац.), *palcem nie ruszyc', nie kiwnac'* (польск.) означают в современных славянских языках 'ничего не предпринимать, не делать для какой-либо цели'. Например, в чешском: *Komunistická strana ani prstem nehnula pro nesmyslný a svévolný zločin* (Pujm. Hra, 142).

В приведенных словосочетаниях устанавливается не только постоянный состав членов, но и постоянный порядок слов и определенный тип конструкции (с отрицанием).

Итак, в славянских языках ряд словосочетаний творительного инструментального с глаголом был подвергнут процессу фразеологизации. Для того чтобы выявить закономерность процесса фразеологизации для данного типа словосочетаний, если они вообще существуют, попытаемся проследить, чем характеризуется большинство рассмотренных выше фразеологизированных словосочетаний. Они представляют собой сочетание имен существительных в форме творительного падежа, обозначающих части тела, которыми субъект совершает действие, с глаголами, обозначающими действие, могущее быть совершенным лишь определенной (указанной) частью тела: *моргнуть глазом* (а не рукой, плечом); *пожать плечами* (а не руками, глазами); *дрыгать ногами* (а не головой, рукой) и т. д.

В славянских языках можно было бы указать немало других подобных словосочетаний, в состав которых входят глаголы, выражающие проявление деятельности органов чувств, речи, частей тела, и существительные, обозначающие органы восприятия, части тела, типа *видеть глазами, слушать ушами, чувствовать сердцем* и т. д. Все они характеризуются лексически ограниченным (*моргнуть глазами, веками*) или постоянным (*видеть глазами, слышать ушами, дрыгать ногами*) составом управляемого (именного) члена при определенном глаголе. Иными словами, употребление в сочетании с указанным глаголом именно этого существительного, а не иного, предопределяется уже семантикой глагола.

Если сравнить словосочетания с лексически постоянным составом именного и глагольного членов и словосочетания, характеризующиеся широким лексическим составом при определенном глаголе (типа *ударить палкой, камнем, веревкой, книгой, рукой, ногой, кулаком, пальцем, плечом* и т. д.), то можно заметить, что в словосочетаниях первого типа синтаксические связи более ослаблены: именно член словосочетания в известной степени утрачивает способность вносить новое в раскрытие условий совершения действия и служит как бы для усиления значения, уже выраженного глаголом. Поэтому в подобных сло-

восочетаниях глагол может выражать смысл всего словосочетания: *моргать глазами* = *моргать*, *слушать ушами* = *слушать* и т. д.

Известная ослабленность синтаксических связей, затушеванность характера отношений между членами словосочетания создает предпосылку к тому, чтобы все словосочетание или его именной член были использованы языком для выражения иных, вторичных отношений. Поэтому, очевидно, в словосочетаниях подобного рода отмечается большая или меньшая степень изменения характера синтаксических связей между членами словосочетания от выражения отношений инструментальности до выражения отношений обстоятельственной характеристики действия вплоть до перехода формы творительного падежа в наречие: *слушать* (как?) *ухом*, *идти* (как?) *ногами*, *говорить* (как?) *голосом*, *чувствовать* (как?) *сердцем* и т. д.

К явлениям этого рода относится адвербиализация [в славянских языках так называемого творительного тавтологического, характеризующегося плеонастическим или тавтологическим повторением в имени существительном основы глагола. Например, в русском: *битком набит*, *криком кричать*, *есть поедом*, *слухом не слышать*, *иском искать*, *ревом реветь* и т. д.; украинском: *повзом призовати*, *криком кричати*, *ходором ходити* и т. д.; белорусском: *відам не віданы*, *слыхам не слыханы*, *крЫкам крычаць*, *жадом жадала* и т. д.; сербохорватском: *мамом помамити*, *болом боловаше*, *виком виче*, *теком тече*, *трком трчи* и т. д.; в чешских диалектах: *sed' sed'tem*, *běži běhet*, *ščípe ščíptem*, *béje bejtem*, *valtem se valí* и т. д.] Формы творительного падежа в приведенных словосочетаниях представляют собой наречные образования при однокоренных глаголах, служащие для выражения интенсивности действия. Возможно, что творительный тавтологический явился в славянских языках источником и многих качественно-обстоятельственных наречий, которые, утратив связь с однокоренными глаголами, обладают всеми признаками адвербиализованной падежной формы типа следующих; в сербохорватском: *трком*, *шапато*, *скоком*, *крадом*, *дупком* и пр.; русском: *ползком*, *броском*, *кувырком*, *мельком*, *молчком*, *шагом*, *ощупью* и пр.; украинском: *жужмом*, *тишком*, *нишком*, *бігцем*, *плазом*, *жартом* и пр.; белорусском: *раптом*, *крадом*, *блягом*, *стояком* и пр.; чешском: *úkosem*, *úprkem*, *chvatem*, *šeptem*, *žertem*, *krokem*, *poklusem*, *tryskem* и пр.; словацком: *žartom*, *septom*, *hrokom*, *skokom* и пр.; польском: *chyłkiem*, *omackiem*, *ukradkiem*, *zartem*, *otworem*, *krokiem* и пр.

Лексическая взаимообусловленность имени и глагола в пределах одного словосочетания (в словосочетаниях типа *махнуть рукой*, *вилять хвостом*) могла создать основу и для процесса фразеологизации, в результате которого то или иное словосочетание так же, как и в случаях адвербиализации падежной формы, приобретает способность выражать новые отношения.

Фразеологизации словосочетания творительного падежа с глаголом может способствовать частота употребления того или иного слово-

сочетания, вызванная потребностями общения. К таким фразеологическим единицам относятся, например, некоторые языковые штампы, известные древним славянским языкам. Языковые штампы образуются в языке близких по содержанию или по тематике памятников письменности. Некоторые из них являются общими для нескольких славянских языков. Так, в славянских языках восточной группы (русском, украинском, белорусском) в памятниках письменности до XVIII в. широко употребителен фразеологический штамп *бить (ударять) челом*. Генетически *бить челом* восходит к словосочетанию творительного инструментального с глаголом, который ранее, очевидно, употреблялся в роли переходного в словосочетаниях типа *бить челом поклон*. Фразеологический штамп *бить челом* является едва ли не обязательным компонентом грамот, жалоб и других деловитых и хозяйственных документов. Например, в русском: *Добиша челомъ новъгородьци, бояре и черньи люди архиепископу новъгородьскому владыцѣ Василию Васильевичю...* (Собр. гр. дог., 189, № 82); украинском: *О которихъ онихъ статяхъ намъ Великому государу... били челомъ* (Лет. Вел., 179); белорусском: *Который коли зрадца утечетъ отъ господаря чоломъ не ударивши, ни на кого его имѣнья по близкости не спадуть, только на господаря* (Акты Зап. Рос., 149).

В результате воздействия ряда факторов, среди которых, очевидно, сыграла роль и частота употребления словосочетания *бить челом*, члены его фразеологически замкнулись и начали выражать единое неразложимое представление. Словосочетание становится эквивалентом слова, глагола, со значением 'жаловаться' (например, в белорусском: *Биль чоломъ королю его милости бояринъ киевской Пирхайло, штожь давно ему дана волость Олевско, и онъ тое волости еще и до тых местъ не держалъ...* Акты Лит.-Рус. гос., 48) или 'просить' (например, в русском: *А мы поехали к Ширванше... и били есмь ему чолом, чтобы нас пожаловал чем дойти до Руси*. Аф. Ник., 29). О синтаксической неразложимости членов словосочетания *бить челом* свидетельствует тот факт, что при нем стало возможным употребление второй формы творительного надежа. Например, в русском: *И язъ Князь Иванъ Дмитреевичъ Бѣльской за ту свою измѣну биль челомъ государю своему... отцомъ его. господином своимъ...* (Собр. гр. дог., 485, № 177); белорусском: *... винный таковой маеть вину заплатити, чимъ маеть намъ чоломъ бити* (Акты Зап. Рос., 24).

В том случае, когда то или иное словосочетание подвергается процессу фразеологизации и становится эквивалентом слова, ослабление синтаксической расчлененности его членов может привести к слиянию их в одно слово. В результате такого слияния в восточнославянских языках возникло существительное *челомъбитье*, затем — *челобитье*, отсюда — *челобитная*, *челобитчик*. Например, в русском: *На старосту не челобитчик, а от міру не прочь* (Полн. собр. посл., 155); украин-

ском: *Потомъ выражается преречное челомбите...* (Лет. Вел., 192); *... что в челомбитии ихъ... написано* (там же, 201); белорусском: *И мы на их чоломъ битье то вчинили* (Грамм. Вильно, 17, № 13); *Ино мы для таковѣ ихъ сказы, на ихъ чоломъбитье то вчинили* (Акты Зап. Рос., 347).

В заключение заметим, что приведенный материал может служить иллюстрацией тесной взаимосвязи лексических и синтаксических явлений языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Акты Зап. Рос. — Акты, относящиеся к истории Западной Руси, т. I (1340—1506). СПб., 1846
- Акты Лит.-Рус. гос. — Акты Литовско-Русского государства. Вып. I (1390—1529). М., 1900
- Гар. Д. Т. — Н. Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы. М., 1954
- Гонч. Прап. — О. Гончар. Праноросці. Київ, 1948
- Горьк. Дет. — М. Горький. Детство. М., 1953
- Грамм. Вильно — Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна и Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам, ч. I. Вильно, 1843
- Гранд. Род. Лом. — А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. «Сборник отделения русского языка и словесности», № 83. СПб., 1907
- Г.-р. прип. — Галицько-руські народні приповідки. Зіб. Ів. Франко, т. I—III, Львов, 1905—1910
- Двор. Р.-п. сл. — Русско-польский словарь под ред. И. Х. Дворецкого. М., 1953
- Копт. Дружба — А. Д. Коптяева. Дружба, ч. 1—2. М., 1954
- Крапт. Драм. тв. — К. Крапива. Драматичныя творы. Мінск, 1951
- Куп. Драм. тв. — Я. Купала. Драматичныя творы. Мінск, 1952
- Лет. Вел. — Летопись событий в юго-западной России в XVII в. Составил Самоил Величко. Изд. Временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1848
- Новг. — Новгородская первая летопись по синодальному списку. В кн.: «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950
- Полн. собр. посл. — Полное собрание русских пословиц и поговорок. СПб., 1822
- Пушк. Пов. Б. — А. С. Пушкин. Повести Белкина. М.—Л., 1949
- Салт.-Щедр. Еф. — А. И. Ефимов. Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина в 40—60-х гг. Докт. диссерт., т. I—II. Б. м. и г.
- Собр. гр. дог. — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, т. I. М., 1813
- Толст. Воскр. — Л. Н. Толстой. Воскресение. М., 1949
- Тург. З. о. — И. С. Тургенев. Записки охотника. М.—Л., 1950
- Укр.-рос. АН — Українсько-російський словник, т. I. Гол. ред. У. М. Кириченко. Вид. АН УРСР. Київ, 1953
- Уш. — Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, т. I—IV. М., 1935
- Фед. Перв. рад. — К. Федин. Первые радости. М., 1950
- Хожд. Аф. Ник. — Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472). М.—Л., 1948
- Шолох. Подн. цел. — М. Шолохов. Поднятая целина. «Огонек», № 21, 23, 1954

- Як. Колас. Базыл., — А. М. Базыленка. Устойливыя словозлучэнні ў мове Якуба Коласа. Канд. диссерт. Мінск, 1951
- Bar. moravsk. — F. Bartoš. Dialektologie moravská, t. I—II. Brno, 1886, 1895
- Kalinč. R. — J. Kalinčiak. Reštovrácia. Spisy, d. III, Martin, 1952
- Karl. Sl. — J. Karłowicz, Kryński, Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I—VIII. Warszawa, 1952—1953
- Pujm. Hra — M. Pujmanová. Hra s ohněm. Praha, 1950
- Sln. cesta — Slnčná cesta. Sborník poézie a prózy. Bratislava, 1950
- Zaorál. Lid. rč. — J. Zaorálek. Lidová rčení. Praha, 1947
-

А. В. Суперанская

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ БОЛГАРСКИХ, ПОЛЬСКИХ, СЕРБОХОРВАТСКИХ, ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Расширяющееся год от года международное общение представителей славянских стран способствует тому, что все большее количество славянских собственных имен заимствуется в русский язык. В результате заимствования эти имена становятся словами русского языка и подчиняются фонетическим, лексическим и грамматическим законам последнего, сохраняя, однако, и некоторые специфические черты языка-источника. Они получают письменную фиксацию при помощи русского алфавита, при этом принимается во внимание не только их произношение и написание в языке исходном, но и некоторые традиции русского языка. Такое транскрибирование не допускает выхода за рамки русского алфавита, хотя и разрешает несколько необычные сочетания звуков и букв русского языка. Поскольку фонетические системы разных языков не совпадают, в некоторых случаях в русском языке может не оказаться нужных знаков для передачи фонем языка исходного. Тогда приходится прибегать к подменам этих фонем фонемами, близкими к ним артикуляторно, акустически, функционально, или фонемами, имеющими сходное изображение на письме. При возможности выбора между этими «подменами» предпочтение отдается той фонеме русского языка, которая менее «загружена» при передаче других фонем данного языка.

В фонетических системах всех славянских языков как языков близкородственных есть много аналогичных явлений, транскрипционная передача которых не представляет существенных трудностей. Но в славянских языках есть и такие фонетические явления, которые присущи только одному или нескольким из них и не представлены в других языках, в связи с чем в передаче этих явлений средствами русского языка до сих пор нет единообразия. При транскрибировании славянских имен большое значение приобретает и морфология, потому что имена разных славянских языков содержат в себе сходные морфологические элементы, функционально одинаковые, но материально

не всегда тождественные. Передача их на русский язык является также спорной. Именно этим фонетическим и морфологическим явлениям и способам их передачи средствами русского языка и будет посвящено дальнейшее изложение.

1. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Поскольку фонетические явления славянских языков имеют свое буквенное выражение и письменная форма слова нередко бывает исходной при транскрибировании, мы будем говорить здесь не только о фонемах, но и о буквах.

1. Буква *e* всех славянских языков отличается от *e* русского тем, что она передает только фонему <e> без предшествующего <j>. Русское *e* в начале слова и после гласных содержит в себе также и <j>, и изображает не одну, а две фонемы, в то время как для передачи нейотированного <e> в русском алфавите имеется специальная буква *э*. Это свойство русского алфавита не всегда в должной мере осознается транскрибирующими, которые нередко болгарское и сербское имя *Eva* передают как *Eva*, а не *Эва*. Болгарское географическое название *Евксиновград* и имя *Елин* обычно так и оставляют в русских текстах, отдавая предпочтение букве, а не фонеме, что неверно. Эти имена следовало бы передавать как *Эвксиновград*, *Элин*.

2. Чешские и словацкие дифтонги представляют известную трудность для транскрипции, поскольку дифтонги не свойственны русскому языку. В передаче чешского и словацкого [ou] преобладает графический принцип: чешск. *Valoušek* 'Валоушек', *Bouška* Боушка, словац. *Kou* 'Коу'. Сложнее обстоит дело с передачей словацкого дифтонга [uo], который на письме изображается одной буквой *ô*. Главное управление геодезии и картографии (ГУГК) МВД СССР передает его в своих транскрипциях через *yo*: *Potôčky* 'Потуочки'¹. Однако этот способ едва ли верен, потому что словацкий дифтонг [uo] не является самостоятельной фонемой. Кроме того, введение в написание заимствуемого слова лишней буквы, которой нет в оригинале, весьма нежелательно. Поэтому, очевидно, передача [uo] через *o* была бы значительно лучше: 'Поточки', *Konôpka* 'Конопка', а не 'Потуочки', 'Конуопка'.

Словацкие *ie*, *ia*, *iu*, после согласных ГУГК передает через *ье*, *ья*, *ью*: *Piešťany* 'Пьештяни', *Prievidza* 'Прьевидза', *Štiavnica* 'Штьявница', что далеко от точного словацкого произношения. Систематичность этой передачи не выдерживается, и после шипящих *ia* передается как *a*: *Rajčianka* 'Райчанка', *Kalinčiakovo* 'Калинчаково'. В связи с этим представляется более рациональным передавать *ie*, *ia*, *iu*, во

¹ См. «Инструкцию по передаче на картах географических названий Чехословакии». М., 1956, стр. 7.

всех положениях через *e*, *я*, *ю*: 'Пештяни', 'Превидза', 'Штявница', 'Любетова' (*L'ubietova*), 'Поляк' (*Poliak*). Исключения при такой передаче нужны лишь для случаев, когда *i* принадлежит одной морфеме, а следующая за ним гласная — другой: *Príučka* 'Приучка', а также для некоторых традиционных личных имен: *Aleksius* 'Алексиус', *Fabián* 'Фабиан', *Daniel* 'Даниель', *Gabriel* 'Габриель'.

3. Словацкое [ä] не является, подобно [uo], самостоятельной фонемой. Это вариант <a>. В словах, общих русскому и словацкому языкам, словацкому [ä] обычно соответствует русское [ʼa] (на письме буква *я*). Именно такая передача и представляется нам наиболее удачной: *Sväty Anton* 'Святи-Антон', *Sväty Jur* 'Святи-Юр', *Pät' Vran* 'Пять-Вран'. ГУГК транскрибирует подобные имена через *e*: 'Свети-Антон', 'Свети-Юр'², что представляется нам менее правильным.

4. Болгарская фонема <ъ> не имеет соответствия в других славянских языках, в том числе и в русском, где сложилась довольно прочная традиция передавать <ъ> через *ы*: *Вълко* 'Вылко', *Бръмбаров* 'Брымбаров'. Принимая эту традицию, ГУГК, однако, не проводит ее последовательно, делая отступления при передаче начального <ъ>: *Ъглен* 'Иглен'; для слова *първи* и его производных: *Първомай* 'Первомай'; для сочетаний *жъ*, *шъ*, *цъ*: *Жълтуша* 'Желтуша', *Църква* 'Церква'; для окончаний личных имен: *Петър* 'Петр', *Димитър* 'Димитр', а также для слова *България* и его производных: 'Болгария'³. Однако вместо всех этих разнообразных и сложных замен (кроме традиционных личных имен и слова 'Болгария') можно было бы ввести единую для всех случаев, где *ы* невозможно, замену через <a>, которое в ряде положений звучит очень близко к болгарскому <ъ>. Передавать <ъ> через <a> повсеместно было бы еще лучше, но этому препятствует давняя и прочная традиция. Однако же передача через *ы* имеет и свои достоинства: легкость обратной транскрипции и фонематическая выделяемость <ъ> в русских словах, поскольку *ы* не используется для передачи каких-либо других болгарских фонем. Замену же <ъ> через <и> и <е> мы считаем совершенно недопустимой.

5. Польское [y], как и русское [ы], является вариантом фонемы <i>, и буква *y* польского языка, подобно букве *ы* русского языка, отмечает на письме твердость предыдущего согласного: *Zygmunt*, *Rużycki*, *Szymborski*, *Gryszkiewicz*. Несоответствие здесь получается только в том, что в польском языке после всех твердых согласных, в том числе и после шипящих, пишется *y*, в русском же языке после шипящих, как правило, пишется *и*. Вопрос, писать ли в русской транскрипции польских имен после шипящих *ы*, решают по-разному. Единства нет и в транскрипции, даваемой самими поляками: нередко

² См. «Инструкцию по передаче на картах географических названий Чехословакии», стр. 6.

³ См. «Инструкцию по передаче на картах географических названий Болгарии». М., 1955, стр. 7.

в варшавских изданиях пишется *и*, а в краковских — *ы*. Однако, что бы ни писалось в этих сочетаниях, *жи* и *жы*, *ши* и *шы* в русском языке читаются одинаково, и употребление *ы* после *ш* и *ж* будет лишь условным употреблением знаков русского алфавита, не сообщающим нового звучания транскрибируемому слову. Написание *ы* ничего не дает и для обратной транскрипции, поскольку в польских словах после *cz*, *sz*, *rz*, *ź* пишется только *у*. Буква *ы* в транскрибируемых словах как буквенная символика едва ли нужна для практической транскрипции. Она была бы здесь лишь ненужным элементом транслитерации. Поэтому индивидуальность транскрибируемых слов не пострадает, а нормы русской графики и орфографии лишь выиграют, если во всех случаях после *ж*, *ш* писать *и*, а не *ы*.

Нельзя писать *ы* в русской транскрипции польских имен и после *ч* и *щ*, потому что последние могут быть в русском языке только мягкими, а написание после них *ы* дало бы указание на то, что это твердые фонемы, каких нет в русском языке. Написание *чы*, *щы* должно показаться тем более странным, что сочетания эти обычно встречаются в словах, общих для польского и русского языков, и в русском языке в них всегда пишется *и*. Поскольку транскрибируемые имена должны стать словами русского языка, подчиняющимися русским фонетико-орфографическим правилам, не следует писать *ы* и после *ч* и *щ*.

Таким образом, польские имена собственные *Szymborski*, *Czyżyk*, *Sobczyk*, *Skwarczyński*, *Leszczyński* передаются на русский язык как 'Шимборский', 'Чижи́к', 'Собчик', 'Скворчинский', 'Лещинский'.

6. Твердые и мягкие согласные свойственны, кроме русского языка, лишь польскому. Поскольку твердость и мягкость являются одним из основных качеств русских согласных, согласные непарные по твердости и мягкости также считаются в русском языке только твердыми (*ц*, *ш*, *ж*) или только мягкими (*ч*, *щ*, *й*).

Согласные польского языка отличаются от русских согласных лишь количеством пар. Передача и твердых и мягких польских согласных средствами русского языка проводится при помощи соответствующих русских твердых и мягких согласных. Это успешно осуществляется почти во всех случаях, кроме некоторых указанных выше, а также кроме тех случаев, когда твердость или мягкость согласного должна различаться перед <э>. Правда, некоторые пытаются различать твердые и мягкие согласные и здесь путем написания после них *э* и *е*: *Malecki* 'Малэцкий', *Milewski* 'Милевский', но при этом твердость и мягкость других польских согласных обычно не различают, например, не различают твердость и мягкость <в> и <м> в таких фамилиях, как *Weselnik* и *Wieśniak*, *Kameduła* и *Kamieniarz*. Эти имена, независимо от написания в польском языке, обычно передают как 'Весельник' и 'Весняк', 'Камедула' и 'Каменяж', и никто не передает их как 'Вэсэльник' и 'Камэдула', потому что такая передача чужда русскому

языку. А выхваченная из системы и не поддержанная остальными случаями фамилия 'Малэцкий' выглядит странно и необычно на общем фоне фамилий, переданных в соответствии с правилами. Поэтому такого исключения лучше не делать.

Остальные славянские языки принципиально отличаются от русского и польского тем, что они почти не имеют фонематически противопоставляющихся друг другу твердых и мягких согласных. Там имеется один «средний» вид их, не считая нескольких «смягченных» фонем в некоторых языках. Передача «средних» согласных фонем при помощи русских твердых или мягких согласных одинаково возможна, потому что и твердые и мягкие согласные русского языка фонематически соответствуют «средним» согласным этих языков. В связи с этим та или иная передача «средних» согласных во многом зависит от качества следующих за ними гласных. На конце слова и перед согласными все «средние» согласные, кроме <л> (см. ниже), передаются русскими твердыми согласными. Перед гласными твердые и мягкие варианты согласных распределяются следующим образом:

твердые:	<i>бы</i>	(<i>бэ</i>)	<i>ба</i>	<i>бо</i>	<i>бу</i>
мягкие:	<i>би</i>	<i>бе</i>	<i>бя</i>	<i>бё</i>	<i>бю</i>

Отдельные согласные, имеющие смягченные пары, передаются при помощи соответствующих русских твердых и мягких согласных, например: чешск. и словац. *L'ubotín* 'Люботин', *Žďarec* 'Ждярец', *Mimoi* 'Мимонь', сербохорв. *Rtanь* 'Ртань', *Целье* 'Целе', *Љубљана* 'Любляна', *Бања Лука* 'Баня-Лука'. К сожалению, перед <е> трудно показать эту разницу.

Особо следует остановиться на чешском и болгарском <л> — «среднем» согласном, не имеющем в этих языках смягченной пары. Перед гласными его передают при помощи то мягких, то твердых русских согласных, как это показано в таблице. Перед согласными же и на конце слова ГУГК и многие редакции передают чешское <л> мягко, очевидно не без поддержки традиции передачи немецкого «среднего» <л>. Нам представляется это не вполне правильным. Прежде всего, в чешском языке можно отметить два разные *l*, ср. такие заимствованные из немецкого языка слова, как *Leopold Gottwaldov* (в последнем даже сохраняется орфографическое *w*) и чешские слова *Vlk*, *Jablko*, *Dobežal*, *Dlhá Ves*. Очевидно, передавать *l* в тех и других словах следует различно: 'Леопольд', 'Готвальдов', но 'Влк', 'Яблко', 'Добежал', 'Длга-Вес', тем более, что фонематически это безразлично для чешского языка, а чешскому <л> в словах славянского происхождения обычно соответствует твердое <л> (ср. русск. *волк*, *яблоко*, *добежал*, *долгая*). Особое возражение вызывает мягкая передача <л> слогового как очень далекая от истинного звучания слова.

Все это относится и к <л> болгарского языка, которое тверже чешского и которое следует передавать без мягкого знака перед

согласными и на конце слов: 'Васил', а не Василь', 'Велчев', а не 'Вельчев'.

7. Слоговые согласные фонологически не свойственны русскому языку, хотя позиционно они и возможны. При транскрибировании имен таких языков, как чешский, словацкий, сербский, хорватский, приходится иметь дело с передачей фонологически слоговых согласных: чешск. *Vlk*, словац. *Vĺok* сербохорв. *Добрлин*. Высокая степень сонорности этих согласных и необычность образуемых ими слогов для русского языка нередко создают для русских иллюзию, будто при этих согласных имеется редуцированный иррациональный гласный. В связи с этим возникает вопрос, не следует ли при передаче их средствами русского языка прибегать к помощи гласных.

Интересно провести параллель с болгарским языком, для которого слоговые согласные совершенно не свойственны. При заимствовании слов, содержащих слоговые согласные, в болгарском языке в них вводится гласный *ъ*, обычно перед этими согласными: *Вълтава*, *Търнава*, *метър*. Это сохраняет слоговое строение слов и их ударность. Но гласного, подобного болгарскому *ъ*, нет в русском языке, а в словах, общих русскому и другим славянским языкам, на месте слоговых согласных имеются сочетания тех же согласных с гласными *о* или *е*: *серб*, *перст*, *горсть*, *хорват*, *волк*. Однако передача по принципу соответствия со словами русского языка (*перст*, *волк*) означает отход от транскрипции и ненужное этимологизирование. К тому же не все слова, и тем более имена собственные, находят себе соответствия в русском языке (*Trnka*, *Drda*).

Можно при транскрибировании слов, содержащих слоговые согласные, условно использовать в качестве промежуточного звена болгарскую их транскрипцию, содержащую сочетания *ър*, *ъл* на месте слоговых согласных, и передавать этот *ъ* через *ы*, согласно традиции русского языка. Но выше была показана ее фонетическая неточность и невозможность повсеместного ее проведения. Передача же условного *ъ* через *а*, удачная фонетически, не дает фонематического выделения слоговых согласных: 'Валтава', 'Барно', 'Марквичка', 'Тарнава', 'Дарниш', 'Барза-Паланка'. Поэтому приходится передавать эти слова без добавления в них каких-либо гласных, искажая при этом слоговое строение их и нарушая их ударность.

8. Чешский <j> отличается от русского несколько различным распределением по позициям, в частности способностью употребляться перед согласными в начале слова (*jho*, *jméno*), в то время как для <j> русского языка необходимым условием существования является соседство гласного. Поэтому чешский <j> перед согласными нельзя передавать через *й*, *и*, очевидно, единственным возможным способом передачи его является слоговое *и* ('имено', 'иго'), хотя это и создает в русской транскрипции лишний слог. Поскольку этот <j> в разговорной речи часто не произносится, его можно было бы совсем выпу-

скать в русской транскрипции. Но он существует фонематически и графически зафиксирован, поэтому выпускать его не рекомендуется.

Другой особенностью чешского <j> является его употребление перед <i>, в то время как в русском языке <j> перед <и> обычно вокализуется. В связи с этим спорной является передача <j> в таких словах, как *Jiří, Jirásek, Jirna*. ГУГК передает это <j> через й: 'Йиржи', 'Йирасек', 'Йирна'. Однако это несколько неестественно для русского языка, для которого не свойственно сочетание йи, особенно в начале слова. Очевидно, более правильно поступают в прессе, опуская этот начальный <j>: 'Иржи', 'Ирасек', 'Ирна'.

9. Чешское ř и польское rz представляют собой аналогичное явление как с исторической, так и с фонематической точки зрения. Ввиду фонематического противопоставления чешских <r> и <ř> передавать их в русской транскрипции одинаково нежелательно. Традиционной является передача чешского ř через рж в звонком окружении и через рш — в глухом: *Večeřa* 'Вечержа', *Třinec* 'Тршинец'. Польское rz передается при помощи русского ж в звонком окружении и при помощи ш — в глухом: *Wieprz* 'Вепш', *Rządza* 'Жондза', *Jaworzno* 'Явожно'.

В такой передаче имеется два неудобства.

1) Польское rz в чешской транскрипции передается через ř. Поэтому при транскрибировании одних и тех же фамилий из польских и чешских источников получаются разные русские варианты их: чешск. *Mukařovský* 'Мукаржовский', польск. *Mukarzewski* 'Мукажовский'; чешск. *Kramář* 'Крамарж', польск. *Kramarz* 'Крамаж'; чешск. *Řečnický* 'Ржечницкий', польск. *Rzecznicki* 'Жечницкий'. Нередко это относится к одним и тем же лицам, фамилии которых встречаются то в польских, то в чешских изданиях.

2) Одна чешская фонема передается двумя русскими буквами, в результате чего получается несоответствие исходного и получаемого. Допустимая сама по себе, такая передача создает, однако, в русском языке нагромождения согласных, образующих слоги, не свойственные русскому языку и трудно произносимые: *Ohře* 'Огрже', *Přibram* 'Пршибрам', *Přerov* 'Пршеров'. Здесь в русских словах получаются слоговые согласные даже там, где их нет в чешском языке (Огрже). В произношении таких слов русскими [р] звучит все равно по-русски, а [ж] — отдельно от него, нередко даже [р] и [ж] принадлежат разным слогам русского слова.

Вследствие всего перечисленного такую передачу нельзя считать удовлетворительной. Изменение ее должно идти прежде всего по линии унификации транскрипции польских и чешских слов. Предпочтение, видимо, следует отдать передаче польского rz. Аналогичная передача чешского ř устранил из русской транскрипции элементы, не свойственные русскому языку и затрудняющие произношение заимствованных слов: 'Огрже', 'Пшибрам', 'Пшеров'. Правда, при такой

передаче стирается фонематическое противопоставление чешских <ř> и <ž>, <ř> и <š>, но специфичность положения их в слове облегчит обратную транскрипцию подобных слов.

II. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Ввиду близкого родства славянских языков в них имеется много материально общих и функционально тождественных морфем. Это одновременно облегчает и осложняет их передачу средствами русского языка; облегчает — потому что имя, содержащее элементы, похожие на элементы, имеющиеся в заимствующем языке, является более понятным; осложняет — поскольку сходные элементы, несущие одинаковые функции, материально могут и не быть тождественными. Видя и узнавая знакомые морфемы, мы невольно отождествляем их с морфемами родного языка и стремимся произносить их так же, как произносим аналогичные свои морфемы. Так функциональное тождество элементов влечет за собой стремление и к материальному тождеству, потому что трудно, говоря на одном из близкородственных языков, употреблять в нем слова другого близкородственного языка с аналогичными, но все же чужими элементами. Однако сознание некоторых отличий от родного языка препятствует такому объединению иностранных морфем со своими. Отсюда стремление сохранить их в исходной национальной форме. Столкновение обеих тенденций приводит к неуверенности и колебаниям в употреблении их. Колебания эти не одинаковы по отношению к разным морфемам.

Корневые морфемы более индивидуальны, поэтому попытки подменить их корневыми морфемами других языков почти невозможны. Так, польск. *Janczarski* в русской транскрипции будет 'Янчарский', а не 'Янычарский'. Однако и от этого правила имеются отступления. Чаще всего это касается слов, содержащих в одном языке *u*, а в другом *ы*: польск. *Kuryłowicz* 'Курилович', *Gryszkiewicz* 'Гришкевич', а не 'Курылович', 'Грышкевич'.

По-видимому аналогичные отступления можно делать и в некоторых чешских корневых морфемах. Чешское *y* в настоящее время произносится так же, как *i*. Написание же *y* отражает фонетику на более раннем этапе развития языка. В соответствии с общими правилами чешские *i* и *y* передают одинаково, через *и*. Представляется, однако, что вполне возможно передавать *y* через *ы* там, где в соответствующих русских морфемах имеется *ы*: *Lysá Hora* 'Лыса-Гора', *Malý Rybník* 'Малый Рыбник', *Karlovy Vary* 'Карловы Вары'. Передача: г. 'Лыса', оз. 'Малы-Рыбник', 'Карлови-Вари', 'Бистрица' (*Bystrica*) представляется нам менее удачной.

Аффиксальные морфемы в именах собственных представляют собой небольшую группу типизированных морфем, значение которых сходно во всех славянских языках. В связи с этим наблюдается сильная тенденция заменять их суффиксами заимствующего языка.

Суффиксы языков, близкородственных русскому, иногда абсолютно совпадают с русскими: чешск. *Žižkov*. — русск. *Жижков*, польск. *Tyszkiewiczowa*, *Siemaszkowa* — русск. *Тышкевичова*, *Семашикова*. Передача их является одновременно и транскрипцией, и морфологической заменой. При передаче же имен с аналогичными, но материально не вполне тождественными суффиксами нужно сделать выбор между собственно транскрипцией и морфологической заменой. Так, чешск. *Malá* передают и как 'Мала', и как 'Малая', *Malý* — и как 'Мали', и как 'Малый', польск. *Jabłońska* — как 'Яблоньска' и 'Яблонская', *Kupczyński* — как 'Купчиньски' и 'Купчинский'.

В передаче географических названий обычно придерживаются первого направления: чешск. *Vysoký Týn* 'Високи-Тин', польск. *Czarna Woda* 'Черна Вода'. Но географические названия отличаются от фамилий по своему функционированию, для них не столь важна форма русских прилагательных, как для фамилий, которым эта форма дает возможность склоняться, быть более устойчивыми в контексте и понятными без контекста: ср. 'Ответ Мали Новотни' и 'Ответ Малого Новотному'. Для имен, переданных без морфологизации, необходима в таких случаях синтаксическая поддержка контекста типа 'Ответ президента Мали депутату Новотни', однако это не всегда возможно. Поэтому практически более удобной является передача с соответствующими суффиксами заимствующего языка: чешск. *Hrozný* 'Грозный', *Pokorný* 'Покорный'. И лишь в тех случаях, когда славянское имя ассимилировалось в языке неславянском, его флексию не следует передавать подобным образом: австриец *Wessely* 'Вессели' (из чешск. *Veselý*).

Особенно сложен вопрос о правомерности замены польского суффикса *ów (-ув)* русским суффиксом *-ов* в фамилиях и географических названиях типа *Jasnow*, *Krasnow*, *Tarnow*, *Lwow*. Польское <ó> не является самостоятельной фонемой, а лишь, вариантом [o] в закрытом слоге. В косвенных падежах эти имена имеют гласный суффикса [o]. Все это подтверждает возможность передачи *-ów* через *-ов*, которая является оправданной фонематически и имеет преимущества перед фонетической передачей через *-ув*. В географических названиях *-ów* обычно передают через *-ув*: *Rzeszów* 'Жешув', *Pruszków* 'Прушков', оставляя традиционное *-ов* лишь для некоторых традиционных названий: 'Львов', 'Краков'. Однако русские географические названия, заимствуемые польским языком, меняют свое *-ов* на *-ów* по законам польского словообразования и по фонетическим законам польского языка: Харьков *Charków*. Очевидно, аналогичная, но обратная замена должна быть и при передаче польских имен средствами русского языка: 'Яснóв', 'Краснóв', 'Прушкóв', 'Жешóв'; это более естественно и понятно. Это сближает иностранные имена с русскими и облегчает их функционирование в русском языке.

Префиксальные морфемы встречаются в собственных именах значительно реже, чем суффиксальные, потому что префиксация не является

способом образования имен и префиксы в последних можно выделить лишь постольку, поскольку они существовали в тех нарицательных, из которых образовались родственные имена.

При передаче имен родственных языков аналогичные, но различно произносящиеся префиксы одного языка можно заменять префиксами другого языка, прибегая к морфологическим заменам: чешск. *Vyskočil* 'Выскочил', *Vystrčil* 'Выстрчил'. Такая передача представляется нам более естественной.

Мы рассмотрели спорные, а следовательно, и наиболее важные моменты передачи славянских имен собственными алфавитными средствами русского языка, показали, что до сих пор некоторые явления передаются двояко и что в практической транскрипции, даваемой как в советских, так и в зарубежных изданиях, до сих пор нет должного единства. Поэтому унификация практической транскрипции славянских имен является одной из очередных задач, которую необходимо выполнить в самом ближайшем будущем в целях облегчения дальнейших контактов между представителями славянских стран.

А. С. ЛЬВОВ

СТАРΟΣЛАВЯНСКОЕ кЪНИГЪИ — БОУКЪБИ

«кЪнигЪИ, — пишет Ягич, — в значении γραματα в своем самом старшем употреблении, кажется, раньше всего вытесняется словом боукъби. Так, Лук. XXIII.38 читается кЪнигами, Ио. V.47 кЪнигамъ, VII.15 кЪнигЪИ, но Лук. XVI.6.7 в Мар. и Зогр. находим уже боукъби. Если не принять во внимание два упомянутых места, где находятся боукъби, в старых евангелиях-апракосах (Остр., Асс.) их не обнаруживаем. В Апостоле также господствует кЪнигЪИ (Деян. XXVI.24, XXVIII.21, к римл. II.27, к галат. VI.11, 2 посл. Тимоф. III.15), однако к римл. II.29 в Шишов. читается писаниема (Христин. щаниема), затем к римл. VII.6 писмеме, 2 посл. коринф. III.6 писмени, писме и III.7 писмени. Очень часто слово кЪнигЪИ передается αὐτῶν γραφαί и притом греч. мн. ч. без всякого исключения, но и при ед. ч. ἡ γραφή в большинстве случаев находим кЪнигЪИ, так Мрк. XII.10. Ио. VII.38.42, X.35, XIII.18, XVII.12, XIX.24.28.36.37, XX.9. Только в виде исключения встречаем Мрк. XV.28 писаное для ἡ γραφή и Лук. IV. 21 писание — для ἡ γραφή, причем указанные места звучат одинаково во всех старых текстах: в Мар., Зогр., Асс., Остр. Однако в старых текстах встречается обычная терминология: Деян. I.16 кЪнигЪИ (но в Христин. — Гильф. № 13 писанию), VIII.32 слово книжаною, VIII.35 ота книга, XVII.2 — то же самое, XVII.11 то же самое, XVIII.24 ка книгаха, XVIII.28 книгами, к римл. I.2 ка книгаха, IV.3, IX.17 кЪнигЪИ и т. д. В поздних текстах (апостола. — А. Л.), которым я противопоставляю Шишов., встречается уже отклонение: к римл. IX.17 писание в Христин. (Шишов. кЪнигЪИ). Наконец ἡ βιβλος или τὸ βιβλίον также всегда передается словом кЪнигЪИ. Так в пс. LXVIII.29, CXXXVIII.16. В более поздних текстах имеет место частичное отклонение в употреблении слова кЪнигЪИ, так, например, в Трнов. Мф. XXVI.54.56 писаниа, Ио. XIII.18, XIX.28.36 писание и Мф. XXI.42 ка писани (Карп. писаниха). Такое отклонение наблюдается и в древнерусских списках, например, Мф. XXI.42 в Юрьев., Мстисл., Добр., Типогр. ка писани»¹.

¹ V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 357.

Из приведенной цитаты видно, что слово *коукъки* встречается только в евангелиях и то только дважды. Приведем это место. В главе XVI Евангелия от Луки рассказывается, что у некоего богатого человека был управитель, которого обвинили в том, что он занимается расточением имения хозяина. Когда до хозяина дошли эти слухи, он потребовал от управителя отчета. Последний, желая обеспечить себе заранее место службы у других, решил выслужиться перед должниками хозяина, поэтому:

призъвавъ единого коужько . . . должнику господи своего. глѣдше пръкоумоу. колиѣма длъженъ еси господиноу моемоу. онъ же рече сътома мѣръ отъ оуба, рече емоу. прими коукъки твѣа. і сѣдъ скоро напиши патъ десѣтъ. и по-тома же другомоу рече. ты же колиѣма длъженъ еси. онъ же рече сътома корецъ пшеница. и гла емоу прими коукъки твѣа и напиши осма десѣтъ (Лук. XVI.5—7, Мар., в Зогр. также), в греч. τὸ γράμμα.

В апракосы не вошло это место. Если исходить из общепринятого мнения о первичности перевода евангелия-апракоса, будет вероятным допущение, что цитированное место переведено позже, когда составлялось евангелие-тетр. С этой точки зрения предположение, что в самом первичном переводе текста евангелия в нем не могло быть слова *коукъки*, по-видимому, является правильным. Это допущение можно подкрепить тем, что во всех других памятниках собственно старославянской письменности, кроме приведенного выше места из Лук. XVI.5—7, не встречается слова *коукъки*.

В приведенной выше цитате из Лук. XVI.5—7 речь идет о долговой расписке, куда вносятся исправления. В других местах евангелий и других памятников собственно старославянской письменности нет мест, в которых шла бы речь именно о долговой расписке. Правда, в евангелиях имеется еще три места, где речь идет не о долговой, а о разводной грамоте. Ср.:

мои запсѣдѣ. дати кнѣггы распусѣтънѣа и отъпусѣтити ѿ (т. е. женѣ, так в Сав. кн., Мф. XIX.7); пскеѣ мои кнѣггы распусѣтънѣа написати и пусѣтити (Мрк. X.4, Мар., Зогр., в апракосах нет этого места); речено же кзѣтъ. ѿже ашгѣ пусѣтитъ женѣ свѣж. да дастъ еи кнѣггы распусѣтънѣа (Мф. V.31). В греч. βιβλίον ἀποστασίον 'разводная грамота'.

У славян существовали разводы, о чем, между многими данными, свидетельствует наличие особых терминов для обозначения бросившей мужа жены: *потѣкъга*, а для отпущенной мужем жены: *псѣченица*. Однако едва ли существовала в прошлом у славян практика оформления разводов особыми грамотами. Надо полагать, что отсутствие этой практики и заставило славянских переводчиков переводить греч. βιβλίον ἀποστασίον дословно: *кнѣггы распусѣтънѣа*.

Употребление слова *коукъки* в значении 'письмо' известно по памятникам церковнославянской письменности. Так, в Житии Феклы по списку XI в. читаем: *Жена же его написавши коукъки (мужеки) ѡъ гъцѣниема. призъка и;* в Мучении Феклы по Великой Минеи четии:

Рассла князь скоро коукки. написавъ сице; в мучении Евфимии: ꙗкие написа (антипатъ) кукки²; в Житии Константина философа: ѡткѣща философъ. . . радъ идеу тамо (в Моравию. — А. Л.), аще имоуга коукки къ ѡзыку свои. Философъ же рече: то кто можега на кодѣ вездѣу написати? или еретично има сѣкъ скрѣсти?³ — в данном примере боукѣви возможно понять как 'азбука' и как 'книга'; коцелъ князь панонскъ и взълюбн велыми словенскы коукки, и наоучилъ имъ, и вздавъ до патидесатъ оученикъ оучитилъ имъ⁴ — в этом примере, пожалуй, речь идет о грамоте, алфавите; в Житии Мефодия: владѣху же етера многа чада ѡже гоужаху словѣнаскы книги, глѣше, тако не досегита никому же ѡзыку имѣти коуккъ своихъ, разѣкъ ескри и грѣкъ и латинъ, по Пилатску писанию⁵ — здесь речь идет о письменности (в первом случае) и азбуке (во втором случае). В Прогласе Константина к учительному евангелию читаем: кто вы кѣры сита не кѣста правы тако сѣмени подашгоу на нивѣ. тако на срадъцихъ чловѣческыхъ, трѣкоуштихъ джда. божими коукѣвами да взрастетъ плодъ кожии — по-видимому, здесь речь о церковных книгах.

В одном памятнике, называвшемся «Написаѣе ѡзыкомъ словенскимъ о буквѣ і о еа писменех рекше о азбѣцѣ і о еа слѣше разсужденіе и свидѣтельство» читаем:

Вопросъ. Букви что еста; ѡвѣ. Обраніе писменъ⁶.

Таким образом, слово *боукѣви* известно в следующих значениях: 1) 'долговая расписка или грамота', 2) 'записка или письмо', 3) 'книга или рукопись', 4) 'письменность того или иного народа', 5) 'азбука'.

В значении 'буква' в памятниках старославянской письменности употребляется другой термин: *писма* (о чем ниже).

Признается, что *коукы* — *коукѣви* в значении 'письмо вообще, знаки письменности' и т. д. является заимствованным из германских языков словом, восходящим к названию дерева *бук*⁷. Такое предположение вполне вероятно, так как материал, на котором писали, обычно являлся названием и самого письменного документа. Так, в памятниках XI в. и позже было распространено слово *дѣска* в значениях 'надпись, письменный документ' и т. д.⁸ Характерно, Ио. XIX.19 в самых старых списках евангелий читается: *написа же і титла пилатъ* (Зогр., так же в Мар., Асс., Остр.), а в Юрьевском евангелии нач. XII в. читаем: *написа же и дѣску пилатъ*.

И. И. Срезневский в своем словаре приводит такую цитату из Чудовской псалтыри XXVII.5: *Взвѣднже сѣвѣднне къ Иакоуѣ. Сѣвѣднне*

² См. П. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 192.

³ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 27.

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ Там же, стр. 72.

⁶ См. «Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1885—1895, стр. 637.

⁷ См. E. Bernker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913, стр. 99—100.

⁸ См. П. И. Срезневский. Указ. соч., т. I, стр. 761—762.

наричета поставленосуѣѣна въ поуѣстѣни. Тако имоушта брѣсели свѣдениа⁹ Это место отсутствует в Синодальном и других списках псалтыри. В приведенной цитате брѣсели 'черепок, кирпич' является названием письменного документа.

Не лишне, наконец, указать на то, что ряд берестяных грамот назван *берестой*, ср. например: поклону ѿфалеа ко есифу послал. азо к тоби версто написако... (грам. № 27)¹⁰.

В свете приведенных данных нет ничего удивительного в том, что в переведенном выше тексте из Лук. XVI.5—7 'долговая расписка' или 'грамота' именуется словом *коуѣжи*.

Известно и слово *коуѣра* в значении 'грамотей, книжник', встречающееся в сочинении Черноризца Храбра «О письменехъ», ср.: аце ли кѣпросиши словѣнскыа коуѣра глѣ. кто бы писмена стѣкорила еста, или книги прѣасжилѣ; то бѣси вѣдѣта¹¹.

Отметим, что слово *коуѣжи* в древних памятниках письменности встречается только в форме множественного числа. По-видимому, значение 'грамота, письмо' это слово приобрело по аналогии с *книгѣи*. Лишь впоследствии оно стало употребляться в единственном числе в значении 'азбука, отдельная буква'. Вероятно, разбираемое слово в значении 'грамота, письмена, книга' не было общеславянским, потому что западнославянские языки его не знают в указанных значениях не только ныне, но и в прошлом, если судить по дошедшим до нас памятникам письменности. Правда, в Никодимовом евангелии, переведенном с латинского языка, как предполагает А. И. Соболевский, в западнославянском крае, *epistola* передано *куѣжица мисгосѣнѣи*¹², но этот памятник дошел до нас в списке не ранее XIV в.; поэтому неизвестно, таким же или иным было приведенное сочетание слов в первом оригинале.

Хотя ныне все восточнославянские языки знают слово *буква*, но оно, скорее всего, заимствовано из памятников церковнославянской письменности. Наши древние памятники в значении 'письмо, письменность, деловой документ' и т. д., кроме *дѣска*, чаще употребляют слово греческого происхождения *грамота*. Слово же *боуѣви* в древнерусских памятниках письменности обычно встречается в цитатах из церковных книг или в фразах, передающих религиозные догматы.

В южнославянских языках последнее слово и поныне известно в значении 'буква, книга' и т. д., ср.: слов. *bukve* 'книга', *bukvarnja* 'библиотека', *bukovski jezik* 'латинский язык', сербохорв. *bukvar* 'азбука', болг. *Дума по дума, буква по буква* и т. д.

⁹ И. И. Срезневский. Указ. соч., т. I, стр. 183.

¹⁰ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954, стр. 29.

¹¹ «Исследования по русскому языку», т. I, стр. 299.

¹² См. Сб. ОРЯС, т. 88, № 3. СПб., 1910, стр. 82.

Сказанное наводит на мысль, что в Лук. XVI.5.6.7 слово боукѣви включилось не в результате вытеснения слова кнѣгѣ при поздних переписках, а употреблено первыми переводчиками при составлении евангелий-тегр в специальном значении 'долговая расписка или грамота'. Наличие такого письменного документа у южных славян вполне вероятно, если даже такие грамоты писались чертами и резами, о чем свидетельствует Черноризец Храбр.

Перейдем к слову кнѣгѣ, которое, так же как и боукѣви, встречается только в форме множественного числа. По мнению Я. Гебауера, «единств. *книга* означало 'письменность' в частности 'письмо' и вообще 'писанье', 'scriptum', 'scriptura', 'carta', множ. же *книгы* 'сборник' или 'целое от куска', или 'часть такого' 'liber', 'codex'; ед. *книга* было вытеснено частым употреблением другими: 'письмо', 'сочинение' и т. п., где употребление *книгы* 'liber', 'codex', явно преобладало; но со временем преимущественно с XVI в. начинает употребляться единств. *книга* вместо до тех пор обычного множ. *книгы*, последнее удержалось до наших дней в выражении *modlicí knihu* 'молитвенник'»¹³.

Одним из наиболее вероятных истоков слова *кнѣга* является ассир. *kinukku* 'печать', которое пришло в славянские языки через армян. *kənik*¹⁴. Разбираемое слово первоначально могло иметь значение 'печать', лишь позже 'буква, письмо, книга', в последних значениях оно употреблялось только во множественном числе.

Обратимся к данным памятников.

В евангелиях мы встречаемся со словом кнѣгѣ в значении 'азбука', ср.: бѣ же и написаніе написано надъ нимъ. кнѣгами еминъскыми и римъскыми. и еврейскыми. *ѣ естѣ цѣрѣв ѿиуденскѣ* (Лук. XXIII.38, Мар., в остальных так же).

При первоначальном значении слова *кнѣга* 'печать' вполне естественно употребление кнѣгѣ в значении 'алфавит'.

Неудивительно и употребление кнѣгѣ в значении 'грамотность, умение читать знаки письма'. В этом значении его встречаем в Ио. VII.15; и дивѣахъ *ѣ иудей глаголюшѣте. како ѣ кнѣгѣ сумѣатъ. не оучѣ ѣ* (Мар., в остальных так же, кроме Сав., где это место отсутствует), в греч. *γράφεται*.

Разбираемое слово в Супрасльской рукописи встречается в значении 'письмо, записка', греч. *ἐπιστολή*, ср.: не прѣздрѣ изъ кнѣгѣ написавъ. и пославъ того паушташе (188.14—16); акине казна заповѣда. и кнѣгѣ написавъ послѣ на нарочита мѣста (199.17—19).

Следующим значением разбираемого слова является 'рукопись', или 'книга' (в современном значении этого слова), ср. примеры:

¹³ Jan Gebauer. Slovník staročeský, díl II. V Praze, 1916, стр. 68.

¹⁴ См. E. Berneker. Указ. соч., стр. 664; J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, 173; Иначе—M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Heidelberg, 1953, стр. 579.

Лук. IV.17: і вѣздаша ємоу кзнигы и҃сана пророка. і разгнѣжѣ кзнигы. окрѣте мѣсто идеже вѣ написано (так во всех, кроме Зогр., в котором нет этого места); Лук. IV.20: і сгнѣжѣ кзнигы вѣдастѣ слоуѣтѣ сѣде (Асс., в Мар. вѣдакѣ, в остальных то как Асс., то как Мар.); и ка сихъ книгахъ чте сѣ роумѣскы (Супр. рук. 142.21); не мож рече чисти. кзнигы ко сжтѣ печатѣлѣны (там же, 247.4—5); Мрк. XII.26: нѣсте ли чѣли вѣ кзнигахъ мосеовыхъ (так во всех); Лук. XX.42: а самѣ даѣдѣ глѣтѣ вѣ кзнигахъ псаломскыхъ (так во всех) и т. д.

Обычно в подобных приведенных примерах в греческом оригинале соответствует βιβλος.

Известно кзнигы в значении 'повествование', например, Мф. I. 1: кзнигы рождастѣ и҃ хѣба. снѣу дакыдска. снѣу акрамѣ. акрамѣ роди и҃сакѣ. и҃сакѣ же роди и҃сакска... и т. д. (Сав., в Асс. родитѣ, Остр. рождастѣ, в Мар. и Зогр. нет этого места).

К этому значению примыкает другое — 'писание'; выполненное пророком или богом, ср.: отѣѣцакѣ же и҃гѣ рече имѣ. блѣдите не вѣдѣште кзнигы. ни силѣ вѣжѣ. вѣ вѣскрѣшение ко ни женаѣтѣ сѣ ни посагажтѣ (Мф. XXII.29: 30. Это место находится только в тетр.).

Отсюда часты сочетания слов: да сѣбѣдѣтѣ сѣ кзнигы пророчскыѣ (см. Мф. XXVI.54.56, Мрк. XIV.49, Ио. XIII.18, XIX.28.36 и др.).

Таковы значения слова кзнигы, встречающегося много раз во всех памятниках старославянской письменности, кроме Клоцова сборника и Киевских листков, в которых это слово отсутствует.

Правда, в последнем значении встречается еще писание, которое в евангелиях находим всего один раз в Лук. IV.21: начѣтѣ же глѣти кѣ нимѣ. тѣко да҃неѣ сѣбѣистѣ сѣ писание сѣ. вѣ оушнѣ кашѣю (так Мар., Асс., Сав., Остр.; в Зогр. нет этого места).

Другой раз это слово встречается в Син. треб.: вѣроуемѣ писанию. крѣпаемѣ сѣ вѣ стѣжѣ трсицѣ (676. 7—8).

В Супрасльской рукописи оно уже употреблено 26 раз, при 25-кратном употреблении кзнигы, ср.: и сѣаго писаниѣ вѣзѣми оуказаниѣ (356.20—21); еуаггеминско ко писаниѣ глаголетѣ (545.27—28); пророчско конѣчакаашѣ сѣ писаниѣ (403.7—9); рече вѣжѣ писаниѣ вѣскжѣ величашѣ сѣ стѣранѣ (102.26—27) и т. п.

В этом памятнике появляется и слово писма в значении 'знак письма, буква'. Ср.: не пиши црѣ жидскыкѣ. почто не пиши. что вѣ вѣдѣ тѣорѣтѣ писмена (а). ко҃е҃го вѣ имѣниѣ или прѣгажаниѣ лихѣоуѣтѣ истинноѣ писма. нѣ ашѣте и фарисѣи сѣ глаголашѣте кѣ пилѣтоу. сѣтаѣтѣхъ и҃е҃го писати истинѣ пи́смена (404.2—7); начѣнѣ же отѣ мосеа... прѣвоуоумоу начѣрѣтѣ-кашѣу писма (478.5—7); дадѣтѣ сѣ рече запечатѣлѣнѣа кзнигы мѣжоу вѣдѣшѣгоу писмена (246.8—9).

На основании приведенных данных можно предполагать, что в эпоху первых переводов слово писание не было употребительно в том значении,

в каком оно известно в Супрасльской рукописи. По всей вероятности, первые переводчики не знали еще слова писма в значении 'знак письма, буква'.

Правда, слово писма один раз встречается в Мф. V.18 во всех старших списках евангелий, кроме Мар. ев. и Сав. кн. (в которых нет этого места), в тексте: *амнѣ гѣж камѣ. дондеже прѣидетѣ нѣко и зем'ѣ. писма єдино. м єдина чрѣта. не прѣидетѣ ѡтѣ закона. дондеже кѣсѣ кѣдѣжтѣ* (Асс., л. 119а, строки 11—16; так же в Зогр. и Остр.).

В греч. Ἀρὴν γὰρ λέγω ὑμῖν, ἕως ἂν παρέλθῃ ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, ἰῶτα ἓν, ἢ μία κεραία οὐ μὴ παρέλθῃ ἀπὸ τοῦ νόμου, ἕως ἂν πάντα γένηται.

Таким образом, в приведенном славянском тексте словом писма переведено греч. ἰῶτα 'самая малая часть'. Всюду в этом контексте словом писма обозначалось понятие 'точка' или точнее — 'самый маленький знак': ни одна точка (самый маленький знак) закона или ни одна черта не выпадет из закона.

В памятниках восточноболгарской письменности слово писма в указанном значении заменено греческим словом *iota* или *geta*, ср. в цитате Мф. V.18 в Пандектах Никона Черногорца: *иѡта єдина и чѣрта єдина. В Десянском ев.: игета єдина или чрѣта не прѣидетѣ ѡ закона. В Святослав. изб. 1073 г.: гета єдино (= греч. ἰῶτα ἓν).*

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что в эпоху первых переводов существовавшее в языке южных славян слово писма не было известно в значении 'буква, знак письма'. Отсутствуют данные, свидетельствующие и о том, что в эпоху первых переводов слово писание употреблялось в том же значении, в каком оно известно в приведенных выше цитатах из Супрасльской рукописи, так как *днєсѣ сѣкѣтѣ сѣ писание сѣ* (Лук. IV.24) передавало буквально греч. ἡ γραφή 'написанное' или 'изображенное', а не 'священное писание'. В противном случае не встречались бы такие сочетания слов, как: *кнѣгѣ писана пророка, кѣ кнѣгахѣ мѣсѣкѣхѣ, особенно: не кѣдѣжтѣ кнѣгѣ. ни силѣ кнѣга* и т. д. (см. приведенные выше примеры).

После того как стали возможны сочетания слов *кнѣга, сѣтѣ пророцѣко писание* вместо более ранних *кнѣга, сѣтѣ кнѣгѣ*, слово писма могло приобрести новое значение 'знак письма, буква', в котором оно уже свободно употребляется в Супрасльской рукописи, а также в некоторых других памятниках церковной письменности восточноболгарской редакции.

Характерно, что в Житии Константина встречаются *кнѣгѣ, боукѣ* и *писмена*, причем первое слово выступает в значении современного 'книга', или 'писание', в том значении, в каком оно встречается и в Супрасльской рукописи. Ср.: *Прѣим же папежѣ кнѣгы сѣсѣтѣнѣсѣмѣ, сѣсѣтѣ и положи а кѣ црѣкви¹⁵; Скажи намѣ, како еси напѣ сѣтворилѣ сѣс-*

¹⁵ П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 33.

кѣномъ книги и сучиши а¹⁶; Мы же три языка токмо вѣмъ, имиже достигъ въ книгахъ славити бога, ерѣиски, еллински, латински¹⁷.

Как отмечено выше, коукки здесь употреблено в значении 'письменность, азбука'. Писмена встречается в таких предложениях: Обрѣтъ же тоу евангелие и Уамтыръ роуцкыи писмены писано¹⁸; Вскорѣ же се емоу когъ пак. . . и тогда сложи писмена и нача писати ксѣдоу евангелъскоу¹⁹.

В период, когда писалось житие, в языке едва ли еще произошла дифференциация и специализация значений слов кзнигы, коукъки и писма. Надо полагать, что это было не ранее первой половины X в., когда в Болгарии Константин и Мефодий были причислены к лику святых, а в связи с этим возникла потребность канонизировать их жития.

По крайней мере в период, когда жил и писал Иоанн экзарх болгарский, упомянутые слова употреблялись в указанных значениях, о чем свидетельствует его Пролог, где читаем: Кзстатинъ философъ. . . многы труды приа стрста писмена славнскихъ кзнигъ²⁰.

Слова коукъки и кзнигы в значениях, указанных выше, наводят на предположение о существовании у славян идеографического письма.

Отметим еще, что в южнославянских языках до сих пор слово *knjiga* известно в различных значениях: слов. *knjiga* 'книга, литература; часть желудка животного', сербохорв. *књига* 'письмо, книга, учение, бумага', болг. *книга* 'книга, писчая бумага, письмо, грамота'.

Такое разнообразие значений слова кзнигы, как мы видели, было характерно и для древних текстов.

Итак, нельзя признать обоснованным мнение Ягича, что в первоначальном переводе было только слово кзнигы, которое заменялось позже словом коукъки. Изложенные выше наблюдения показывают, что последнее слово, встречающееся в евангелиях в специфическом значении 'долговая расписка', или 'грамота', не может быть вторичным словом и оно несомненно должно быть древнейшим. В связи с этим имеются основания считать, что слово коукъки было употреблено первыми переводчиками наряду со словом кзнигы, но в период, когда составлялось евангелие-тетр.

Вместе с тем имеются основания для допущения, что первые переводчики не знали еще слова писание в значении 'священное писание'; это слово могло приобрести указанное значение позже, когда книжная терминология стала развитой в связи с распространением буквенной письменности. Одновременно со словом писание в терминологическом значении в языке появилось слово писма, образованное по типу знама, сѣма и т. п. На основании имеющихся данных можно считать, что слова коукъки, кзнигы, писание, писма приобрели каждое свое специ-

¹⁶ П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 29—30.

¹⁷ Там же, стр. 30.

¹⁸ Там же, стр. 12.

¹⁹ Там же, стр. 27.

²⁰ «Исследования по русскому языку», т. I, стр. 320.

ческое значение в первой половине или точнее в первой четверти X столетия.

Из названных слов, по-видимому, только *книгы* было общеславянским. *коукъки*, вероятнее всего, было только южнославянским, а *писанье* и *писма* в новых значениях могли возникнуть в среде книжников из общеславянского *писанье* 'начертание', *писма* 'точка, мельчайший знак'.

писанье как существительное с абстрактным значением образовалось из причастия *писан(ъ)* присоединением суффикса *-ие*, так же как: *дѣланье*, *желанье*, *знание* и т. п., и в таком значении оно едва ли могло бытовать в устной народной речи. По указанной причине предполагаем, что слово *писанье* возникло в среде книжников.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о том, что к началу первых переводов церковных книг на славянский язык в последнем существовали слова *книгы*, *коукъки*, вероятно, еще *дзика* и *връсѣль*, употребляемые в языке для передачи понятий 'буква, азбука, письменность, книга, долговая расписка' и т. д. Существовавшее в языке слово *писма* в то время не употреблялось в значении 'знак письма, буква', оно лишь позже приобрело это значение. Кстати, в связи с этим сообщение Жития Константина об обнаружении Константином в Херсонесе около 860 г. евангелия и псалтыри, писанных русскими *письменами*, по всей вероятности, является поздним сочинением тех времен, когда *писма* приобрело значение 'знак письма, буква'. И это место находится в противоречии с другими местами того же жития, где выдержанно употребляется в том же значении слова *коукъки* и *книгы*, за исключением еще места, в котором говорится об изобретении Константином славянских *писмен*.

Как понять эти противоречия? На этот вопрос, по-видимому, можно ответить лишь в результате дальнейших разысканий.

А. Сабаляускас

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ МАКА В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Насчитывается сто с лишним видов мака. Однако как культурное растение, употребляемое из-за его наркотических и масляных качеств, культивируется лишь один вид *Papaver somniferum*. Происхождение этого вида неясно. Раньше считалось, что *Papaver somniferum* произошел из *Papaver setigerum* (ср. Candolle, 504, 562). Однако теперь такое мнение кажется сомнительным (ср. Жуковский, 559—560). Диких маков вида *Papaver somniferum* пока еще нигде не найдено.

Уже древние шумеры выращивали мак. Они не только употребляли его в пищу, но знали и его наркотические особенности (ср. Жуковский, 560). Жители древнего Египта и Палестины мака не знали (ср. Hoops, Reall. 3, 233). В Китае до VIII в. нашей эры также не знали о маке (ср. Жуковский, 560). Мак, растущий в саду (μῆκων ἐνὶ κήρῳ), упоминает Гомер в Илиаде (8, 306). Следы мака находят при раскопках свайных построек в Швейцарии, которые восходят еще к эпохе неолита; однако установить этот вид мака нелегко (ср. Buschan, 246, 8; Schrader, Reall. 2, 68).

2. Славяне и балтийцы также достаточно давно должны были познакомиться с маком, хотя его семена при археологических раскопках встречаются очень редко. В двух местах они найдены на территории Польши (ср. Burchardówna, 164, 175), при раскопках райского кургана в Винницкой области (ср. Маслов, 44, 65; Молчанівський, 52). Эти находки сравнительно не старые; они не древнее железного века. Мак упоминается в инвентарных описях литовских поместий в XVI в. (ср. Jablonskis, L. arch. 126, 418, 556, 678).

3. В индоевропейских языках более всего распространены два названия мака. Источник одного — латин. *papāver* (ср. Walde, Et. Wb., 560). Отсюда произошли итал. *papàvero*, португ. *papoula*, франц. *pavot* и др. Однако большая часть индоевропейских языков употребляет другое название, которое весьма древне и имеет неизвестное происхождение, а именно: греч. μῆκων, дорич. μάκων, др.-в.-нем. *mago*, *maho*, нем. *Mohn*, др.-швед. *valmughi*, швед. *vallmo*, ст.-сл. *макъ* и др.

Выяснение первоначального значения этого слова шло различными путями. И. Левенталь (AfsIPh, 37, 381), например, пытался установить и.-е. праформу **maikūāko-s*, **maikūēko-s* и сравнить это название мака с санскр. *māsakas* 'темно-синий'. Следовательно, такое название было получено из-за цвета семян. Однако эта гипотеза с точки зрения фонетики и семантики маловероятна.

Старались связать это название мака и с лит. *miegōti*, русск. *мигать* (ср. Потт, 2, 26). С семантической точки зрения такое сравнение вполне возможно, так как мы знаем, что мак широко употреблен как наркотик. Кроме того, есть названия мака как раз такого происхождения, ср. исп. *dormidera*, португ. *dormideira* наряду с исп. *dormir* 'спать', *dormida* 'сон'. Однако сравнивать лит. *miegōti*, русск. *мигать* с ранее упомянутыми названиями мака нельзя из-за вокализма этих слов.

Поэтому скорее всего это название мака — старое слово индоевропейского происхождения (ср. Machek, LP., 2, 158; Rost., 55; Буга, Словарь, 18).

4. Как сказано, это название мака встречается и в славянских языках: ст.-сл. *макъ*, русск. *мак*, белор. *мак*, укр. *мак*, болг. *мак*, сербохорв. *ма̋к*, чешск. *ма̋к*, словац. *мак*, польск. *мак*, в.-луж. *мак*, н.-луж. *мак* (ср. VEW, 2, 89; ПЭС, 1, 504; ВгЕС, 318; MEW, 181). Раньше некоторые думали, что славяне в древности заимствовали это слово у греков (ср. Огиенко, 51). Однако это необязательно. Как греки, так и славяне с этим словом могли познакомиться из одного и того же источника. Из славянских языков это название мака попало и в другие соседние языки: рум. *мас* (ср. Rosetti, 44), молд. *мак*, венг. *ма̋к* 'семена мака', *ма̋квирэг* 'мак'. Позднее из русского языка упомянутое название мака попало и в другие языки народов Советского Союза: эвенк. *мак*, морд.-эрз. *мако*, башк. *мак*, морд.-мокш. *мак*, бурято.-монг. *мак*, авар. *мак*, татар. *мак*, тув. *мак* и др.

5. Название мака того же корня встречается и в балтийских языках. Но в отличие от славянских языков балтийские названия достаточно отличаются одно от другого по их фонетическому облику.

В литовском названии мака *agiūnā* прежде всего бросается в глаза отсутствие согласного в начале слова. Правда, в окрестностях Клайпеды встречаются формы и с согласным *т-* (*magiūna*, *magona*, *magonė*, *magūnas*; ср. Dagys, 246). Однако К. Буга (Словарь, 18) эти слова считает латтицизмами. Отпадение *т-* в литовском названии мака можно объяснить по-разному. К. Буга (Словарь, 18) так пишет по этому вопросу: «Литовское *agiūnā* также должно быть заимствованием из такого языка, в котором **magōnā* (литш. *magiūna*) могло в начале слова потерять звук *т*». Можно сомневаться в этом объяснении К. Буги. Неясно, в каком языке отбрасывается *т-* и почему из этого языка название мака заимствовали только литовцы, хотя во всех соседних языках названия мака имеют *т-*. Поэтому скорее всего *т-* отпало в самом литовском языке. Подобно тому как язык не

терпит в одном и том же слове двух *r*, ср. *arotai: rarotai, akrūtas: rākūrūtas*, латыш. *rodere — odere, ūķeris: rūķeris* (ср. Endzelin, Lat. gr., 230), точно так же может возникнуть аналогичная артикуляционная трудность и при произношении в одном и том же слове двух носовых согласных. Выпадению *m*- могло способствовать и то обстоятельство, что название мака путем народной этимологии могло быть связано с каким-нибудь другим словом похожего корня. Подобные выпадения по диссимиляции носовых звуков встречаем и в других индоевропейских языках: латин. *septuaginta < sept(u)maginta ~* греч. *ἑξήκοντα, septuennis < *sept(u)men-nis* (ср. Schulze, KZ., 42, 380—1).

Встречаемые в окрестностях Клайпеды формы с *m*- могли попасть в литовский язык из латышского языка рыбаков Куршской косы, так как там как раз такие формы и употребляются: *magone* (Plaķis, K. v., 66), *magons* (Voelkel, 18). Однако в отдельных случаях речь может идти и о старых литовских формах с сохранившимся *m*-.

Консонантизм этого названия мака показывал бы, что литовцы и латыши получили это слово от германцев (ср. Schwerts, 312; EM, 2, 547; Walde, Vrgl. Wb., 2, 225).

6. В говорах латышского языка название мака встречается только с невыпавшим *m*-: *magone, magona* (EM, 2, 547; EH, 1, 776), *magāma, tagana, tagane, tagauma, tagauna, tagūne, taguna* (EH, 1, 776)¹. Это название мака можно найти уже в памятниках латышского языка XVII в. Г. Манцель (Phras. lett., XVI) пишет: «Mohn, Maggones», и Лангий (Wb. 76) — «Maggones, Mohn, Magsamen». Как уже упомянуто, латыши получили это слово скорее всего из немецкого языка (ср. Schwerts, 312; Blese, Letten., 63—64; EM, 2, 547).

7. Из памятников древнепрусского языка название мака встречаем только в Эльбингском словаре — *toke* (265-е слово). Консонантизм слова, кажется, указывает, что оно попало в прусский язык из славянских языков, скорее всего из польского (ср. Brückner, Fw., 194; AfslPh. 23, 625; R. Trautmann, Altpr., 380; Endzelins, S. v., 212). Прусское название мака напоминает и топонимическое название *Мокаум* (ср. Gullis, Ort., 100). Однако оно может и не иметь ничего общего с упомянутым названием мака.

8. От балтийцев это название мака попало и в некоторые финно-угорские языки Прибалтики: эст. *magun*, ливск. *maggon* (ср. Thomsen, Ver., 197). Это название скорее всего получено из латышского языка. Другие финно-угорские языки Прибалтики заимствовали название мака от славян и германцев.

9. Итак, балтийцы и славяне имеют одно и то же название мака. Оно неясного происхождения и встречается во многих индоевропейских языках. В литовский и латышский языки это название скорее всего попало от германцев, а древние пруссы получили его из славянских языков.

¹ Именительные падежи некоторых из этих форм в памятниках не встречаются и восстановлены по другим формам склонения.

ЛИТЕРАТУРА

- Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. М., 1950.
- Маслов В. И. Наукові записки Інституту матеріальної культури, 1, Київ, 1937
- Молчанівський Т. М. Наукові записки Інституту матеріальної культури, 2, Київ, 1937
- Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915
- Преображенский А. Этимологический словарь русского языка, I. М., 1910—1914
- Blese E. Letten. Aufsätze über Geschichte, Sprache und Kultur der alten Letten. Riga, 1930
- Brückner A. Archiv für slavische Philologie, 23, Berlin, 1901
- Brückner A. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927
- Būga K. Lietuvių kalbos žodynas. Kaunas, 1924—25
- Burchardówna H. Przegląd Archeologiczny, 9, zeszyt 2—3. Poznań, 1953
- Buschan G. Vorgeschichtliche Botanik der Cultur — und Nutzpflanzen der alten Welt auf Grund prähistorischer Funde. Breslau, 1895
- Candolle A. de. Der Ursprung der Culturpflanzen. Leipzig, 1884
- Dagys J. Lietuviškas botanikos žodynas. Kaunas, 1938
- Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951
- Endzelīns Senprūšu valoga. Rīgā, 1943
- EH = Endzelīns J., Haubenberga E. Papildinājumi un labojumi K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīcai, 1. Rīgā, 1934—1938
- EM = Endzelīns J. — Mülenbachs K. Latviešu valodas vārdnīca, 2. Rīgā, 1925—1927
- Gerullis G. Die altpreussischen Ortstnamen. Berlin—Leipzig, 1922
- Hoops J. Reallexikon der germanischen Altertumskunde, 3. Strassburg, 1916
- Jablonskis K. Lietuvos archyvas, 1, XVI amžiaus Lietuvos inventoriai. Kaunas, 1934
- Loewenthal J. Archiv für slavische Philologie, 37. Berlin, 1920
- Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954
- Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886
- Plāķis J. Kursenieku valoda. Rīgā, 1927
- Pott A. De Borusso-Lithuanicae, Tam in Slavicis quam Letticis linguis principatu commentatio, 2. Halis Saxonum, 1841
- Rosetti A. Influența limbilor slava meridionale asupra limbii române (sec. VI—XII). București, 1953
- Sehwers J. Sprachlich-kulturhistorische Untersuchungen vornehmlich über den deutschen Einfluß im Lettischen. Leipzig, 1936
- Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, 1. Berlin, 1917
- Schulze W. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 42, Berlin (1909)
- Trautmann R. Die altpreussischen Sprachdenkmäler, Göttingen, 1910
- Thomsen V. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. København, 1890
- Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, 2. Heidelberg, 1950
- Voelkel M. I. A. Die lettischen Sprachreste auf der Kurischen Nehrung. Heidelberg, 1879
- Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1910
- Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, herausgegeben und bearbeitet von J. Pokorny, 2. Berlin—Leipzig, 1927

О. Н. Трубачев

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *РОСОМАХА*

В статье «Из истории табуистических названий»¹ мной была предложена гипотеза о происхождении русск. *росомаха* в итоге табуистической метатезы из **соромаха* < праслав. **sormaха*, ср. этимологически родственные названия близких животных: лит. *šarmiõ, šermiõ* 'горноста́й', лтш. *sařmulis* 'горноста́й; ласка', др.-в.-нем. *harmo* 'горноста́й'. Против этой этимологии было бы трудно возражать в принципе, однако основная форма, на которой она построена, нигде не была засвидетельствована и носила условный характер: **соромаха*. Тем более ценной поэтому представляется опубликованная недавно запись формы *сорома́ха* со значением 'росомаха', существующей в украинском говоре села Лозивок Черкасского района Черкасской области УССР².

¹ «Вопросы славянского языкознания», вып. 3. М., 1958.

² См. П. С. Лисенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. «Лексикографічний бюлетень», вип. VI. Київ, 1958, стр. 19.

В. А. Никонов

ПОСЛЕВОЕННЫЕ РАБОТЫ ПО ТОПОНИМИКЕ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

За последние десятилетия в славянских странах появилось громадное количество топонимических исследований. Давая необходимый материал для языкознания, истории, этнографии и других наук, даже таких, как геология, топонимика выросла в обширную отрасль знания со своим предметом и методом. У нас в этом отношении сделано немного и даже не всегда известно сделанное за рубежом. Заполнить хотя бы отчасти этот пробел и предназначен данный обзор славянских топонимических исследований за послевоенные годы.

Конечно, в этой статье невозможно не только рассмотреть, но даже и перечислить все опубликованное по топонимике на семи славянских языках (болгарском, македонском, польском, сербохорватском, словенском, словацком, чешском) после войны. Достаточно указать, что в библиографии языковедческой литературы только Чехословакии за одно десятилетие зарегистрировано 164 топонимических работы¹.

Больше всего работ по топонимике вышло в Польше, которая известна богатой топонимической традицией, гордящейся именами Я. Карловича (1836—1903), Т. Войцеховского (1838—1912), Я. Розвадовского (1867—1935), С. Козеровского (1874—1949). При Польской Академии наук работает специальная топонимическая группа под руководством В. Ташицкого, топонимические группы работают в Кракове, Лодзи, Познани, а во Вроцлаве с 1955 г. выходит специальное топонимическое периодическое издание «Onomastica»². В нескольких польских университетах ведутся семинары по топонимике. В общегосударственный перспективный план научных работ включено собирание географических названий, уже начатое на местах. В Кракове готовится старопольский топонимический словарь (до 1250 г.). Эти факты могут дать только приблизительное представление о масштабах топонимической работы в Польше³.

Топонимика имеет и большое практическое значение. Разгром гитлеровского рейха вернул славянам их исконные земли, на которых пришлось восстанавливать или давать заново все географические назва-

¹ Zd. Tył. Bibliografie české linguistiky 1945—1950. Praha, 1955, стр. 114—118, 226—237; его же Bibliografie české linguistiky, 1951—1955. Praha, 1957, стр. 210—211, 370—374.

² «Onomastica». Wrocław, rocz. I, 1955; rocz. II, 1956 (redactor Naczelny Witold Taszycki).

³ Библиографический перечень польских работ по топонимике за предыдущие годы (1907—1944), составленный К. Циргофером и начатый публикацией в «Onomastica» (rocz. II), включает несколько тысяч названий.

ния. В Польше на возвращенных землях установлено 32 тысячи географических названий, что потребовало грандиозного труда ученых (историков и лингвистов), общественности, государственных и академических комиссий. В меньшем масштабе, но такая же работа потребовалась и в Чехословакии, и в Югославии.

Для настоящего обзора нами просмотрено более трехсот топонимических работ — это едва ли половина всего опубликованного, но этого достаточно, чтобы выделить все наиболее значительное и наметить основные линии, по которым развиваются исследования.

Среди важнейших теоретических трудов по топонимике за последнее время две польские работы являются своего рода вехами в ее развитии. Это обширное исследование Я. Розвадовского о названиях вод⁴ и небольшая, но основополагающая работа Витольда Гапицкого «Славянские географические названия». Обе написаны еще задолго до второй мировой войны, но только в Народной Польше увидели свет.

Я. Розвадовский на протяжении почти всей своей жизни изучал географические, преимущественно речные, названия Средней и Восточной Европы, особенно к северу от Карпат. Еще в 1910 г. он опубликовал свои первые наблюдения, но в целом его труд, оставшийся незавершенным, был издан лишь посмертно. Т. Лер-Сплавинский и Я. Сафаревич отметили в предисловии, что хотя языковедение и ушло вперед с того времени, когда писалась книга Розвадовского, огромный фактический материал и методологическое мастерство этого труда сохраняют его ценность и для настоящего времени.

Несколько сотен речных названий сгруппированы Розвадовским в 71 группу: в каждом параграфе объединены названия с одной основой (*Ибр* или *Цна* и т. д.). О содержании дает представление, например, одно из таких гнезд — *Сан* (стр. 189—195). Сначала дано географическое определение называемого объекта, затем приведены все формы его названия, например украинская, прослежены упоминания о нем в документах на протяжении столетий (в том числе в русских летописях), гипотетически реконструирован древнейший фонетический облик, представлены все названия, какие автор считает производными от той же основы (*Саница*, *Санна* и *Соня* в бассейне Вислы, *Санн* в Штирии, *Сан* в Латвии, *Саан* в Швейцарии и ее тезка в Северной Франции, *Санна* в Тироле, *Сенна* в Умбрии), отведены внешне сходные, но происходящие от иных корней, изложены взгляды предшествовавших исследователей и наконец дана этимология. Не все параграфы разработаны с одинаковой полнотой, последние 15 из них представляют собой только черновые наброски, но и сделанное дает в руки топонимисту ключ ко многим названиям, рассмотренным и не рассмотренным в книге. Прав Т. Лер-Сплавинский, говоря, что обобщения Розвадовского «могут во многом пролить свет на выяснение заселения этих пространств в таком далеком прошлом, которое недостижимо для других исторических источников»⁵.

Конечно, в таком огромном труде, да еще в столь малоисследованной области, не может быть все равноценно. Уже сам отбор названий субъективен, о полноте не может идти и речи. Из названий наших рек, например, отсутствуют не только псковская *Великая* (хотя в группе *Велья* рассмотрена и *Велеса*) или *Сейм*, а даже и *Березина*.

⁴ J. Rozwadowski. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948, стр. 344.

⁵ T. Lehr-Splawinski. Rozprawy i szkice z dziejów kultury słowian. Warszawa, 1954, стр. 16.

Автор с осторожностью серьезного ученого объективно взвешивает за и против, приводит взаимоисключающие точки зрения (см., например, возможные истолкования названий *Мста* — стр. 132—134, *Десна* — стр. 42—43), и все же некоторые отстаиваемые им положения тоже спорны, например о кельтском происхождении названия *Висла*; впрочем тот же взгляд разделял А. А. Шахматов, поддерживает М. Фасмер, оговариваясь, однако, что считает его ненадежным⁶. Группу *Истр* (стр. 111—115) Розвадовский разбирает вместе с *Изар*, *Изана*, вне связи со всеми многочисленными водными названиями, содержащими корень *-стр-*, который, как это ни странно, не рассмотрели исследователи (кроме А. И. Соболевского) в многочисленных славянских, балтийских, германских названиях со значением быстроты, острия или крутизны. Ошибочно отнесение названия р. *Неропля* к группе *Опава*, куда оно якобы, «само напрашивается» (стр. 9), — для этого его пришлось произвольно и бездоказательно расчленить на *Нер-опля*, в то время как имеется тихвинская *Рапля*. Немалочисленны этимологические коррективы, сделанные в рецензиях⁷.

Слабая сторона исследований Розвадовского не в этих частных недостатках, а в невнимании к словообразованию, дающему пока самый обильный и самый надежный материал в отличие от анализа сходных корней. Книга Розвадовского ценна скорее как итог пройденного топонимикой этапа, нежели как открытие новых путей. Современная топонимическая мысль идет по иному руслу.

* * *

Тоненькая книжка В. Ташицкого⁸ — незаурядное событие в топонимике, и не только в славянской. Хотя ее тема (классификация славянских названий) на первый взгляд узка и как будто ограничена «домашними» заботами топонимики, но не случайно она вызвала такую широкую и жаркую дискуссию, как ни одна из топонимических работ нашего века.

Над разрешением трудной задачи классификации названий тщетно бились крупнейшие слависты прошлого, не решились ее и специалисты по не славянской топонимике: подлинная классификация — не механическая сортировка по ящикам, а вскрытие системы закономерностей. Длинный ряд классификационных проектов, открываемый славными именами Ф. Палацкого и Ф. Миклошича, принес за столетие несколько блестящих догадок, еще больше горьких неудач и ... ни одной удовлетворяющей классификации. Работа В. Ташицкого ценна прежде всего «расчисткой поля», обстоятельным критическим разбором предшествовавших схем. Он объективно взвешивает вклад каждого исследователя наряду с его ошибками как ступени научного восхождения. Десятки страниц разбора служат необходимым вступлением к схеме, предлагаемой самим Ташицким. Она касается, к сожалению, только названий населенных пунктов: вся гидронимия и оронимия не дождались еще своего классификатора, как осталась вне поля зрения вся необъятная микротопонимия.

⁶ M. Vasmer. Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie. «Rocznik Slawistyczny», IV, 1913, стр. 172—214.

⁷ См. рецензию E. Dickenmann'a в «Beiträge zur Namenforschung», 1. Heidelberg, 1949.

⁸ W. Taszycki. Słowianskie nazwy miejscowe. Kraków, 1946, стр. 64.

Ташицкий вводит плодотворное разделение топонимов на два основных класса, отделяя названия, которые первоначально означали не сам пункт как таковой, а его жителей (типа наших *Сокольники*, *Барановичи*). Оба класса он делит на группы: А, 1 — топографические, 2 — культурные, 3 — притяжательные, 4 — уменьшительные. Б, 1 — этнические, 2 — патронимические, 3 — профессиональные, 4 — родовые. Не ограничиваясь этими рубриками, он различает и дальнейшие подразделения. В каждой группе рассмотрены выражающие ее языковые средства, например суффиксы, служащие для названия по занятиям, и т. д. В этом — второе достоинство работы. В ней формальный анализ связан с реальным, общественным содержанием названия⁹. Но еще важнее третье: Ташицкий показал, что одна и та же грамматическая форма имеет различные значения. И до этого внимательный исследователь замечал, что *-ичи* суффикс не только патронимический, но и «топографический» (*дреговичи* от *дрегва* 'болото'), но очевидный факт не всегда легко получает научное признание. Ташицкий ввел в науку важное положение о неоднозначности топонимических суффиксов¹⁰ и закрепил его в своей сводной работе.

В. Ташицкий сделал важный шаг от поверхностных и ложных классификаций, подменявших раскрытие подлинных закономерностей группировкой по внешним (порой мнимым) признакам или просто распределением по случайным, в беспорядке расположенным полочкам («от растений», «от личных имен», «от событий», «из других языков»). Но он остановился на полпути и хотя продвинул вперед разработку научной топонимической классификации, однако еще далеко не решил этой сложнейшей задачи. «Предварительность» своего построения автор видит сам (см. стр. 53).

Из возражений, не затерявшихся в хоре хвалебных рецензий, самое сильное принадлежит Я. Станиславу (Словакия), настойчиво борющемуся за социальное содержание топонимики. Он верно указывает, что классы названий не возникли случайно; они исторически обусловлены. Именно историчность в классификации Ташицкого (не говоря уж о предшественниках) «мало учтена или оставлена без внимания»¹¹.

Для того чтобы выработать классификацию, проникнутую историзмом, потребуются немалые коллективные усилия славянских топонимистов. Пока же остается пользоваться лучшей из предложенных, в том числе и у нас: так, она положена в основу кандидатской диссертации А. И. Лебедевой¹². Поэтому насущно необходимо уже сейчас внести в схему Ташицкого существенные коррективы.

Коренную перестройку ее предлагает Я. Отрембский¹³, выдвигая первым и решающим различительным признаком вопрос, содержится ли в названии отношение человека к объекту. При всей убедительности

⁹ Попытку классифицировать названия по значениям суффиксов (*-sk-* — топографические, *-ow-* — от личных имен) см. А. Brückner. *Nazwy topograficzne*. «Encyklopedia staropolska», II. Warszawa, 1939, стр. 4—10.

¹⁰ W. Taszucki. *Patronimiczne nazwy miejscowe na Mazowszu*. Krakow, 1951 (первоначально в отчетах Польской Академии наук за 1946 и 1948 гг.).

¹¹ Jan Stanislav. *Zo slovenského sociálneho miestopisu*. «Jazykovedný zborník», V. Bratislava, 1951, стр. 61.

¹² А. И. Лебедева. Топонимика Псковской области. Л., 1952, стр. 46 (автореф.); ее же. Словообразование в псковской топонимике. «Ученые зап. ЛГУ», № 198, 1956, стр. 10—50.

¹³ См. статью Я. Отрембского в «*Slavia occidentalis*», XVIII, 1947, стр. 481—487.

его возражения устанавливаемые им шесть групп не более удовлетворительны. В них не нашлось места всей массе названий идеологических («посвящения»). Напротив, П. Зволинский¹⁴ берет за основу схему Ташицкого, внося в нее многочисленные поправки преимущественно логического порядка (стройность соподчинения) и дополнив некоторые подразделения. Важно его замечание о составных названиях.

Не столь круты изменения, предлагаемые в рецензии Я. Свободы¹⁵, справедливо отмечающего, что Ташицкий опрометчиво употребляет термины не в их обычном значении, а это может привести к путанице (действительно, «этнические», «культурные» имеют у Ташицкого совсем иной, не общепринятый смысл).

Он же оспаривает отнесение ряда названий в ту или иную группу, указывает, что топонимические значения некоторых суффиксов сложнее и разнообразней, чем показал Ташицкий, а также добавляет упущенную Ташицким форму единственного числа в родовых названиях (типа *Беранец* или не названные рецензентом и скудно изученные «далматские» названия на *-ичь*).

Многими отмечена неравномерность материала собранного В. Ташицким. Действительно, автор рассматривает сотни польских и чешских названий, но только два болгарских (*Богородица* и *Святой Илья*) и семь русских (в том числе *Мухомеды*, *Лукомеды*, *Жабомеды*), наименее характерных и только искажающих топонимическую картину России; ради них вовсе не стоило обращаться к карте России; Козоглов, Раколупов и тех же Жабомедов в любом количестве можно выписать из польских списков населенных мест. А исторически различные условия жизни, как и особенности каждого языка, создали большое своеобразие, не отраженное в схеме Ташицкого.

Не отмечено в рецензиях, что многие названия населенных пунктов были первоначально названиями рек и гор (без изменений), по сути аналогично классу «Б», выделенному Ташицким, и следовательно, придется обособить и их (дер. *Гора*, дер. *Черная речка*). Схема Ташицкого игнорирует также превращение нарицательных имен в собственные — один из главных процессов образования названий. Если его принцип идет «наискось», пересекаясь с другими, следовало отказаться от попыток классификации одноплоскостной, так сказать, планиметрической. Неудовлетворительна группа «культурных» названий, представляющая как раз то механическое смешение, против которого восстает Ташицкий, говоря о делениях первого порядка. Сюда свалены *Торговище*, *Двор*, *Хлебы*, *Одржиконь*, *Одрживол*, *Победна*, *Свентомарж*, *Душино* (по костелу, где молились за души жертвователей).

* * *

По замыслу, наиболее обобщающим должен быть доклад «Законы топонимики»¹⁶ одного из виднейших топонимистов, югославского ученого, акад. П. Скока (1881—1956) на IV международном топонимическом конгрессе 1952 г. в Упсале (Швеция). Его открывает ответственный

¹⁴ P. Zwołiński. Słowiańskie nazwy miejscowe Bułgarii. «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», 1950, № 8, стр. 495—498.

¹⁵ «Slavia», ročn. XIX, № 3—4. Praha, 1950, стр. 448—455.

¹⁶ P. Skok. Les lois toponomastiques. «4-me Congrès International de sciences onomastiques». Uppsala, 1954, стр. 495—504.

ное утверждение: «В топонимике, так же как в лингвистике, имеются некоторые положения общего порядка, которые можно сформулировать как законы».

П. Скок действительно указал на несколько положений, впрочем, немногочисленных. На первое место среди них он выдвинул тезис, что у главных рек Западной и Центральной Европы — имена доиндоевропейского происхождения, тогда как малые реки названы позже и объяснения им надо искать в современных диалектах. Это явление, не раз отмеченное и русскими исследователями еще в прошлом столетии, не вправе претендовать на силу первого закона топонимики. Оно все же только частный случай и само производно от закона более общего, ускользнувшего от П. Скока: различная для общества роль географических объектов разного вида (населенные пункты и реки, большие реки и малые и т. п.) обусловила различную судьбу их названий. Поэтому чаще названия именно больших рек принадлежат иному языку, но не всегда обязательно, будто первые пришельцы называли самые крупные реки, а кто опоздал, тому достались помельче. Порой соотношение иное, даже обратное (в стороне от великих путей уцелели названия более ранние).

П. Скок не смог проникнуть в сущность исторического процесса, поэтому вместо целостной системы, вскрывающей основные линии причинной зависимости, он предлагает лишь несколько разрозненных наблюдений, которые сами по себе очень интересны. Например, в качестве другого закона топонимики он выдвигает уменьшительность названий притоков: *Моза* и *Мозелла*, *Нертва* и *Нертвица* (наш читатель без труда умножит примеры: *Дон* и *Донец*, *Волга* и бесчисленные *воложки*). Пришлось бы установить очень много и иных подобных связей, но и множество их не возместит главного: в докладе П. Скока нет топонимических законов как системы.

Также фрагментарны его положения и о форме названий, например, верное замечание, что топонимы очень часто кристаллизовались в локативе. Но он не только не объяснил, но и не отметил, что это свойственно лишь ранней ступени называния. в топонимии же славянских народов последнего тысячелетия такие случаи — исключение, зато они по-прежнему многочисленны в микротопонимии (названия полевых участков, лугов, дорог и т. п.), но и там более употребительны иные косвенные падежи (*у млына*, *За ключом*).

Доклад П. Скока богат ценными данными по палеотопонимике Средиземноморья, но в общетеоретической части он, несмотря на наличие ряда верных и нужных положений, не стал основой, руководством для топонимических исследований.

* * *

Одно из самых важных, самых продуктивных применений топонимики — роль исторического источника. Чаще всего она служит исторической географии, а особенно — исторической этногеографии, очерчивая на карте языковые общности далекого прошлого. Неоценимы ее показания об эпохах, не оставивших письменных памятников. Конечно, функции вспомогательной исторической дисциплины топонимика может выполнять лишь оставаясь наукой языковедческой: названия приобретают ценность историческую именно как свидетельства языка.

Естественно, что топонимика в качестве исторического источника всего богаче представлена там, где славянство непосредственно соприкасалось с античным миром — на Балканском полуострове. Подлинный расцвет исторической топонимики переживает Болгария. Еще Г. И. Кацаров намечил использование географических названий как исторического источника¹⁷. Сегодня в топонимических исследованиях развернута уже широкая картина эгейской и фракийской глубокой древности.

В трудах акад. В. Георгиева¹⁸ получил смелую разработку догреческий и раннегреческий, особенно крито-минойский топонимический материал. Захватывающая перспектива его построений, выясняющих языковой и этнический генезис греков, славян и — шире — всей индоевропейской общности, в значительной мере опирается на топонимику. Можно не соглашаться с его концепцией в целом или в частности, но нельзя отрицать ее значения в развитии науки. Знакомство наших читателей с его работами в русских переводах¹⁹ позволяет не останавливаться на них с той подробностью, какую они заслуживают.

Превосходно собрание болгарской топонимии античного периода в четырех капитальных трудах. Коллективный труд, содержащий выборки из античных авторов о территории Фракии²⁰, — подарок не только для болгарского читателя. Первое издание (1915 г.) включало выдержки из 11 античных авторов, а новое — из 65, от Гомера до Проклоса (VI в. н. э.). Комментарии избегают этимологий, зато материал представлен с исключительной полнотой и сотни древних названий локализованы. (У нас работу этого типа некогда проделал В. И. Латышев по Кавказу и северному побережью Черного моря).

Лучший знаток исчезнувшего фракийского языка Д. Дечев реконструирует его в немалой степени с помощью топонимики²¹. Фракийскими он считает названия крупнейших рек Болгарии — *Марица*, *Янтра*, *Места* и др. Приведя многочисленные античные свидетельства, он восстанавливает наиболее раннюю форму. Не все при этом одинаково убедительно: например, если в названии *Искр* (стр. 267) признать гипотетический **Ускйус* от индоевропейской основы *ud* ('вода'), то почему рядом та же самая основа дала совершенно иной дериват — *Вит* (стр. 263)? Невозможного в этом переходе нет, но нет пока и той закономерности, которая гарантирует от произвола. В целом же впервые предстает картина фракийской топонимии, следы которой, надо полагать, отыщутся и в нашем Причерноморье.

¹⁷ Гаврил Кацаров. Географските имена като исторически извор. «Естествознание и география», VIII. № 5—6. София, 1924, стр. 179—182.

¹⁸ Вл. Георгиев. Принос към изследването на гръцката топонимия. «Годишник на Софийския университет», (ист.-фил. фак.), т. XIV, № 4. София, 1948, стр. 1—19; его же. Езикови данни за произхода на древното население от североизточната част на Балканския полуостров. «Сборник в чест на акад. Г. И. Кацаров», т. II. София, 1955, стр. 305—325; его же. Значение те на географските имена за въпросите на етногенезиса. «Български език», 1955, № 1, стр. 5—9; его же. L'origine du nom de Crète. «III Congrès International de toponymie et d'anthroponymie. Actes et mémoires», I. Louvain, 1951.

¹⁹ Вл. Георгиев. История эгейского мира во II тысячелетии до н. э. «Вестн. древн. истории», 1950; его же. Вопросы родства средиземноморских языков. «Вопросы языкознания», 1954, № 4, стр. 42—75; его же. Проблема возникновения индоевропейских языков. Там же, 1956, № 1, стр. 43—67.

²⁰ «Извори за старата история и география на Тракия и Македония». Сост. Г. И. Кацаров, Д. Дечев, В. Бешевлиев и др. София, 1949, стр. 487.

²¹ Д. Дечев. Тракийски названия на наши реки. «Известия на Института за български език», кн. III. София, 1954, стр. 267—283; его же. Характеристика на тракийския език. София, 1952, стр. 19.

Представитель следующего поколения болгарских специалистов по классической филологии В. Бешевлиев собрал и исследовал географические названия римской эпохи на территории Болгарии. Две его работы²² привлекают не только богатейшим материалом, но и тонким лингвистическим анализом, важным для интерпретации и исторических фактов, например его наблюдения над мужским и женским родом названий рек, устанавливающие различия между Северной и Южной Болгарией, или датировка на основе метатезы *ep/re* названия гор. *Преслав* несколькими столетиями раньше, чем считалось до сих пор. П. Делирадев в историческом плане рассмотрел параллельные названия в Бургасском и Старо-Планинском округах (например, 14 сменявшихся названий города *Стара Загора*) и попутно их этимологии, преимущественно народные²³. Приведа сообщение Геродота о том, что фракийцы носили много имен — каждое племя называлось по своей области, — П. Делирадев правильно отмечает также обратное: от племенного имени происходило название географического объекта (стр. 15).

В Польше для выяснения праистории славянских народов и языков широко применяет топонимику акад. Лер-Славинский²⁴.

Его труды (как и работы В. Георгиева) известны русским читателям, и это позволяет остановиться лишь на главном направлении его топонимических изысканий, оставляя в стороне даже этнонимию, в которой им сделано больше, чем кем-либо за эти годы (исследования племенных названий ободричей, хорватов и др.). Лингвистическим типам названий в Польше он находит параллели вне ее и заполненные ими ареалы накладывает на археологически установленные ареалы древних материальных культур. Например, названия определенного типа встречаются в верховьях Одры, где археология знает следы кельтов, и однородные названия открываются на исторически кельтской территории Роны и Рейна. Но они же есть и там, где кельтов не могло быть. Следовательно, они принадлежат носителям более ранней лужицкой культуры, потомки которых вошли в состав и кельтов, и иллирийцев, и славян.

При всей логичности таких построений топонимика привела крупнейших лингвистов к самым противоположным гипотезам о прародине славян. Акад. Т. Лер-Славинский помещает ее в Польше и Западной Украине, но точно так же топонимика указала М. Фасмеру славянскую прародину между Волынью и Доном, акад. А. А. Шахматову — у юго-восточного побережья Балтики, акад. А. И. Соболевскому — в северо-западной России. Опорочивает ли это топонимику? Споры величайших физиков о квантовой или волновой природе света не опорочили их точнейшей науки. Прав акад. В. Георгиев, говоря о сла-

²² Васил Бешевлиев. Античната топонимия у нас като исторически извор. «Известия на Института за български език» т. III. София, 1954, стр. 341—355; его же. Латинските местни имена в Мизия и Тракия. «Известия на Археол. Института БАН», т. XIX, ч. 2, 1955, стр. 279—303.

²³ Павел Делирадев. Принос към историческата география на Тракия. София, 1953, стр. 353.

²⁴ T. Lehr-Slawinski. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946, стр. 237; его же. Plemiona słowiańskie nad Łabą i Odrą w wiekach średnich. Katowice—Wrocław, 1947, стр. 303; его же. Zagadnienie pochodzenia Słowian w świetle nauki polskiej i rosyjskiej. «Światowit», XX, 1948, стр. 25—58; его же. Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich. «Rocznik sławistyczny», XVIII, 1950, № 1, стр. 1—40; его же. Powstanie, rozwój i rozpad wspólnoty prasłowiańskiej. В его кн.: «Rozprawy i szkice z dziejów kultury Słowian». Warszawa, 1954, стр. 49—93.

вянской прародине на основании топонимики: «Несомненно, что в нашей работе есть ряд гипотетических положений. Вообще при трактовке проблем такого характера гипотезы неизбежны»²⁵.

Следовательно, нужно определить, в чем слабость метода, приводящего Лер-Силавинского, как и его предшественников, к результатам, каждый раз совершенно иным. Прежде всего собранный материал далек от полноты. На огромных пространствах Восточной Европы выбраны названия, которые на первый взгляд легко объяснить, поэтому и получается на 96 индоевропейских гнезд всего полтора десятка угро-финских²⁶. Единственного названия от верхней Оки до средней Волги мало для утверждения об исконном преобладании индоевропейцев над финнами на русской равнине, а такой тезис на данных Я. Розвадовского и Т. Лер-Силавинского отстаивает историк К. Тыменецкий²⁷. Недостаточна и увязка с археологией. Несомненно, что только взаимное подтверждение истории, археологии, антропологии и языкознания придает их показаниям бесспорность. Но связь эту нельзя представлять упрощенно, как прямое тождество, будто определенной материальной культуре всегда соответствовал определенный язык в тех же самых территориальных границах. Лужицкую или иную культуру могли воспринять носители различных языков, и славянские языки могли распространяться в среде, различной по своей материальной культуре. Ареалы топонимические и археологические могут не совпадать. Наконец, топонимические ареалы не оставались неподвижными. Столетия размывали их, неузнаваемо изменяя названия, полностью стирая их с карты или перемещая на ней: ошибется исследователь, который из названия американского города *Мемфис* сделает вывод о миграции древних египтян за Атлантику. Далее, каждое десятилетие не только вносит новое в представление об археологических культурах, но и на глазах меняет их границы; наивно думать, что ныне известная карта археологических культур дает их окончательные и бесспорные ареалы; может быть, несовпадение археологических и топонимических ареалов порой отражает лишь неполноту археологических знаний. Кроме того, пока не бесспорна и сама техника лингвистической реконструкции древнейших форм, даже и на высоком уровне современных достижений сравнительно-исторического языкознания, так что палеолингвистические ареалы еще далеки от абсолютной достоверности. Учитывать эти ограничения необходимо не столько для того, чтобы уберечься от ошибок, сколько для того, чтобы направить усилия на устранение причин, вызывающих ошибки.

Если во многом спорны этногеографические черты Европы даже начала н. э., то что же сказать о публикуемых И. Сташевским картах²⁸, на которых, например, с категорической точностью изображены топонимические области Европы во II тысячелетии до н. э. Автор с такой уверенностью разграфил Европу без остатка на четкие клочки лигуров, иберов, балто-финнов и др., словно картографирует границы современных государств или, по крайней мере, физико-гео-

²⁵ В. И. Георгиев. Проблема возникновения индоевропейских языков. «Вопросы языкознания», 1956, № 1, стр. 62.

²⁶ T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian, стр. 87.

²⁷ К. Тыменецкий. Ziemia polskie w starożytności. Poznań, 1951, стр. 312—320.

²⁸ J. Staszewski. Klasyfikacja i systematyka nazewnictwa geograficznego. «Czasopismo geograficzne», XXV, № 3, 1954.

графических зон. Понятно его стремление как географа к отчетливым границам, но историк не всегда располагает для этого данными, тем менее — историк языка II тысячелетия до н. э. Для этого некоторые области совершенно недостаточно изучены (северо-восточная Европа), а иные не изучены вовсе (юго-восточная Европа). Даже там, где собран и обработан грандиозный топонимический материал, все же по столь отдаленной эпохе выводы из него пока проблематичны. Сегодня еще не так-то просто, скажем, провести черту иллиро-фракийского размежевания Балкан. Топонимика пока не настолько овладела датировкой своего материала. Да и границы языков были слишком подвижны, так что на карте даже в лучшем случае представлен некий весьма условный момент, а в действительности, когда лигуры занимали такую-то клеточку, границы распространения финнов были иными, чем они изображены на той же карте. Такое совмещение несовместимого и продемонстрировала топонимическая карта И. Сташевского по более поздней эпохе, контролируемой исторически: на ней показаны границы — славянские в VI в., норманские в X в., лигурские и кельтские — вообще «древние»; во всяком случае, лигурский топонимический ареал не моложе нашей эры. Перевороты в Европе между I и X вв. таковы, что ясна полная несопоставимость частей этой карты. Схема И. Сташевского — только интересная заявка, счет к топонимике, но никак не итог. Это наиболее смелая, но, увы, наименее достоверная часть крайне разнообразного содержания его топонимической статьи.

На более твердую почву вступает топонимика, переходя к нашему тысячелетию. С. Урбанчик топонимически устанавливает польско-чешскую средневековую границу²⁹, а П. Галяс — маленькую страничку истории южнопольского района³⁰. В Польше много историко-топонимических работ в районном масштабе, их удобнее рассмотреть в разделе, специально посвященном региональным исследованиям. В сфере изучения средневековья на первом месте — топонимисты Чехословакии. Сопоставив сходные названия в различных областях, они выясняют направления исторических миграций: заселение Чехии и Моравии в XI—XII вв. и вообще чешско-моравские топонимические параллели³¹, силезскую колонизацию Нитры на рубеже IX—X вв.³², топонимические следы чешских хорватов³³ и др. Словацкий историк Я. Шикур собрал богатый топонимический материал (впрочем, без лингвистического анализа) в своей «Топографической истории Турча»³⁴, а А. Кавульяк — по соседней Ораве³⁵.

Топонимику в качестве исторического источника очень разнообразно разрабатывают в разных частях Югославии³⁶. Данные топо-

²⁹ S. Urbaničzyk. Czesko-polska granica etniczna w średniowieczu w świetle nazw miejscowych. «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», I, 1946.

³⁰ P. Galas. Granice darowizny książęcej z r. 1262 w świetle nazw miejscowych. «Onomastica», rocz. II, 1956, стр. 137—154.

³¹ E. Borak. Bánov. «Vlastivědný věstník moravský», IV. Brno, 1949, стр. 1—24; Носаки. Dějiny Hustopečska do poloviny 14. století. Praha, 1948, стр. 107.

его же. Sekundární kolonizace v oblasti Chřibů. «Český lid», III, 1948, стр. 97—99.

³² J. Stanislav. Po stopach slezáků na Slovensku. «Adolfu Kellnerovi». Opava, 1954.

³³ M. Vach. Čestí Charvati. «Český časopis historický», L, № 2, 1947, стр. 129—152.

³⁴ J. Šikur. Miestopisne dejiny Turča. Bratislava, 1944.

³⁵ A. Kavuljak. Historický miestopis Oravy. Bratislava, 1955, стр. 314.

³⁶ J. Kelemina. Langobardski spomini pri Slovencih. «Slavistična revija», V, 1951, стр. 177—196; P. Škok. Postanak Splita. «Anali Historijskog instituta u

мики широко привлекает М. Будимир в обширном исследовании о языковых связях балканского славянства с догреческим языковым слоем³⁷. Центральное место занимает капитальный двухтомник акад. П. Скока по топонимике Адриатических островов³⁸. С 1913 г. накапливался его материал. Конечно, он не охватывает всех 30 тысяч названий, имеющих на островах, по его предположению. Его интересует почти лишь этническая стратиграфия — какому народу и какому времени принадлежит название. Он делит их на: 1) доримские (древнесредиземноморские, веиндоевропейские; греческие; иллирийские), 2) римские, 3) раннероманские, 4) славянские с VI в. и современные им романские. П. Скок последовательно изучает остров за островом; группировке посвящены немногие заключительные страницы. Такое построение не мешает, однако, выдвигать и общетеоретические положения (например, о метафорических названиях и пр.). Не все группы островов исследованы равномерно (полней и точней — Кварнеры). Сами этимологии, хотя рецензенты хвалят их автора за осторожность, не всегда убеждают: например, на о-ве Крк название залива *Огрул* сопоставлено с латин. *ager* 'поле', а страницей раньше название залива *Торкул* с латин. *torculum* 'изогнутый', вопреки их явно общему элементу. Это настораживает как механический подбор «похожих» слов по словарям, уже столько раз дискредитировавший топонимику. При этом не учтено итальянское название *Торкул* — мель перед Умагом у северо-западного побережья Истрии³⁹.

Выясняя топонимическое сходство и различие между островами и соседними участками побережья, П. Скок не отметил такого характерного явления: одни и те же суффиксы названий на островах и материке совершенно различны по употребительности. В названиях населенных мест на Кварнерах (особенно на о-ве Крк) ни один суффикс не в силах конкурировать с *-ic'* (*-ич*) в форме единственного числа, который на материковом побережье встречается в меньшинстве и притом — в названиях физико-географических объектов, а многочислен только в областях Динарских Альп. На островах Брач и Хвар многочисленны названия на *-ице* (причем источники дают для них не рассмотренную И. Скоком форму *-ица*, очень редкую во всем славянском мире). Конечно, *-ице* звучит и на Сплитском побережье, но в единичных случаях на сотни названий, а на Браче преобладает над любым другим суффиксом. Суффиксальные типы островных названий, как и горных, сохранили более ранние черты, вытесненные на побережьях материка. Учет этого внес бы изменения и в распределение островов на пять топонимических групп⁴⁰.

Dubrovniku», I, 1952, стр. 19—62; V. Putanes. Onomastički prinosi na temelju mletačke kronike. Там же, стр. 171—181; M. Senoа. Prilog poznavanju starich naziva našich otoka. «Geografski glasnik», XI—XII, Zagreb; M. Грбић. Прилог проучавану археолошке топономастије у Србији. «Јужнословенски филолог», XX, № 1—4. Београд, 1953—1954, стр. 379—390; Р. Марић. Студије из историје језика и старине. «Гласник Српске академије наука», 1. Београд, 1951, стр. 83—87; М. Марковић. Прилог топономастији средњевековне Македоније. «Историски часопис», III. Београд, 1952, стр. 253—255.

³⁷ М. Будимир. Pelasto-slavica. «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti», kn. 309. Zagreb, 1956 стр. 87—148.

³⁸ P. Skok. Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima, Zagreb, 1950, I, 271 s., II, 67 s. (указатели), 36 карт.

³⁹ «Топонимика Западне Јстре». Zagreb, 1956, карта 5.

⁴⁰ Кроме того, поправки и дополнения см.: Васо Томановић. Прилози топономастији јадранских отока. «Јужнословенски филолог», XX, № 1—4, стр. 405—420.

Его же полемическая статья по топонимике Воеводины⁴¹ сведена к отстаиванию первичности сербских названий перед венгерскими. Раздраженный тон ее не способствует научной объективности. Без привкуса такой запальчивости Я. Станислав доказывает, что дунайская низменность издавна до прихода венгров принадлежала только словакам, и отрицает обитание там болгар и словенцев⁴². Но и в этих случаях налицо пристрастность, вызвавшая волну возражений не только у южных славян⁴³, но и в Чехии⁴⁴, в Венгрии⁴⁵. Исторические границы между народами — не «архивная» тема, их веками использовали националисты для разжигания вражды, и нужно немало такта, чтобы их изучать, иначе легко придать спору направление, не способствующее взаимопониманию между народами.

* * *

Итак, подавляющее большинство топонимических исследований в историческом плане ограничено либо выяснением племенных и языковых границ прошлого, либо на этой основе проблемами этногенеза. Если добавить еще локализацию исторических названий, то это и составит весь круг приложения топонимики к истории. Слов нет, эти задачи очень важны, и именно тут топонимика всего красноречивей. Но ведь этим не исчерпывается ее роль как вспомогательной исторической дисциплины. «За флагом» остается главное в историческом процессе — его социальная суть. Дело, конечно, не в том, чтобы перечислить названия «по производственному признаку». Задача стоит в том, чтобы вскрыть законы исторических изменений.

Я. Станислав верно заметил, что «социальная топонимика еще в пеленках»⁴⁶. Он не только декларирует, что названия городов и сел каждого края — это «социально-историческая монография вкратце»⁴⁷, но и стремится наметить вехи топонимического развития⁴⁸. Несомненно (это отмечено и до него), что при родовом строе, не знающем частной собственности на землю, не могли появиться названия от личных имен с суффиксом принадлежности (посессивные), столь частые позже. Их возникновение и рост означают новую формацию в истории человечества.

В ряде работ Я. Станислав стремится проследить, как географические названия отображают распад родового строя у славян и становление феодализма. Однако здесь он делает ошибку, о которой нельзя не сказать. Полемизируя с Э. Моором, рассматривающим бессуффиксные названия от личных имен как специфически венгерские образова-

⁴¹ Петар Скок. Топономастика Војводине. «Зборник матице српске», серия друштвених наук, II. Нови Сад, 1951, стр. 57—66.

⁴² J. Stanislav. Slovenský juh v stredoveku, I—III. Turč. Martin, 1948; его же. Stav toponimického štúdia na Slovensku. «Jazykovedný zborník», I—II, № 5—8, 1947, стр. 494—497.

⁴³ «Slavistična revija», II, № 3—4. Ljubljana, 1949, стр. 332—336 (F. Grivec).

⁴⁴ «Slavia», ročn. XX. Praha, 1951, стр. 442—454 (A. Dostál).

⁴⁵ «Studia slavica», I. Budapest, 1955 (J. Kniezsa).

⁴⁶ J. Stanislav. Zo slovenského sociálneho miestopisu. «Jazykovedný zborník». V. Bratislava, 1951, стр. 58.

⁴⁷ Его же. Stav toponimického štúdia na Slovensku. «Jazykovedný zborník I—II, № 5—8. Turč. Martin, 1947, стр. 494—497. (Доклад на II Международном топонимическом конгрессе. Париж, 1947).

⁴⁸ Его же. Osobne mena miestnymi nazvami. «Slovenská reč», XIII. Turč. Martin, 1947—1948, стр. 129—139; его же. Zo slovenskeho sociálneho miestopisu (см. выше).

ния, он сумел опереться на богатый словацкий материал и болгарские параллели (*Благуи — Благуици, Богдан — Богданци, Богомил — Богомилово*). Он видит в этом общеевропейский способ названия, свойственный вообще зачаточному периоду феодализма, разложению родового строя. Но в топонимии древней Руси этому пока не найдено широких аналогий (названия на *-мир* имели йотовый суффикс: *Владимирь* из *Владимиръ*, сам автор правильно отводит их). Так что всеобщность этого способа остается под сомнением. Ради доказательства своего тезиса Я. Станислав вербует названия, принадлежность которых к этому типу спорна. Он убежден, что *Буда* в названиях — личное имя. Многочисленные *буды* на восточноевропейской равнине, ареал которых простирается от Лабы до Волги, давно и обоснованно признаны нарицательным обозначением строений. Наше название *Будище* — северней Радомышля (Житомирская область) и близ Городни (Черниговская область) подтверждает это, суффикс *-ище* почти всегда прилагается только к нарицательным и чрезвычайно редко к именам личным. В том же значении строения и поныне основа *буда* живет в славянских языках. Я. Станислав не делает попытки опровергнуть это.

Еще серьезнее другое. Я. Станислав шипет о суффиксе *-jъ*: «Социальная функция этого суффикса выразительно феодальная, помещичья, собственно — дворянская»⁴⁹. Феодальный суффикс! Между тем суффиксы не классовы, а общенародны, хотя классы и накладывают на них свой отпечаток. К суффиксу *-ичи* Я. Станислав не столь строг, не настаивает на сословной принадлежности, но в «феодальности» обвиняет и его: «в именах на *-ici, -ovci, -inci* это отношение не столь выражено, но и они ясны. Они обозначают потомков лица или же людей, принадлежащих этому лицу»⁵⁰. А *Боровичи, Залужинцы* (за лугом), *днепровцы, дряговичи* (дрягва 'болото')? Мнимую патронимичность многих названий на *-ичи* давно уже разоблачил В. Ташицкий в специальном исследовании⁵¹. Я. Станислав допускает, что пережиточно тот же суффикс оставался продуктивен «еще пару столетий после распада родового строя». В нашей стране сотни названий с *-ичи* сопротивляются подобной датировке: потребовалось бы или отнести их к I тысячелетию, или передвинуть становление феодализма на несколько веков позже. Преобладая в Белоруссии, они заходят далеко на север и восток, их более 300 на Вятке; ни *Каковичи* в низовьях Северной Двины, ни балахнинские *Чумичи* немыслимо приблизить к родовому строю на дистанцию двух столетий. Наконец исследователь не учитывает последующих изменений, при которых *-ичи* появляются из смягчения *к*: смоленские *Садовичи*, дмитровские (северней Москвы) *Ведерничи*, т. е. из «цехового» суффикса *-ики*, который хорошо известен Я. Станиславу.

Топонимия социальна и, значит, в конечном счете обусловлена борьбой классов, но только в конечном счете. Зависимость эта вовсе не так примитивна. Сложность в том, что: 1) история общества отражается в топонимии не непосредственно, а преломляется сквозь внутренние законы языка, отсюда многообразие топонимических явлений (различных в различных языках), не выводимых прямо из клас-

⁴⁹ J. Stanislav. Zo slovenského sociálneho miestopisu, стр. 78.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ W. Gaszucki. Rzekomo patronimiczne nazwy miejscowe. «Język Polski», XXI, 1936, стр. 33—42.

совых отношений; 2) географические названия, как и язык в целом, обслуживают все общество, а не отдельные классы; ограниченно классовые черты жаргонны и только; 3) топонимический тип может пережить породившую его эпоху, сохраняя продуктивность (и не на «пару столетий»): мы и сегодня легко пользуемся мнимофеодальным суффиксом *-ицы, -евцы*.

К сожалению, жаркий спор, разгоревшийся вокруг работ Я. Станислава⁵², растекся по частностям, требовавшим немало разысканий, но не имевшим прямого отношения к проблеме (о месте погребения Климента и т. п.).

* * *

Теперь никто уже не оспаривает того мнения, что топонимика — отрасль лингвистики. Антинаучные попытки объявить ее географической дисциплиной похоронены навсегда. Название — слово и, как все слова языка, подчиняется законам языковым, а не географическим. Это подчеркивает и известный польский географ И. Сташевский, рассматривающий топонимику в географическом аспекте⁵³. Однако он непоследователен и тотчас вслед за декларацией о «подведомственности» названий языкознанию соскальзывает к «географическому натурализму», усматривая в географических названиях непосредственное выражение отношений человека к земле. «Непосредственной» связи между географической средой и словом нет. Иначе почему ту же самую страну одни зовут *Deutschland*, другие — *Allemagne*, третьи — *Niemcy*, четвертые — *Германия* и т. д. Даже названия с «физико-географической» на первый взгляд основой, как *Залесье* или *Ключищи*, обусловлены определенным уровнем общественного развития; частые несколько веков назад, они почти непродуктивны сегодня, хотя остались ведь и леса и ключи. На одной исторической ступени-испанские мореплаватели именовали все подряд по католическим святцам, а двумя столетиями позже английские — по титулованным особам. Топонимика исторична.

Однако топонимика — не история производительных сил, производственных отношений или политических событий, а отражение их средствами языка по его нормам. И историческим свидетельством название становится именно только как факт языка. Ныне это общепризнано и сами историки настаивают на этом⁵⁴. Польский историк Ст. Арнольд в топонимической главе своей «Исторической географии Польши» предупреждает, что исследование географических названий нельзя проводить без языковеда и все попытки толкований их историками приводили к неудачам и бесполезному дилетантству⁵⁵.

Но у топонимики своя специфика, она не растворяется в языкознании, а образует внутри него своего рода автономную область, где общие законы языка преломляются своеобразно и возникают свои собственные закономерности, область, в свою очередь достаточно разветвленную.

⁵² «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské University», III, № 2, 1954, стр. 124 (A. Gregor); IV, № 3, 1955, стр. 108—111 (J. Stanislav).

⁵³ J. Staszewski. Kłasyfikacja i systematyka nazewnictwa geograficznego. «Czasopismo geograficzne». Warszawa—Wrocław, 1954, № 3, стр. 249.

⁵⁴ С. В. Веселовский. Топонимика на службе истории. «Исторические записки», № 17. М., 1945.

⁵⁵ St. Arnold. Geografia historyczna Polski. Warszawa, 1951, стр. 47.

К сожалению, у нас даже языковеды нередко по старинке представляют топонимику лишь в образе лексико-этимологических штудий. Исследования этого рода, конечно, сохраняют свое значение ныне и впредь, вооруженные тонким инструментом фонетического анализа, разработанного сравнительно-историческим языкознанием. Но в современной топонимической науке они — не единственные и не главные. Все чаще топонимические исследования обращаются к словообразованию, на которое за последние десятилетия и перемещен центр тяжести. Формируется раздел топонимической семантики.

На основе семантического, а не этимолого-фонетического гнездования построены выдающиеся исследования Фр. Безлая (Словения) о названиях, связанных с расчисткой лесов⁵⁶ или с водными впадинами⁵⁷, совершенно свободные от спекулятивистских измышлений школы Н. Я. Марра. Топонимисты прошлого искали параллелей среди слов, родственных по своей материальной ткани (прослеживая семью *д-н* в названиях *Дон*, *Дунай* и т. д.); Фр. Безлай не ограничивается этим, а выявляет параллели семантические, например различные обозначения мест, расчищенных от леса. За последние десятилетия появилась почти на всех языках обильная литература по топонимике раскорчевки (*défrichement*); немаловажен вклад в нее Фр. Безлая, собравшего названия с основами *жар*, *вел* (отсюда *Вольнь*), *сек*, *чрт* с многочисленными *Чертеж*⁵⁸ и др.

* * *

В Польше широко представлены превосходно разработанные топонимические монографии по специальным языковедческим темам. Чаще всего их предмет — та или иная словообразовательная модель. Это наиболее продуктивный путь, который стал магистралью современной топонимической науки, придя на смену господствовавшему в ней ранее кустарному «корнеискательству», открывавшему простор произволу досужих домыслов.

Естественно, что в славянских языках с их богатейшей суффиксацией в центре топонимического словообразования находятся именно суффиксы. Ареал того или иного суффикса неслучаен, он может много дать для истории и для истории языка; не менее красноречива сама их форма.

Еще предвоенные работы Ст. Роспонда (1931 г. о польских топонимических суффиксах *-sk*, *-sko* до XVI в., в 1937 г. — о южнославянских названиях на *-itj*) послужили образцом для целого ряда исследований подобного рода.

Для нас они представляют не только огромный общеметодологический интерес. Ведь форме *-ice*, распространение которой рассматривают польские топонимисты, соответствуют наши *-ичи*, часто встречающиеся особенно в Белорусском Полесье и смежных областях. Исто-

⁵⁶ F. Bezla j. Krčevine. «Slavistična revija», letn. VIII, № 1—2. Ljubljana, 1955, стр. 1—23.

⁵⁷ Е го же. Sinonima za pojem «locus fluminis profundior». Там же, letn. V—VII, 1954, стр. 125—143.

⁵⁸ Исследователю осталось неизвестным наше диалектное *чертеж* в значении 'лемех плуга' (ИОРЯС, т. 76, 1904, стр. 173; Д. Зеленин) и географические названия *Чертеж*, частые в Витебской и Великолуцкой областях. В Карпатах те же названия еще раньше заметил Эд. Штибер (см. его «Топонимистику Лемковщины», т. II, стр. 17). В Словакии: А. H a b o v š t i a k. K etymologii nazvov *Ciert'až*, *Crohliа*, *Čremoš*. «Jazykovedny sbornik», VIII, № 4. Bratislava, 1954, стр. 244—247.

рия суффикса *-ow* в центральной Польше, прослеженная в другом исследовании⁵⁹, не безразлична для нас: названия на *-ow* проходят через русскую историю с ее древнейших времен и в границах Московского государства XVI в. преобладают над всеми топонимическими суффиксами. Параллельность окончаний *-ow/-ew* прослежена В. Курашкевичем в старопольском языке и современных говорах⁶⁰.

Обстоятельное исследование Г. Сафаревич⁶¹ полностью посвящено названиям на *-щина* (*-щина*), ареал которых врезается в Польшу глубоким клином с северо-востока, располагаясь в основном на территории нашей страны. До нее топонимическую функцию суффикса *-щина* у нас отмечал В. В. Виноградов, впрочем, ограничивший ее названиями украинских областей — *Киевщина*, *Полтавщина*, *Черниговщина*, но давший широкий обзор примечения его вне топонимики⁶². Г. Сафаревич, поместив на карте наши *-щина*, определила их процент в назв. западных областях. Не каждому ясно, какого огромного и кропотливого труда потребовало это от исследовательницы, не располагавшей нашими списками населенных мест (изданными, впрочем, почти по всем губерниям, из западных — кроме Минской и Житомирской). Нельзя без уважения отнестись к такому труду, если данные, извлеченные ею по капле из скудного материала, почти совпадают с результатами проделанных у нас порайонных подсчетов на материале всех названий населенных пунктов Европейской части страны. Но этот успех ее ограничен только территорией, охваченной старым «Географическим словарем королевства Польского и других славянских земель». Ей остался полностью неизвестным необъятный топонимический материал наших глубинных областей, где названия на *-щина* немалочисленны (*Хованщина*, *Волховщина*, *Милославщина*), поучительны по значению и главное хорошо датируются. Характерно, что они: 1) чаще встречаются на бывших окраинах Московского государства (например, на Поволжье, на Вятке), чем в центре его; 2) нередко группируются на карте компактными гнездами или образуют целые массивы (6 названий с *-щина* — в верховьях Дона, ниже Епифани; 317 — в бывшей Вятской губернии, отдаленной от Польши); 3) преимущественно обозначают группу поселений, центральное село с окрестными деревнями — владения крупного магната. Это следы обширных латифундий XVI—XVII вв., в большинстве еще боярские, но частично и новой, посленетровской высшей знати. Исследовательнице, к сожалению, остались неизвестны и названия с *-щина* в самой противоположной части славянского мира, а так ценно было бы проследить, как попали *Айдовщина* и *Скаданщина* в альпийские долины Словении!

Целиком нашим названиям посвящена небольшая статья Л. Оссовского⁶³, открывшего в украинско-белорусском Полесье только там и встречающийся топонимический суффикс *-ича*, в котором он остроумно

⁵⁹ Witold Śmiech. Historia nazw miejscowych z przyrostkiem «ów» na terenie dawnego powiatu sieradzkiego. «Rozprawy komisji językowej», IV. Łódź, 1954, стр. 77—86;

⁶⁰ W. Kuraszkiewicz. Oboczność *-ew/-ow* w dawnej polszczyźnie i dzisiejszych gwarach. Wrocław, 1951.

⁶¹ Halina Saфаревичowa. Nazwy miejscowe typu Mroczkowizna, Klimontowszczyzna. Wrocław, 1956, стр. 352.

⁶² В. В. Виноградов. Современный русский язык, т. 2. М., 1938, стр. 83—84.

⁶³ L. Ossowski. Gwarowe białorusko-ukraińskie nazwy miejscowe na *-ica*. «Onomastica», rocz. I, 1955, стр. 117—120.

усматривает модификацию *-ища* (множественное число от нашего древнего *-ище*), ассимилированного массой окружающих *-ичи*.

Я. Сафаревич исчерпывающе исследовал литовский суффикс *-ишки* в географических названиях северо-восточной Польши⁶⁴. Нанеся на карту гмины, в которых *-ишки* составляют не меньше 4⁰/₀ названий, он получил изоглоссу, совпадающую с границей католицизма и православия. Это древняя государственная и этническая граница. Внутри ареала он устанавливает зоны: от 4 до 12⁰/₀ — где литовское население обитало в далеком прошлом или где литовский элемент был слишком слаб по сравнению со славянским, от 12 до 45⁰/₀, где литовский язык дожил до нашего века.

Суффиксу *-ани(-аны)* в топонимике посвящено два содержательных исследования. Эд. Штибер, выясняя значение этого суффикса, установил, что оно неоднородно, наряду с обозначением жителей по местности встречаются и принадлежностные⁶⁵. Подробней рассмотрел их Я. Спаль⁶⁶. Также отметив различное происхождение их, он насчитал более 200 таких названий в Чехии и Моравии, встречающихся и в древнейших памятниках с XI столетия, и раскрыл этимологии многих (отводя мнение Профоуса, будто их легко выводить из личных имен). Редакция чешского языковедческого журнала сопровождала эту публикацию возражениями В. Махека против некоторых предложенных Спалем этимологий. К сожалению, материал исследований Штибера и Спалья территориально ограничен. Не отмечена неравномерность этих названий даже в Польше. Мои подсчеты по указателям населенных мест Польши обнаружили, что этот тип встречается гораздо реже в центральной полосе Польши, чем, например, в северо-восточной и юго-западной, тяготея к границам Литвы и Чехословакии. Участие литовских *-ане* (нередких и у нас, вплоть до средней Оки) тут несомненно. Интересно, что в Югославии ареал *-ани* вытянут вдоль Динарской горной оси от Альп до Македонии (при *-ане* в Сербии); достаточно распространенный, он еще ни разу не стал предметом исследования⁶⁷.

Привести в систему итоги огромной исследовательской работы попытался Ст. Роспонд, разработавший свою схему грамматической классификации славянских названий⁶⁸. Как и у Ташицкого, у него рассмотрены предшествовавшие классификационные схемы, удачно показаны трудности и противоречия, неизбежно возникающие на этом пути.

В предлагаемой схеме все названия разделены на три раздела: I. Непроизводные. II. Вторичные, образованные аффиксами или иными грамматическими средствами. III. Составные. Внутри них — подразделы, в свою очередь делящиеся на группы. Например, раздел II со-

⁶⁴ J. Safarewicz. Litewskie nazwy miejscowe na *-iszki*. «Onomastica», rocz. II, 1956, стр. 15—63. Первоначально (реферат и карта): «Rozmieszczenie nazw na *-iszki* na pograniczu słowiańsko-litewskim». «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności», XLVIII, № 2. Kraków, 1948, стр. 45—46.

⁶⁵ Эд. Штибер. Niektóre niezauważone typy słowiańskich nazw miejscowych. «Sprawozd. Łódzkiego Towarzystwa Naukowego», 1947, № 2, стр. 27—28.

⁶⁶ J. Spal. K výkladu místních jmen na *-any*. «Naše řeč», XXVIII, № 9—10. Praha, 1955, стр. 274—280.

⁶⁷ Об *-ане*, кроме того (на территории западнее Лабы), см.: R. Fischer. Probleme der Namenforschung an Orts- und Flurnamen im westlichen Böhmen und in seiner Nachbarschaft. Leipzig, 1952, стр. 13 и др.

⁶⁸ St. Rospond. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957, стр. 75.

стоит из 1) суффиксальных, 2) префиксальных, 3) суффиксально-префиксальных, 4) акцентуальных, 5) флексийных. Пример дальнейшего деления — тип II, 1 с десятью группами, среди которых а) с суффиксами -ъ, -а, б) «йотовым» суффиксом и т. д. Отдельно рассмотрены названия-гибриды, кальки и пр.

В книге немало ценных наблюдений и замечаний. Но многое неприемлемо. Совпадения внешних (часто мнимых) признаков заслонили от исследователя действительность. Он не различает названий *Река* и *Белая*, объединяя их в одной рубрике. Названия на -ичи оказались в типе II, 1, а *Подгоряны* не с ними, а с *Замост* в II, 3, с. Еще хуже с названиями составными. В группу *Белград*, *Суходол* попал *Красноармейск* на том основании, что там и тут первый член — прилагательное. Но это и грамматически совершенно противоположные образования! Если сформулировать грамматическую структуру топонима *Белград* как Б + А, то *Красноармейск* будет (Б + б) с подразумевающимся А; тут оба члена — одно прилагательное, здесь двусоставно не название, а слово, ставшее его основой (*красноармейский*). В разделе III, 1 перемешаны *Троеглава* и *Первомайск*, так как школьно-грамматический разбор обнаружил в том и другом числительные. Сам Роспонд не выдерживает схоластической схемы и выделяет в «йотовых» названия собирательные (*Буковье*). Он понимает, что о дер. *Горка* можно сказать «это — горка», но о дер. *Волк* нельзя сказать «это — волк» (стр. 39), и все же объединяет их вместе, хотя его остроумный пример разоблачает обманчивую «непроизводность» таких названий, как *Волк*, *Бобр*, *Остр* и пр.

Подобное распределение по внешним признакам затемняет подлинное образование названий. Оно и грамматически ложно, так как опирается на кажущееся, мнимое, формальное сходство. По сути дела это переносит в словообразование ошибки топонимических построений, основанных на случайных фонетических совпадениях.

Досадны в работе такого ученого и оплошности вроде истолкования названия *Холуй* от ... прозвища. Этот топоним, не раз встречающийся у нас, не имеет ничего общего с *холуем* в современном значении: это — диалектное слово *хблуй*, означавшее «коряга в реке, песчаный нанос». В окончаниях -поль Роспонд не учитывает смешения двух совершенно различных элементов -поле (Концеполь) и -поль (Севастополь).

Специальных работ аналогичного типа в других славянских странах почти нет. В Болгарии едва коснулся суффиксов И. Дуриданов в своем топонимическом исследовании по Ломской околии⁶⁹. Верно заметив, что «специально топонимических» суффиксов не существует, а есть обычные суффиксы, развившие топонимическое значение, он не менее справедливо констатирует, что «к сожалению, большинство славянских грамматик при рассмотрении суффиксов не принимает во внимание характерные топонимические образования»⁷⁰. До сих пор по суффиксам болгарских географических названий нет ничего, кроме польской работы П. Зволинского⁷¹, противопоставленной методологическому направлению крупнейшего в недавнем прошлом болгарского топонимиста Вл. Младенова,

⁶⁹ И. Дуриданов. Местните названия от Ломско. София, 1952.

⁷⁰ Отрадное исключение — чешская грамматика акад. Ф. Травничка: F. Trávníček. Mluvnické spisovné češtiny, č. I. Praha, 1951, стр. 301—305.

⁷¹ R. Zwoliński. Słowiańskie nazwy miejscowe Bułgarii. «Spruwozдания Polskiej Akademii Umiejętności», 1950, № 8, стр. 495—498.

за корнями не видевшего суффиксов. Младенов все названия *Шумата*, *Шумана*, *Шумен* и т. п. связывал с растительностью; П. Зволинский анализом суффиксов доказал сложность связей и ошибочность такой непосредственной этимологизации.

Еще меньше в этом направлении сделано топонимистами Югославии. Фр. Безлай с грустью заметил, что если бы не поляк Роспанд, югославская топонимика не имела бы ни одного исследования по суффиксам. Второе такое исследование так и не появилось.

Проблемы топонимического словообразования специфичны для каждой группы языков и внутри ее, даже внутри одного языка. Поэтому никто не решит их за нас. Сколько тайн из истории славян и славянских языков раскроют межславянские топонимические суффиксы, какие загадки таят суффиксы узко местные!

В Польше по этой части также далеко не все приведено в известность. Зд. Штибер, собрав географические названия в Карпатах, признал, что центральные области Польши оказались хуже изучены топонимически, чем приграничные. Его исследование подтвердило этот тезис довольно неожиданным образом. Зд. Штибер заметил, что «каждая новая партия исследованного топонимического материала добавляет новые факты», и сообщил об открытом им в Карпатах неизвестном типе названий с суффиксом *-ка* в значении принадлежности от личного имени⁷². У нас с суффиксом *-ка* образуется большинство названий южнее линии Могилев — Тула — Казань. В огромной полосе от Карпат до Урала, включающей Украину, центрально-черноземные области и Среднее Поволжье, названий на *-ка* десятки тысяч, в том числе и посессивного происхождения. Крыло этого ареала через Волинь захлестывает Польшу, и польские топонимисты, занявшись Жешувским воеводством, убедились бы, как многочисленны у них названия на *-ка* в посесситивном значении от личных имен. Названия этого типа они найдут у себя и в центральных областях: *Катринка* в Белостокском воеводстве, *Богданка* в Люблинском, *Якувка* и *Маркувка* в Краковском, *Филиповка* в Ольштинском, *Софийовка* и *Софийка* в Варшавском и т. д.

Конечно, суффиксы — не единственное средство словообразования. Чрезвычайно интересен тип бессуффиксных названий от нарицательных названий с пространственными приставками — *Подгора*, *Замост* и т. п. Их собрал и рассмотрел в своей замечательной монографии М. Карась⁷³. Он отграничил их от суффиксальных образований (типа *Замостье*), установил появление их с древнейших времен во всех славянских языках, но появление неравномерное (максимум — в польском, белорусском, украинском). Особенно ценна заключительная часть, содержащая целый ряд теоретических выводов (например, о процессе субстантивации предложных форм).

Однако справедливы возражения, выдвинутые в обстоятельной рецензии П. Смочинского⁷⁴, отводящего из этой группы некоторые названия иного происхождения (этнические или от суффикса *ек*, как *Нагорки* и пр.). Его основной упрек — узость материала, не содержащего данных говоров, микротопонимики и архивных данных. К этому надо добавить, что М. Карась напрасно дважды подчеркивает, что

⁷² Zd. Stieber. Toponomastyka Lemkowszczyzny, I. Łódź, 1948, стр. 71.

⁷³ M. Karas. Nazwy miejscowe typu *Podgóra, Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955, стр. 145.

⁷⁴ «Język Polski», XXXVI, № 3, 1956, стр. 228—235.

в русском языке этот тип словообразования совсем беден. Искусственные примеры *подпункт* и *запазуха* убеждают, что автору недостаточно знаком наш материал. Он богат вне топонимии. Топонимы этого типа, многочисленные в центрально-черноземных областях (*Подлес, Застепь, Подроша, Заплях, Заольхи* и проч.), захватывают Тульскую область (дер. *Подлес* в Каменском р-не) и даже Среднее Поволжье (дер. *Подгоры* близ Самарской Луки), встречаются за Уралом (Тюменск. обл.).

Составные названия избрал предметом своего исследования П. Зволинский⁷⁵. Это было бы весьма своевременно, если бы он не сводил все к единственному вопросу: на какой полочке разместить их в некоей универсальной классификации? Действительно, при классификации до сих пор их либо пропускали, либо дважды рассматривали в разных группах, либо рассекали и учитывали лишь один из членов. По догматичное предложение Зволинского — брать в основу всегда нарицательный член — так же верно для одних случаев как ошибочно для других. Все зависит от задачи, поставленной перед классификатором. К тому же составные названия не однородны: что общего между такими, как *Белый Ключ, Сан-Франциско, Орехово-Зуево, Ростов-на-Дону*? Это совершенно различные типы по образованию и структуре. Тут действительно возникает немало трудных вопросов, не только не решенных, но и никем еще не поставленных. В. Бланар свел названия-словосочетания к грамматическим группам⁷⁶ и, не ограничиваясь формальными признаками, наметил происхождение и значение каждой группы, но теоретическое содержание явления осталось неисследованным и у него, а тематическое ограничение (словацкие названия в Венгрии) и не побуждало к этому.

Многих исследователей привлекают названия в форме множественного числа: специально их, особенно на балканском материале, исследовал П. Скок⁷⁷ в сборнике, посвященном его учителю, крупнейшему топонимисту современности А. Доза (1877—1955), которого Скок пережил всего лишь на несколько месяцев. Интересны наблюдения, показывающие, как названия в Боснии и Герцеговине утрачивают форму множественности вблизи железных дорог, но сохраняют ее вдали от них⁷⁸. Несмотря на узкоморфологический характер, ценны сведения о диалектных различиях склонения местных названий в форме множественного числа на материале разговорного словацкого языка⁷⁹.

Здесь перечислена лишь небольшая часть грамматических проблем, специфически преломляемых в топонимике⁸⁰. Нельзя не видеть их огромного научного значения. Тем важнее сказать и о некоторых пробелах: в славянской топонимической науке еще нет специальных работ о грамматическом роде названий, о формировании их из косвенных падежей, даже о субстантивации; а между тем именно в области то-

⁷⁵ P. Z w o l i ń s k i. Słowianskie nazwy miejscowe Bułgarii. «Sprawozdania PAU», 1950, № 8, стр. 495—498.

⁷⁶ Vincent B l a n á r. Príspevok ku štúdiu slovenských osobných a pomiestych mien v Maďarsku. Bratislava, 1950, стр. 140.

⁷⁷ P. S k o k. Remarques sur le pluriel de quelques toponymes et de quelques noms communs. «Mélanges de linguistique offerts a A. Dauzat». Paris, 1951, стр. 299—305.

⁷⁸ A. N a m e t a k. Gublenje pluralnih oblika u nazivima mjesta. «Jezik», IV, № 4. agreb, 1955—1956, стр. 113—115.

⁷⁹ E. P a u l i n y. Rod pomnožných miestnych mien v spisovnej slovenčine. «Studie a práce lingvistické», I. Praha, 1954, стр. 154—161.

⁸⁰ О некоторых из них см.: P. S k o k. O pridjevskim izvedencima. «Pitanja savremenog književnog jezika», III, № 1. Sarajevo, 1951, стр. 12—27.

понимических названий в массовом порядке и буквально на глазах субстантивируются прилагательные, предложные словосочетания и даже глаголы (последнее нечасто в славянских языках, но десятки таких случаев должны были привлечь внимание исследователя).

Для исторической диалектологии представляет огромный интерес замечательное исследование форм названий на крайнем юге польского Ополя, выполненное К. Дейна⁸¹.

Что дает топонимический материал для исторической фонетики, показали чехословацкие ученые. В современном чешском языке уже не слышится диалектное *vuda* (вместо *вода*), но памятники XIV—XV вв. доносят эту черту. Местные названия с ней позволили С. Утешеному локализовать это явление⁸². Так был восстановлен диалект северо-восточной Чехии пятнадцатой давности. В другой работе⁸³ он воссоздал фронт протетического *v*. И. Панкевич прослеживает в топонимике Трансильвании два *z* — взрывное болгарское и фрикативное украинское, как следы древнего размещения славянских племен⁸⁴. В Болгарии местные названия для выяснения фонетических особенностей диалектов использовал С. Стойков⁸⁵.

Для славянских стран особая и огромная проблема — своего рода топонимический «суперстрат». Большинство зарубежных славянских названий в средневековых документах записано по латыни. Возникают вопросы, каковы закономерности их передачи — кальки полные или частичные, фонетические подмены и пр.; без решения этих вопросов нельзя восстановить исходных форм.

Латинизации славянских географических названий посвящено много работ, на балканской почве их объединил С. Липев⁸⁶, на восточно-европейской — С. Котарский⁸⁷.

Последующие иноязычные вторжения оставили в славянской топонимии еще более тяжелые следы.

Поистине грандиозную работу проделали ученые Польши, восстанавливая польские названия на возвращенных землях. Польские названия восстанавливались в какой-то мере стихийно — по необходимости их начали устанавливать (и не всегда удачно) местные административные органы, дирекции дорог и другие организации. Т. Милевский называет этот период хаотичным⁸⁸. Он приводит некоторые неуклюжие плоды топонимического творчества железнодорожной администрации, не подозревавшей, «что географическое название имеет внутренний смысл и свою форму». В то время Польская Академия наук создала

⁸¹ K. De j n a. Urzędowe i gwarowe postaci nazw miejscowych w okolicy Głubczyc i Raciborza. «Rozprawy komisji językowej», II. Łódź, 1955, стр. 119—158.

⁸² S. Utěšený. Poznámky k dnešní situaci české historické dialektologie. «Slovo a slovesnost». Praha, 1955, № 3, стр. 151.

⁸³ Его же. Stará nářeční podoba *vůda* u osadních jmen v severovýchodních Čechách. «Naše řeč», XXXVIII, № 9—10, 1955, стр. 257—261.

⁸⁴ Иван Панкевич. Українсько-болгарські мовні зв'язки в Семигороді. «Slavia», 1955, № 2—3, стр. 241—240.

⁸⁵ С. Стойков. Ятовият изговор в лични и географски имена. «Език и литература», I, № 1. София, 1946, стр. 48—52.

⁸⁶ С. Липев. Особенности в предаването на български, славянски, фраккийски, византийски и др. имена на лица, селища и племена в латинските извори за българската история. «Известия на Института за български език», III. София, 1954, стр. 315—340.

⁸⁷ S. K o t a r s k i. Słownik zlatynizowanych nazw miejscowych. Warszawa, 1955, стр. 127.

⁸⁸ T. M i l e w s k i. Nazwy miejscowe ziem odzyskanych. «Poradnik językowy», 1952, № 10, стр. 24—37.

специальную комиссию по топонимике Силезии (под руководством В. Ташицкого), а в 1946 г. правительство образовало государственную комиссию по установлению географических названий в составе языковедов К. Питша, В. Ташицкого, М. Рудницкого, возглавленную географом Ст. Сроковским (ум. в 1950 г.) с участием специалистов-экспертов и представителей министерств. Она опиралась на местные комиссии, в которых с языковедами сотрудничали историки, географы, заинтересованные организации, само население. Так, например, название *Циганки* (местность в Гданьске) было прослежено по 21 документу с 1344 г. и подвергнуто пристальному разбору с точки зрения исторической фонетики⁸⁹. Встретились огромные трудности. Например, П. Зволинский, восстанавливавший родные названия в краю Мазурских озер, местами не мог найти ни одного жителя — всех их поголовно угнали или уничтожили гитлеровцы, отступавшие под ударами советских войск⁹⁰. Возникали и противоречия: историки предлагали старинную документальную форму, но за века язык изменился, и население предпочитало средневековой форме современное слово. В некоторых случаях объект не имел польского названия и комиссией переводили немецкое (*Лангеберг — Длугота*), иногда названия приходилось создавать заново, обычно их давало само население, но некоторые из названий предложили В. Ташицкий и М. Рудницкий.

Из 60 улиц и предместий Вроцлава у 37 восстановлены первоначальные польские названия, остальные не имели польских, поэтому 8 созданы заново, 15 переведены с немецкого и получили польскую грамматическую форму⁹¹. Эта работа заняла пять лет; основная масса названий установлена к 1947 г., но многочисленные дополнения продолжались до 1950 г. В результате правительством было утверждено 32 тысячи географических названий возвращенных областей. Перечень их, заменяющий многочисленные «экстренные» указатели, составил два капитальных тома⁹². Эта проблема встала и в Северной Чехии, особенно для микротопонимии. Ценны начавшие выходить областными выпусками перечни урочищных названий; вышли первые две книжки⁹³.

В Словакии государственную комиссию по установлению старинных словацких географических названий южнее Братиславы возглавили Я. Станислав и Б. Варшик⁹⁴. Комиссией было установлено несколько сотен названий, ставших официальными⁹⁵.

В Югославии топонимическая комиссия была создана при Адриатическом институте в 1949 г. с целью выявить и утвердить названия на Адриатическом Поморье. К 1955 г. ее картотека достигла 42 тысяч названий⁹⁶. Совместными силами нескольких научных учреждений были предприняты большие топонимические экспедиции. Превосходно из-

⁸⁹ St. Grabec. *Nazwy dzielnic i okolic Gdańska*. Poznań, 1949, стр. 52.

⁹⁰ P. Zwoliński. *Nazwy toni rybackich jeziora Sniardwy*. «Język Polski», 1954, № 4, стр. 286—304.

⁹¹ W. Taszycki. *Nazwy wrocławskich dzielnic i przedmieści*. Katowice, 1948.

⁹² St. Rospond. *Słownik nazw geograficznych Polski zachodniej i północnej*, I—II. Wrocław—Warszawa, 1951.

⁹³ «Hlavní pomístní nazvy kraje Libereckého». Praha, 1957, стр. 101; «Hlavní pomístní nazvy kraje Ústeckého». Praha, 1957, стр. 103.

⁹⁴ J. Sekuša. *Změny názvů obcí a osad na Slovensku*. «Sborník československé společnosti zeměpisné», 54, 1949, стр. 183—194.

⁹⁵ «Uradný vestník», 1948, 26 juna, č. 55, стр. 1276—1285.

⁹⁶ Bl. Jurišić. *Pregled rada na pomorskoj terminologiji i toponomastici*. 1949—1954 godine. «Ljetopis Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti», 60. Zagreb, 1955, стр. 341—352.

данный словарь Западной Истрии и прилегающих островов⁹⁷, исчерпывающе представляющий все бытующие формы названий до мельчайшего заливчика или банки, завершает восстановление подлинных имен на этих территориях.

Трудная и сложная работа по установлению большого количества географических названий была не свободна от ошибок. Жаркие споры возникали и при выборе того или иного названия, и по общим принципам, положенным в основу работ⁹⁸. Теоретическое изучение и оценка топонимических работ такого объема еще впереди. Опыт их во всех отношениях поучителен.

* * *

Многочисленны региональные топонимические работы. Они различны не только по уровню, но и по своему характеру.

Новейшая из них принадлежит К. Цирхоферу⁹⁹. В ней исследуется близкая к нам территория северо-восточной Польши на хорошем лингвистическом и историческом уровне.

Поднимается над описательностью и обстоятельное исследование А. Вольфа, которое также посвящено топонимии Мазовии¹⁰⁰. Автор находит характерные местные типы названий, и именно поэтому его работа имеет собственное лицо. Интерес ее далеко не узкоместный (см., например, таблицу параллельных патронимических, принадлежностных и родовых названий, стр. 105—116). Очень существенно уточнение понятия «продуктивность» (стр. 91—92), однако оно требует поправки, которая не учитывается до сих пор ни одним исследователем: максимальная густота употребительности того или иного типа названий в данной местности не доказывает его местного происхождения, очень часто он наиболее густ как раз не там, где сложился, а на пространстве последующей колонизации.

Одна из лучших региональных работ — составленный Эд. Штибером топонимический словарь Лемковщины (местность в бассейне Сана, Карпаты) на материале, собранном на месте и почерпнутом из документов¹⁰¹ (ч. 1 — названия населенных пунктов, ч. 2 — названия рек, гор, лугов, и пр.). Огромный материал позволяет судить о заселении края, о языковых особенностях. Перед нами — море украинских названий со слабыми румынской и польской струями и некоторыми венгерскими и словацкими элементами. Эд. Штибер выявляет характерные суффиксальные типы. Не ограничиваясь теоретическим анализом этимологий, он проверяет их документально и подчас обнаруживает неожиданные факты вопреки предположениям. Так, например, название *Тулиц* оказалось связанным вовсе не с личным именем *Тулик*, а с названием родины владельца дер. *Тулице*.

Далеко не все этимологии автора бесспорны (например, *Буда*, *Баланда* и др.). Иногда чувствуется недостаточное знакомство со срав-

⁹⁷ «Toponimika Zapadne Istre, Cresca i Lošinja». Zagreb, 1956, стр. 181.

⁹⁸ «Naše řeč», XXIX. Praha, 1945, стр. 76—79, 177—183; J. Otrębski. Uwagi o nazwach miejscowości ustalonych na Mazowszu. «Slavia occidentalis», XIX, 1948, стр. 342—360.

⁹⁹ K. Zierhoffer. Nazwy miejscowe północnego Mazowsza. Wrocław, 1957, стр. 418.

¹⁰⁰ Adam Wolf. Nazwy miejscowe na Mazowszu. «Onomastica», rocz. I, 1955, стр. 60—116.

¹⁰¹ Zd. Stieber. Toponomastyka Lemkowszczyzny, I. Łódź, 1948, стр. 78; II, 1949, стр. 115.

нительным материалом нашей страны: иначе автора не привело бы в смятение окончание названий *Явурши* и *На Явурши* (поле), это известно у нас *Яворище* с суффиксом *-ище*, т. е. место, где прежде росли яворы — белые клены (ср. *ржище*, *картофелище*).

Богатейший материал по Гуцульщине собрал и превосходно обработал Ст. Грабец¹⁰². Его работа исключительно важна для нас, так как целиком относится к территории нашей страны (юг Станиславской области УССР).

Другие региональные работы освещают какой-либо период местной истории, например старинной земли Хелминской или Ленчицкой¹⁰³, и содержат драгоценные свидетельства о прошлом народа и его языке.

Огромное количество региональных топонимических работ вышло в Чехословакии. Разработана топонимия тепинская, лиштовская, пльзенская, лоунская, кладненская и мн. др.¹⁰⁴

Имеются аналогичные работы в Югославии, например по районам побережья Далмации или горной Словении¹⁰⁵.

В большинстве этих работ использован обширный актовъй материал, устанавливающий варианты формы; привлечены параллели из других славянских земель; сделаны попытки лингвистически обосновать этимологию. Можно возразить против построения многих работ, разделяющих названия на группы «по животным», «по растениям» и т. д. Не говоря уже о принципиальной спорности такой классификации, этимология большей части названий пока ненадежна и не может служить основой для их классификации. Так, П. Раткош (топонимика Липтова) помещает р. *Сестра* в группу «от личных имен» (тогда как основа *-стр-* принадлежит сотням речных названий и множеству нарицательных, означающих 'течение, стремительность'), а *Бох* — в группу «от характера местности», т. е. 'бок', хотя и оговаривается, что этимология неясна. Мнимо «смысловое» деление названий в региональных работах теряет смысл и с неизбежностью порождает ошибки. Там, где нет возможности построить разбор всех названий в районе на основе исторически сменяющихся пластов, остается либо исходить из деления по языковым (например, словообразовательным) признакам, либо

¹⁰² St. Grabec. *Nazwy geograficzne Huculszczyzny*. Kraków, 1950.

¹⁰³ E. Szmanda. *Zagadnienia z historycznej toponomastyki ziemi chełmińskiej*. «Język Polski», 1954, № 4; M. Kamińska, A. Owczarek, H. Rosiecka. *Nazwy miejscowe dawnego województwa łeczyckiego w w. XVI*. «Rozprawy komisji językowej Łódz, tow. nauk», II. Łódź, стр. 193—200.

¹⁰⁴ Среди них интересны: V. Davídek. *O nazvech a jmenech Těšinska*. Opava, 1949, стр. 143; Peter Ratkoš. *Toponymia Liptova do konca XIII storočia*. «Jazykovedný zborník», I—II. Turč. Martin, 1946—1947, стр. 200—219; Jar. Spal. *Stáří místních jmen v plzeňském okrese*. «Život Plzeňska», V, 1954, стр. 102—103; J. Tvrzník. *Soupis místních jmen a pomístních názvů obec Lenešic užívaných a zaniklých a Louny*, 1946, стр. 76; S. Vorel. *Příspěvek k místopisným názvům v Kladsku*. «Sborník české společnosti zeměpisné», 51, 1946, стр. 7—15, 52; 1947, стр. 1—9; J. Honl. *Povšechný přehled místopisného názvosloví Kladska*. «Časopis společnosti přátel starožitnosti», 55, 1947, стр. 56—65; его же. *K názvosloví Středocheské vrchoviny*. «Naše vlast», 1955, № 3, стр. 181; B. Strnad. *Místopis severních svahů Radhoště a okolí*. «Naše Valašsko», 1949, № 12, стр. 162—165; L. Hosak. *Poznámky k místnímu názvosloví Moravy*. «Časopis společnosti přátel starožitnosti», 57, 1949, стр. 129—139; J. Vondráček. *Osídlení Pacovska*. «Jihočeský sborník historický», 18, 1949, стр. 20—25; A. Turek. *České pomístní názvy v poměčených obcích na Hranicku*. «Záhorská kronika», 27, 1949—1950, стр. 73—76.

¹⁰⁵ Bl. Jurišić. *Imena rtova i uvala v šibenskoj luci i njenoj okolici*. «Ljetopis Jugoslavenske Akademije znanosti i Umjetnosti», 59. Zagreb, 1954, стр. 178—187; H. Tuma. *K imenoslovju Stolove skupine*. «Gore in ljudje», II, 1947, стр. 157—164, 209—216, 260—265

отказаться от тематической разбивки материала как непригодной для этого рода работ: ведь эти работы фактически словарны, а подобные попытки сгруппировать материал только вносят путаницу, так как искусственно втискивают названия в сомнительные рубрики. Группировка — задача специальных работ; хорошо, если она сопровождается перечнем местных названий, но сплошную топонимическую инвентаризацию района все же целесообразнее строить просто по алфавиту или по административным подразделениям. Так и поступил И. Дуриданов в наиболее удачной из региональных топонимических работ Болгарии¹⁰⁶, выделив отдельно тематический обзор (как Эд. Штибер по Лемковщине и Ст. Грабец по Гудульщине). Его книга дает и материал, которым удобно пользоваться, и общее представление о топонимии Ломской околии, и, что всего важнее, при названиях рассматриваются различные гипотезы о их происхождении. В отличие от большинства топонимических работ, недопустимо скупых на карты, к книге приложено семь топонимических карт¹⁰⁷.

Многие региональные работы представляют собой механическое собрание отдельных названий, оказавшихся на одной территории. И в этом случае их уровень различен. Ян Станислав рассматривает три славянских названия близ Братиславы¹⁰⁸, но каждое из них позволяет ему поставить определенную проблему (например, *Оросвар* как след прихода руссов в дунайскую низменность вместе с венграми). Привлечение богатого актового материала, топонимических гнезд, окружающих эти названия, и всей предшествовавшей литературы делает исследование очень ценным.

К сожалению, топонимические работы районного разреза нечасто поднимают свой материал до обобщений и совсем редко выдвигают на местном материале новые научные проблемы. Это не упрек: из всех «жанров» топонимических исследований региональные — самые трудные, как правильно предостерегал молодых топонимистов А. Доза¹⁰⁹. Автор районного исследования не волен в выборе материала, он ограничен заданной территорией, здесь чуть ли не по каждому названию приходится производить историческое исследование. Ограничение территории нисколько не помогает, так как ключи к этому материалу почти всегда находятся далеко за границами района. Так, например, топонимиста Прикарпатья названия на *-овцы* уведут к Дунаю, на *-ка* — в Среднюю Россию, на *-эд* — за Татры и т. д. Едва ли найдется топонимический факт, который можно объяснить, наглухо замкнувшись в границах одного района¹¹⁰.

Очень велико значение региональных топонимических словарей, спасающих от забвения всю массу местных названий и вводящих ее в научный оборот. Монография в отличие от словаря требует сравнительного материала иных областей. Без этого невозможно установить связи и выявить специфически-местное; иначе неизбежно искажение перспектив, в лучшем случае получится ученическая регистрация фактов, т. е. тот же каталог, но рассыпанный в произвольном порядке

¹⁰⁶ И. Дуриданов. Указ. соч.

¹⁰⁷ Обстоятельный разбор книги И. Дуриданова дан М. Карасем в «*Onomastica*», *rocz.* II, 1956, стр. 165—171.

¹⁰⁸ J. Stanislav. *Nazvy pririeknutých obci pri Bratislave*. «*Slovenská reč*», XII. Turč. Martin, 1946—1947, стр. 242—250.

¹⁰⁹ A. Dauzat. *La toponymie française*. Paris, 1946, (2 édit.), стр. 38.

¹¹⁰ Об этом см. В. А. Никонов. *Областные работы по топонимике*. «Вопросы языкознания», 1956, № 1.

и, следовательно, непригодный к употреблению. Региональное, топонимическое исследование — синтетично, оно осуществимо только на основе многих предшествующих разысканий по частным проблемам.

* *
*

В Польше, Чехословакии, Югославии вышло очень много работ об отдельных названиях.

Н. И. Надеждин, один из зачинателей русской топонимической науки, предостерегал от изучения одиночных названий, требуя сплошного чтения карты, в котором видел гарантию против произвольных построений. Но дело не в теме, а в методе. Можно ведь и всеобщую инвентаризацию превратить в хаотическую россыпь не связанных друг с другом названий (как и случается с некоторыми мниморегиональными работами). И можно, наоборот, взять одно название, связать его с массой окружающих, а обильные параллели опереть на строгие языковые закономерности.

Только *Вавель* — тема статьи В. Ташицкого¹¹¹ и только *Сленза* — С. Роспонда¹¹², но так бережно прослежены истоки и с такой полнотой выяснены все производные, что скрупулезная точность сочетается с широтой кругозора.

Г. Улашин (1874—1956) в своей небольшой книжке¹¹³ рассматривает два названия: *Малопольша* и *Великопольша* как тип, раскрывая на их примере процесс образования топонимических пар. Больше того, он выводит общий закон «ситуационности» названия и мастерски демонстрирует его: «Если из Жолибожа, части Варшавы, едем в Университет или в театр, говорим «едем в город», а не «в Варшаву», если же едем в Краков или Познань, то называем город».

Никто, пожалуй, не потрудился в этом жанре столько, как старейший польский лингвист акад. К. Нитш. Многие его работы посвящены названиям *Варшава*, *Щецин*, *Мазуры*, *Иновроцлав*, *Вавель* и десяткам других. Многие из них составили 2-й том его избранных работ¹¹⁴; не успели войти туда его филигранные разыскания по топонимике Поморья¹¹⁵.

Вопрос о происхождении некоторых названий вызвал бурные дискуссии, например о словах *Прага*¹¹⁶ и *Щецин*¹¹⁷.

Не пытаюсь рассмотреть всю литературу об отдельных названиях, можно лишь перечислить некоторые работы, более примечательные

¹¹¹ W. Taszycki. Historia i znaczenie nazwy Wawel. «Onomastica», rocz. I, 1955, стр. 41—59.

¹¹² St. Rospond. Śleza i jej derywaty. «Onomastica», rocz. I, 1955, стр. 7—40.

¹¹³ H. Ułaszyn. Znaczenie nazw Wielkopolska, Małopolska. Łódź, 1950, стр. 40.

¹¹⁴ K. Nitsch. Wybor pism polonistycznych, II. Wrocław—Krakow, 1955.

¹¹⁵ Его же. O nazwach Pomorza i Prusy. «Język Polski», 1954, № 4, стр. 312—313; его же. Pogadanka o niektórych nazwach pomorskich. Там же, стр. 313—314.

¹¹⁶ «Sbornik pro hospodářské a sociální dějiny», II, 1947, стр. 60—68. (V. Vojtišek); «Časopis pro moderní filologii», XXXI, 1948, стр. 229 (Vl. Šmilauer).

¹¹⁷ «Slavia occidentalis», XVIII, 1947, стр. 291—304. (St. Rospond); «Przegląd Zachodni», VI, 1950, стр. 503—506; «Język Polski», XXX, 1950, стр. 185 (K. Nitsch.); там же, XXXII, 1952, стр. 91—92.

по методу или материалу, опубликованные в Польше¹¹⁸, Чехословакии¹¹⁹, Югославии¹²⁰ и Болгарии¹²¹.

Естественно, русского читателя интересуют исследования о наших названиях — *Кремль*, *Непрядва* и др.¹²²

Однако на этот раз нельзя согласиться с этимологиями В. Махека, которой выводит имя *Волга* из названия птицы *иволга*, а слово *кремль* из прилагательного *крепкий*.

Он приводит единичные примеры перехода русского *n* в *m*, что никогда не было закономерностью русского языка. На территории нашей страны слово *кремль* встречается многократно (также *Кромь*, которые привлекает В. Махек), и невозможно предположить, чтобы во всех

¹¹⁸ M. Rudnicki. Słupia, Słupa. «Onomastica», rocz. I, 1955, стр. 121—127; его же. Łaba i Odra. Там же, II, 1956, стр. 95—102; K. Zierhoffer. Ze studiów nad toponomastyką Mazowsza (Sierpc). «Język Polski», 1954, № 3, стр. 172—174; St. Hrabec. O nazwie Mazowsze. «Prace polonistyczne». Wrocław, 1955, стр. 5—20; его же. O nazwie miejscowej Zawichosti i podobnych nazwacj żartobliwych «Język Polski», XXVI, 1946, стр. 80—82; W. Taszucki. Nazwa miejscowa Żmigród, XXVII, 1947, стр. 135—139; Z. Stamirowska. Kociewie i inne nazwy grup językowo-terytorialnych na pierwotnym Pomorzu. «Język Polski», XXII, стр. 52—55, 80—86, 117—119.

¹¹⁹ V. Machek. Jmeno Olomouc. «Časopis Vlasteneckého spolku musejního v Olomouci», 59, 1950, стр. 12—17; V. Kust. Jmeno Plzeň. «Listy filologické», 74, № 2—3, Praha, 1950, стр. 105—108 (о названии *Plzeň* см. T. Lehr-Spřa wiński. По historyczne ugrupowania gwar czeskich. «Rocznik slawistyczny», XVII, № 1, Kraków, 1952, стр. 23—24); F. Kopečný. O záhadě jmena *Beskydy*. «Adolfu Kellnerovi». Opava, 1954, стр. 158—173; см. возражения: «Beiträge zur Namenforschung». Heidelberg, 1956, № 3, стр. 317—318 (E. Eichler); J. Stanislav. o slovenských miestnych názvoch. «Slovenská reč», XIII, 1947—1948, стр. 34—40, 92—97, 206—210; F. Svěrák. Výklad jmena Lhota Rapotina a tamních jmén pomístních. «Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi». Brno, 1948, стр. 377—381; L. Procházka. Novější výklady jmena Louny. «Lounský kraj», 1947, № 12, стр. 48—51; J. Svoboda. Příspěvky k studiu českých jmen osobních a místních. «Časopis pro moderní filologii», XXIX, Praha, 1945—1946, стр. 20—29; J. Plimaček. Příspěvky k slezskému místopisu a rodopisu. «Slezský sborník», 46, 1948, стр. 151—152; V. Polák. Doksy, Doksy, Doksany, Duchov. «Časopis pro moderní filologii», 33, 1950, стр. 145—146; J. Skutil. O českomoravských Vražích. «Český lid», IV, 1949, стр. 49—53; L. Hošak. Poznámky k místnímu názvosloví Moravy. «Časopis Společnosti přátel starožitnosti», 57, 1949, стр. 129—139; B. Horák. Dymokury. «Sborník české společnosti zeměpisné», 50, 1945, стр. 24—25.

¹²⁰ A. Беллић. Југославија и средње изведене речи. «Наш језик». Београд, 1952, № 9—10, стр. 287—290; P. Skok. Toponomastički problemi. Beograd, 1952, стр. 39. J. Kelemina. Tujke v slovenskih terenskih nazivih. «Slavistična revija», VIII, № 1—2, 1955, стр. 85—89; его же. Ljubljana. «Rasprave JAZU», V, 1950, стр. 96—108; Fr. Ramovš. Iz slovenske toponomastike. «Zgodovinski časopis». Ljubljana, 1952—1953, стр. 154—158; Jurišić. Starohrvatska imena dvaju naših otoka. «Rad Jugoslavenske Akademije znan. i umjetn». kn. 293. Zagreb, 1953, стр. 235—253; H. Barić. Jme reke Bojane. «Slavistična revija», III, 1950, стр. 356; Гл. Елезовић. О именима Шапца кроз векове. «Гласник Српске Академије наук», III, № 1. Београд, 1951, стр. 173—175; Н. Жупанић. Либуријско и истарско острво Cissa и значење овог географског имена. «Историски часопис», III. Београд, 1951—1952, стр. 233—248; Бл. Конески. Побоужда. «Македонски јазик». Скопје, 1951, № 9—10, стр. 217—221; Н. Томандл. Порекло насеља и назива Панчева. «Гласник Српске Академије наука», V, № 1, 1953, стр. 205—206.

¹²¹ И. Гълъбов. Топонимични приноси. «Български језик», кн. 2, 1953, стр. 167—171; К. Кувев. Областно же имя *Романиа* или *Романя* в народната и песен и историята. «Језик и литература» I, кн. 5. София, 1946, стр. 22—31.

¹²² В. Махек. Две статьи из области русской ономастики «Sborník prací filozofické fakulty Brněnské University», 1953, № 2—4, стр. 127—138; Antonina Jabłońska-Obrębska. Nazwa rzeki Niepriadwy «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego». Warszawa, 1954, № 1, стр. 109—113; K. Moszyński. O nazwie jednego z dawnych grodów na polsko-ru-skim pograniczu. «Poradnik językowy». Warszawa, 1954, № 4, стр. 1—8.

этих случаях повторилось нерегулярное чередование, нигде не сохранив первоначального *л*, которое не изменилось во всех других словах при аналогичной позиции (*капля, цепкий* и пр.).

* * *

Ф. Безлай¹²³ верно отметил, что «очень мало известно о славянской микротопонимии», этой «неизмеримой сокровищнице названий», и сделал интересные наблюдения над отличительными чертами микротопонимов, например: «Между тем, как в славянской топонимии нужно считать примерно 60% производных от антропонимов, процент таких названий в микротопонимии несравнимо меньше, но значительно больше их связь с историческим словарным запасом». В сущности, только в послевоенные годы славянская микротопонимия становится достойным науки.

Важнейшая работа принадлежит В. Бланару, исследовавшему 687 словацких названий на территории Венгрии¹²⁴. Он показывает самый процесс их возникновения (например, образование предложных форм из «наречных определений»), анализирует их грамматически и лексически и впервые предлагает развернутую систему классификации. Очень интересны результаты подсчетов: 41,8% всех названий субстантивны; 6,1% адъективны; 33,2% — словосочетания синтетического типа и 18,9% — аналитического типа (вместо принятого у нас термина «словосочетания» автор употребляет «синтаксические группы»).

Книга Бланара, видимо, осталась неизвестной польскому диалектологу и топонимисту К. Дейна,¹²⁵ исследовавшему аналогичные названия на юге Ополя, у словацкого рубежа, который также ищет основу для их классификации (он предлагает два основных деления: субстантивные и субстантивирующиеся).

Огромную работу проделал И. Доберский, собравший названия полевых участков в 700 сельскохозяйственных товариществах Восточной Чехии¹²⁶. Он делит их этимологически на 25 групп, объединенных в два больших разряда: по особенностям природной среды и по способу возделывания (сюда же он присоединяет и названия по форме участка). Такие деления значительно обесценивают работы по микротопонимике, значение которых заключается в первичном собирании материала. И. Доберский, например, название участка *На секирах* производит от формы поля, похожего на топор, тогда как основа *сек-* (*секир, секур*) широко распространена в значении 'вырубленное место' (ср. сущ. *сечь, просека*); название *Ключ* он искусственно связывает с раскорчевкой, так сказать «выключением» лесов, тогда как это нарицательное общеизвестно во всем славянском мире от Адриатики до Тихого океана с значением 'водный источник' (частное — 'изгиб реки').

Бесплодная этимологизаторская классификация снижает ценность богатого микротопонимического собрания Л. Яндловой по Тешинской Силезии¹²⁷. Вообще языковеды Чехии в неоплатном долгу перед широко

¹²³ F. Bezla j. Slovenska vodna imena. Ljubljana, 1956, стр. 11 и след.

¹²⁴ V. Blana r. Prisp evok ku štúdiu slovenký ch osobný ch a pomiestný ch mien v Mad'arsku. Bratislava, 1950, стр. 140.

¹²⁵ K. De jna. Terenowe nazwy śląskie. «Onomastica», rocz. II, 1956, стр. 103—126.

¹²⁶ J. Do b e r s k ý. Názvy scelený ch lanú JZD. «Sborník československé společnosti zeměpisné», LIX, № 3. Praha, 1954, стр. 140—145.

¹²⁷ L. Ja nd lo vá. Názvy pozemkový ch tratí na Těšinsku. «Slezský sborník» 46, 1948, стр. 235—238.

развернувшимся, почти без их участия и руководства, краеведческим движением за сбор микротопонимии, уже приносящим урожай¹²⁸. Из лингвистов затрагивает микротопонимию Фр. Шверак¹²⁹, приведший несколько десятков названий полей, лугов и лесов в характерной предложной форме (*За мленем, В тополи, Под горо*).

Собираются специально и названия лесных участков¹³⁰.

В Польше предметом интересного исследования П. Зволинского стали названия рыбацких тонь на крупнейшем польском озере Снярдвы¹³¹.

Более пятисот названий с юго-запада Македонии, собранных во время экскурсий, опубликованы без толкований¹³².

Микротопонимия составила добрую половину топонимического словаря Истрии и прилегающих островов¹³³. Хотя названия мелких объектов (полевых участков, дорог, лесов и пр.) туда не могли войти, но тщательно зарегистрированы названия всех мысов, заливов, скалистых островков, даже отмелей.

В той же работе можно найти и ценные данные по организации сбора микротопонимии. Специальных работ на эту тему появилось две: брошюра И. Дуриданова¹³⁴ и небольшая заметка А. Ютронича¹³⁵, кроме того, конечно, крупицы огромного опыта по собиранию названий содержатся в сопроводительных статьях к областным топонимическим работам (Зд. Штибер, Ст. Грабец).

* * *

Топонимические словари подытоживают достижения топонимической науки и в свою очередь становятся основой, без которой невозможны серьезные топонимические исследования. Такая сложность и ответственность делает редким этот тип топонимических работ, и их необычный урожай в славянской топонимике послевоенных лет — свидетельство ее зрелости.

Среди них первое место, бесспорно, принадлежит капитальному четырехтомнику А. Профоуса (1878—1952) «Местные названия в Чехии». Первое издание этого труда начало выходить в 1947 г. Составитель успел

¹²⁸ O. Hanuš. Pomístní názvy v okrese Louny. «Časopis společnosti přátel starožitnosti», 63, 1955, стр. 229—239; J. Tvrzník. Soupis místních jmen a pomístních názvů obce Lenešic, užívaných i zaniklých. Lenešice, 1946, стр. 60; J. Vavř. Pomístní jmena v katastru města Jvančic. «Vlastivědný věstník moravský», X. Brno, 1955, стр. 105—110; F. Jilek. Pomístné názvy v Libštátě. «Naše vlast». Praha, 1954, № 4, стр. 53—54.

¹²⁹ Fr. Šverák. Výklad jmena Lhota Rapotina a tamních jmen pomístních. «Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi». Brno, 1948, стр. 377—381.

¹³⁰ J. Jakeš. Názvy záhorských lesních tratí. «Zahorská kronika», XXVII, 1950, стр. 51—56, 69—70.

¹³¹ P. Zwołiński. Nazwy toni rybaccich jeziora Śniardwy. «Język Polski» 1954, № 4, стр. 286—304.

У нас названия рыбацких тонь собирались еще до войны. Результаты опубликованы в работе, остающейся единственной по этому вопросу: С. А. Копорский. О говорах Торопецкого и Холмского районов. «Ученые зап. Калнинского пед. ин-та», т. X, вып. 3. Калинин, 1945. Там же помещена и единственная у нас работа о названиях полевых участков: А. Д. Баранцев. Топонимика полей (стр. 163—180).

¹³² Положанец. Топографски имиња во Полог. «Македонски јазик», 1951, № 9—10, стр. 232—234.

¹³³ «Топонимика западне Istre, Cresa i Lošinja». Zagreb, 1956, стр. 181.

¹³⁴ И. Дуриданов. Упътване за събиране на собствени имена. София, 1952, стр. 15.

¹³⁵ A. Jutronić. Prikupljanje geografskih izraza i toponima. «Naše planine». Zagreb, 1950, № 6—7, стр. 203—205.

закончить свою работу до буквы *v*, окончание осталось в черновых материалах. Словарь закончил Ян Свобода, под руководством которого вышло и второе издание¹³⁶ (не опубликован лишь дополнительный том с указателями источников, принятых сокращений и т. п.). По каждому из 12 тысяч названий в словаре приведены различные формы, в каких они засвидетельствованы в документах на протяжении нашего тысячелетия, а также параллельные названия из других славянских стран.

В многочисленных рецензиях¹³⁷ на этот труд не было указано пропусков, но оспаривались, естественно, многие этимологии. В одной из рецензий было верно отмечено, что А. Профоус заложил основу для новых этимологий¹³⁸. В рецензиях не был подчеркнут другой существенный недочет: в словаре совершенно недостаточны параллели из других славянских территорий (даже ближайших словацких и лужицких, а восточнославянские исключительно редки), а без такого сравнения не только неизвестен ареал основы, но ненадежны этимология и хронология.

Еще одним недочетом монументального труда А. Профоуса оказался его археографический уклон. Документально-исторические изыскания драгоценны, но они вытеснили живую топонимию: в Словаре нет названий в формах, употреблявшихся в народной речи (например, *Гура* вм. *Гора* на северо-востоке Чехии). Ян Свобода усилил эту сторону, но диалектные явления остались все же неотраженными.

По Моравии аналогичный труд подготовил В. Прасек¹³⁹, но он пока не опубликован.

Замечательный словарь названий вод составил Ф. Безлай¹⁴⁰, решивший немало запутанных вопросов славянской гидронимии и собравший богатый материал¹⁴¹.

Иной тип топонимического словаря представлен работой, посвященной побережью Истрии и прилегающим островам¹⁴². По своему характеру эта работа противоположна словарю А. Профоуса, так как она основана на записи живого употребления (по материалам экспедиции по типу диалектологических; к работе приложены списки опрошенных лиц), этимологии даются очень редко. В отличие от словарей А. Профоуса и Ф. Безлая этот труд не ограничен одним видом географических объектов, а охватывает все названия данного типа на изученной территории, территории, которая лишь недавно вышла из-под иноязычного господства.

Словари А. Профоуса, Ф. Безлая, Ст. Роспонда, Зд. Штибера, Ст. Грабеца, И. Дуриданова представляют собой как бы фрагменты гигантского топонимического корпуса славянских земель. Их материал

¹³⁶ A. Profous. Místní jména v Čechách (Jejich vznik, původní význam a změny), I (A—H), II (Ch—L), III (M—R), IV (S—Z). Praha, 1954—1957.

¹³⁷ Важнейшие: «Slavia», роѡн. XIX, 1949—1950, стр. 239—247 (J. Svoboda); «Naše řeč», XXXIV, 1950, стр. 97—100 (K. Hodura); «Listy filologické», LXXI, 1950, стр. 37—39 (V. Machek); «Časopis pro moderní filologii», XXXI, 1948, стр. 229 (V. Šmilauer); «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské Univers.», 1954, № 3, стр. 133.

¹³⁸ «Naše řeč», 1953, № 5—6, стр. 150—151 (K. Hodura).

¹³⁹ L. Hořák. Praskův pokus o historicko-topografický slovník Moravy. «Slezsky sborník», 48, 1950, стр. 67—73.

¹⁴⁰ F. Bezla j. Slovenska vodna imena. Dil I (A—L). Ljubljana, 1956, стр. 365.

¹⁴¹ Необходимое дополнение: Dušan Ludvík. Nekaj krajevni h in vodnih imen. «Slavistična revija». IX, № 1—4. Ljubljana, 1956, стр. 189—195.

¹⁴² «Toponimika Zapadne Istre, Cresa i Lošinja». Zagreb, 1956 (с 30 картами).

и территориальные масштабы неоднородны, но в пределах поставленной каждым автором задачи — это первые полные, сплошные регистры географических названий.

* *
*

Многое не нашло места в нашем обзоре. Например, насыщенные фактами и обобщениями рецензии Ф. Безлая (на книги И. Хубишмида, Р. Бадьюры и др.)¹⁴³. Не рассмотрены и работы популярные, различные по темам и по уровню, такие, например, как радиолекция Вл. Шмилауэра, старейшего топонимиста Словакии¹⁴⁴, статьи И. Сташевского¹⁴⁵ или учебный курс И. Поповича¹⁴⁶. Совершенно не затронуты нами исследования ученых ГДР, Венгрии и Румынии, работающих над славянской топонимикой¹⁴⁷.

Но и названное здесь показывает необъятность славянской топонимической науки.

* *
*

Обзор составлен к IV Международному съезду славистов, и работы, опубликованные в 1957 г., охвачены лишь частично, а более поздние не охвачены вовсе. До начала 1960 г. вышли уже 8 выпусков журнала «Onomastica»; огромна топонимическая литература к IV съезду славистов; издан том ономастических работ В. Ташицкого (1-й том его Собрания сочинений — к 60-летнему юбилею автора — р. 20. VI. 1899), новые заглавия дополнили библиографию почти каждого из названных авторов. За этот отрезок времени ряды исследователей славянской топонимии понесли тяжкие утраты: 28.IX.1958 умер К. Нитш, а 3.IX.1958 Д. Дечев. Наконец, в исполнение решений IV съезда славистов состоялась международная конференция по славянской топонимике (Краков, октябрь 1959).

¹⁴³ «Slavistična revija», V—VII. Ljubljana, 1954, 374—398; VIII, № 1—2, 1955, стр. 132—138.

¹⁴⁴ V. Šmilauer. O jmenech našich řek. «Naše řeč». Praha, стр. 161—165.

¹⁴⁵ J. Staszewski. Nazwy geograficzne na obszarze Polski. «Przegląd geograficzny», XXVIII, № 1. Warszawa, 1956, стр. 105—130.

¹⁴⁶ И. Поповић. Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955.

¹⁴⁷ Обзор топонимической серии Г. Д. Р. «Deutsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte» будет опубликован в № 31 «Кратких сообщений».

Э. Мюллер

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НЕМЕЦКО-СЛАВЯНСКОЙ
ТОПОНИМИИ И ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ,**

издаваемые по поручению Исторической комиссии
при Саксонской Академии наук Теодором Фрингсом
и Рудольфом Фишером. Народное издательство Макс Нимейер,
Галле/Заале (начиная с 1956 г.)

Nr. 1: Rudolf Fischer. Ortsnamen der Kreise Arnstadt und Ilmenau, 1956.

Nr. 2: Elfriede Ulbricht. Das Flussgebiet der Thüringischen Saale, 1957.

Nr. 3: Hans Walter. Die Orts- und Flurnamen des Kreises Rochlitz, 1957.

Nr. 4: Ernst Eichler. Die Orts- und Flussnamen der Kreise Ditzsch und Eilenburg, 1958.

Nr. 5: Leipziger Studien, Theodor Frings zum 70. Geburtstag, 1957.

Со времени появления книг Рейнгольда Траутманна эта работа, в которой принимают участие германисты, слависты и историки, является наиболее обширным научным трудом в пределах ГДР, создавая основу для еще более широких исследований. Речь идет и о материале по фонетике славянских наречий, на которых говорили в одной части Германии в средние века.

Том 1, посвященный топонимическим названиям районов Арнштадта и Ильменау, затрагивает область западнее р. Заале, начиная от низменности южнее Эрфурта на реках Гера и Ильм до гор. Это в общем территория области Ленгвиц, типы топонимических названий которой зафиксированы в грамотах со времени меровингов и которые характерны для всей Тюрингии. Топонимические названия на *-leben*, встречающиеся чаще всего в районе Арнштадт, должны считаться доказательством того, что германские элементы с севера, принимавшие участие в образовании тюрингского племени, проникли сильными группами до Тюрингского леса. В средние века по приказу феодалов в освоении новых земель кроме закабаленных немецких крестьян участвовали и славяне, в особенности в лесной местности южнее Арнштадта.

Том 2, исследование названий рек, разбирает систему р. Заале в Тюрингии. Нужно определить около 1900 названий притоков и ручьев во их языковому происхождению. Включены и названия селений, местности и гор, которые этимологически связаны с речными наименованиями. Подавляющее большинство названий рек немецкого происхождения, около 10% исследуемых названий имеют славянские

основы, около одного процента названий восходит к кельтскому и иллирийскому языкам. Хотя еще не было возможно удовлетворительно объяснить огромное число названий, все же дается классификация отдельных типов образования, что будет очень полезно при дальнейших топонимических исследованиях. Славянские названия имеют прежде всего притоки, расположенные по правую сторону р. Заале.

Том 3 вносит вклад в историю языка и заселения Западной Саксонии анализом топонимических названий района Рохлица. Это местность по обе стороны р. Цвикауер Мульде, вошедшая в состав восточной пограничной области франкской империи, которую населяли в VI—VII в. н. э. славяне, покоренные в X в. королем Генрихом I. Только в немногих названиях можно предположить древнегерманское происхождение. В названии *Rochlitz*, встречающемся в 1014—1018 гг. в форме *Rocholenzi*, Г. Вальтер находит германо-славянскую смешанную форму. Германская форма *Rocholingi* превратилась в произношении славян в *Rocholezi*, из чего по аналогии с известными славянскими топонимическими названиями на *-ици* получилось, по мнению автора, *Rocholici*, воспринятое немцами как *Rochlitz*.

Том 4, посвященный названиям селений и рек района Делитца и Эйленбурга, содержит разработки по топонимии и истории народонаселения области рек Заале и Мульде. Раскопки указывают только в отдельных местах названных районов на то, что в этой местности жили славяне, но многочисленные славянские топонимические названия свидетельствуют о сравнительно густом славянском населении. Это было племя *Siusili*, название которого перешло и на область и местность. По законам славяно-германской замены звуков можно вывести, что в этой области в некоторых местах по крайней мере до XIII столетия говорили по-славянски, а именно на древнесербском наречии, связи которого с верхнесербским и нижнесербским языками только с трудом можно установить.

Том 5, коллективный труд лейпцигских топонимистов с предисловием Р. Фишера, содержит, между прочим, три статьи по топонимии Лужицы: L. Hoffmann. Zur Flurnamenforschung in den deutsch-sorbischen Gebieten der Oberlausitz; W. Sperber. Namen der Flurstücke hinter den Höfen in den sorbischen Dörfern des Kreises Kamenz; F. Redlich. Sorbische Personennamen in der Niederlausitz aus der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Кроме того, нужно еще обратить внимание на следующие статьи: G. Mildenberger. Archäologisches zur slawischen Landnahme in Mitteldeutschland; M. Bathe. Namenkundliches und Sprachgeschichtliches zum Hassegau; R. Grosse. Namenforschung und Sprachgeschichte im Meissnischen; K. Elbracht. Deutsche und slawische Siedlungen an der oberen Ilm im frühen Mittelalter; Ernst Müller. Die Ausdehnung des Gaus Chutici und seine spätere Entwicklung; S. Wolf. Beiträge zur Auswertung des Hersfelder Zehntverzeichnisses.

Кроме этих томов, вышедших в свет до весны 1958 г., в настоящее время находятся в печати: E. Müller. Die Ortsnamen des Kreises Heiligenstadt; E. Eichler, E. Lea, H. Walther. Die Ortsnamen des Kreises Leipzig; L. Hoffmann. Die slawischen Flurnamen des Kreises Löbau; R. Fischer, K. Elbracht. Die Ortsnamen des Kreises Rudolstadt.

Должны выйти последующие тома, чтобы вскрыть всю полноту и многообразие топонимических названий областей, которые нужно еще исследовать.

М. И. Ермакова

О РАБОТЕ СЕКТОРА ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В 1957—1958 гг.

В течение 1957 г. и первой половины 1958 г. в секторе языкознания Института славяноведения АН СССР работа велась в нескольких основных направлениях. Важнейшим явилась подготовка к IV Международному съезду славистов 1958 г., в которой члены сектора принимали самое разнообразное участие: организационная работа, подготовка докладов и выступлений на съезде, составление библиографических справочников, написание статей для изданий комитета, участие в публикациях института. В работах, подготовленных сотрудниками сектора к съезду, затрагиваются важнейшие вопросы славянского языкознания: лингвистическое картографирование в связи с проблемой составления общеславянского лингвистического атласа, балто-славянские языковые отношения, этимологические проблемы, синтаксис славянских падежей и т. д.

Исследовательская работа в секторе за этот период охватывала ряд значительных областей славянского языкознания.

Особое внимание было уделено теме лингвистического картографирования, а именно составлению атласа болгарских говоров. Прделана уже большая часть подготовительной работы, которая ведется совместно с Институтом болгарского языка Болгарской Академии наук. В течение 1957—1958 гг. обрабатывался материал, собранный во время трех экспедиций по Болгарии, было начато пробное картографирование вопросов. В настоящее время уже подготовлен ряд морфологических и фонетических карт. Летом 1958 г. в Софии состоялось обсуждение обработанных материалов.

В работе сектора значительное место занимали исследования в области болгарского языка. В 1957 г. был сдан в издательство коллективный труд «Основные вопросы болгарской грамматики», в который входят исследования Ю. С. Маслова «Глагольный вид в современном болгарском языке», Е. В. Чешко «Выражение синтаксических отношений существительного в современном болгарском языке» и других наших болгароведов. Работа явилась результатом длительных исследований.

В течение 1957 г.—первой половины 1958 г. продолжалось изучение другой важнейшей области славянского языкознания — синтаксиса славянских языков в сравнительно-историческом плане. Опубликовано исследование по творительному падежу в славянских языках, над которым работал коллектив сотрудников под руководством проф. С. Б. Бернштейна. Завершена работа В. Н. Топорова над моногра-

фией «Локатив в славянских языках», А. Б. Правдин исследовал праславянские значения дательного падежа и работал над изучением дательного падежа в славянских языках. На заседании сектора был обсужден его проспект «Дательный падеж в славянских языках».

В плане сектора стоит исследование К. И. Ходовой на тему «Синтаксис старославянских падежей».

Одной из важных областей научно-исследовательской работы сектора было исследование круга вопросов, связанных с категорией вида и времени в славянских языках. Ю. С. Маслов готовит монографию «Видовое значение глагольных основ современного болгарского языка». Другим интересным и значительным исследованием в этой области является завершенная монография И. К. Буниной «Система времен в старославянском языке». Ряд сотрудников сектора (Л. Н. Смирнов, З. Н. Стрекалова, И. С. Можяева и др.) вел частные исследования по категории времени в отдельных славянских языках древнейшего и современного периодов.

Следующей областью исследований в работе сектора за интересующий нас период были этимологические проблемы. В 1957 г. был завершен труд О. Н. Трубачева по этимологии терминов родства и древнейшей общественной организации. В настоящее время готовится исследование этимологий названий домашних животных того же автора. План сектора предусматривает дальнейшие этимологические исследования в области славянских и балтийских языков. Большое внимание уделялось труднейшим вопросам, связанным с изучением славяно-балтийских языковых отношений. Подготовлена и уже частично опубликована работа В. Н. Топорова «Славяно-балтийские языковые отношения», которая представляет собой историографический обзор всего написанного по этой проблеме.

Интересная работа ведется по такой важной теме славянского языкознания, как историческая фонетика славянских языков. Л. Э. Калынь закончила монографию «Категория твердости и мягкости в славянских языках», С. К. Шаумян работает над монографией «Историческая фонология польского языка».

Из исследований по морфологии славянских языков надо отметить работу, которая ведется М. А. Гадиной по теме «Личные и возвратные местоимения в славянских языках». Уже собран большой материал по ряду славянских языков.

В секторе начата подготовка к изданию рукописных текстов славянской письменности, хранящихся в собраниях Москвы. Е. И. Демина работает над подготовкой к изданию одного из интереснейших памятников болгарской письменности — Тихонравовского дамаскина (XVII в.).

Необходимо отметить и еще одну важную тему в исследовательской работе сектора. Она относится к области славяно-румынских языковых отношений. Г. П. Клепикова посвятила свою диссертацию функциям славянских глагольных приставок в исторорумынском диалекте румынского языка. Проф. С. Б. Бернштейн опубликовал статью о характере славяно-румынского двуязычия.

За период 1957 г.—первая половина 1958 г. на заседаниях сектора был заслушан ряд докладов, в том числе доклад заведующего сектором С. Б. Бернштейна об итогах работы сектора за последние пять лет и о перспективном плане работы на семь лет, обсуждены различные вопросы, связанные с упомянутыми выше исследованиями.

В плане намечается расширение работы в области старославянского языка, подготовки к изданию памятников и т. д., исследования на тему «Славяно-балтийские языковые связи в области морфологии» и некоторые другие.

За обозреваемый период были защищены две диссертации: докторская — Ю. С. Масловым и кандидатская — О. Н. Трубачевым. Диспуты по обеим диссертациям были очень содержательны и интересны, собрали большую аудиторию. Искомые степени диссертантам были присуждены единогласно.

За этот период были опубликованы следующие труды сектора: «Вопросы славянского языкознания», вып. 2 и 3; «Статьи и материалы по болгарской диалектологии», вып. 8; «Творительный падеж в славянских языках»; «Атлас болгарских говоров на территории СССР»; «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», № 18 и 25; работы С. К. Шаумяна: «Некоторые вопросы применения дихотомической теории фонем к исторической фонологии польского языка», «Структурная лингвистика как имманентная теория языка», «История системы дифференциальных элементов в польском языке».

Сотрудники сектора поддерживают разнообразные научные связи со многими зарубежными учеными — А. Росетти, А. Беличем, Е. Курриловичем, Т. Лер-Сплавинским, Ст. Стойковым, Л. Андрейчиным, Б. Гавранком, И. Книежа и многими другими.

Сотрудники сектора, специалисты по истории польского языка, участвуют в Международных курсах полонистов, которые ежегодно (август-сентябрь) организуются Варшавским университетом. Многие сотрудники участвуют в изданиях зарубежных стран, так, например, С. К. Шаумян опубликовал свою работу в «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft» (ГДР), О. Н. Трубачев печатается в «Zeitschrift für Slawistik» (ГДР), Г. П. Клепикова — в журнале Румынской Академии наук; в сборниках в честь А. Теодорова-Балана и С. Младенова (Болгария) опубликовали свои статьи С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, О. Н. Трубачев.

Л. В. Степанова

ОБ ОДНОЙ РАБОТЕ КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

На кафедре славянских языков Московского государственного университета проводится под руководством проф. С. Б. Бернштейна работа по лингвистическому картографированию некоторых лексических фактов славянских языков. Студентами-дипломниками в этом году с большой тщательностью и интересом к теме были выполнены три работы, каждая из которых посвящена разбору одной узкой группы славянской лексики (названиям некоторых хвойных деревьев, диких животных, овощей) с приложением карт. С будущего года к этой работе приобщаются студенты славянского отделения, начиная с 4-го курса, с тем чтобы иметь возможность продолжить тему «Географические зоны славянской лексики» и в своих дипломных работах.

Перед студентами была поставлена задача рассмотреть некоторые вопросы лексических взаимоотношений современных славянских языков и сделать выводы о лексических связях праславянских диалектов.

Установление географических зон славянской лексики имеет большое значение, так как способствует выяснению словарных и семантических особенностей в развитии каждого из славянских языков. В каждом славянском языке мы находим отражение тех различий, которые наметились еще в праславянских диалектах. Каждый из современных славянских языков имеет определенную группу слов, присутствующих только данному языку.

Определение территории распространения отдельных элементов славянской лексики важно не только для изучения диалектного членения праславянского языка, но и для истории словарного состава отдельных славянских языков.

При изучении определенных разделов лексики в сопоставительном плане исследователь должен быть абсолютно уверен в неоспоримом тождестве предметов, о названии которых идет речь. И в этом отношении лексика, относящаяся к фактам и явлениям природы, является наиболее важной и достоверной. Этого нельзя сказать о названиях, характеризующих материальную культуру, быт, экономику и т. д., так как здесь мы имеем дело уже не с соотносительными явлениями. Здесь различия в названии сопоставляемых слов часто объясняются различиями в материальной культуре, в особенностях природных условий разных местностей и т. д.

Лингвистическая география устанавливает границы территориального распространения каждого явления или отдельного языкового факта в виде изоглосс, соединяющих крайние пункты распростране-

ния отдельных языковых явлений. Всестороннее изучение и развитие методов лингвистической географии, составление лингвистических атласов является одной из наиболее актуальных задач современного языкознания. Лингвистическая карта вскрывает взаимосвязь между диалектами языка и между отдельными языками, дает возможность углубленного изучения вопросов их классификации, помогает решить проблемы внутренних законов развития языка, позволяет проследить историческое развитие некоторых языковых явлений, так как диалектные различия любого языка отражают его древние черты и этим помогают разграничить исторические эпохи в языке. Картографирование показывает, что диалекты языка не являются чем-то замкнутым, самостоятельным, обособленным, а находятся в постоянном взаимодействии между собой. Отмечая точные границы какого-либо языкового явления, карта противопоставляет это явление другим и нередко устанавливает связи между несколькими языковыми явлениями, чего нельзя иногда проследить с помощью структурного анализа.

Дипломные работы содержат лексические и семантические карты. Последние показывают различия в значении одних и тех же слов отдельным славянским языкам и их диалектам. Следует, конечно, иметь в виду, что карты не удовлетворяют всем требованиям лингвистической географии. Это вызвано главным образом тем обстоятельством, что основным источником для наблюдения был материал словарей, которые, как правило, не указывают границ распространения слов и их значений, без чего невозможно установить изоглоссы. Поэтому на карту наносились данные со всей территории языка. Отсутствие надежных диалектных словарей также явилось причиной того, что авторам работ пришлось отказаться от основного принципа лингвистической географии — установления изоглосс.

Наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживает работа Т. М. Троицкой, в которой предпринимается попытка установить диалектные различия в праславянском языке названий некоторых овощных культур. Работа содержит шесть карт — четыре лексических и две семантических.

Совершенно очевидно, что не все названия овощей в славянских языках представляют для нас одинаковый интерес. В работе делается попытка картографировать не случайно оказавшиеся в поле зрения факты, а только те, которые могут дать ценный материал в изучении диалектных различий ранних эпох. В результате тщательного отбора материала картографированию подверглись названия следующих овощных культур: чеснока, капусты и огурца.

В работе приводятся объяснения к картам и данные о названиях каждой овощной культуры по всем славянским языкам. Основные выводы касаются диалектных отношений и взаимосвязей между современными славянскими языками: связи между тремя группами современных славянских языков несомненны и в основном восходят к праславянскому периоду. В разные периоды дописьменной эпохи эти группы находились в различных отношениях друг к другу. Отмечается своеобразное положение диалектов праславянского языка, которые легли в основу современных южнославянских языков, а также лексическая близость чешского и особенно словацкого языков с южнославянской языковой группой, ряд черт сближает восточную и южнославянскую группы, противопоставляя их западной. Много общих черт объединяет польский язык с восточнославянскими, особенно с украинским и белорусским.

В работе приводится обширная библиография, которая может оказать серьезную помощь исследователям этого вопроса.

Работа Л. Д. Писарек касается вопросов лексического картографирования названия хвойных пород, которые нанесены на восемь карт (пять лексических и три семантических). Делается попытка на основании территориального распространения названий хвойных пород в современных славянских языках дать некоторые выводы относительно того, как назывались хвойные породы деревьев в праславянский период и были ли эти названия известны всем диалектам или только части из них. Подробное описание карт дается во второй главе. Рассматриваются лишь те виды хвойных пород, которые представляют интерес для картографирования. Это — сосна, ель, пихта, лиственница, можжевельник.

В выводах устанавливаются корни слов, которые образовывали название данной породы в праславянском языке. Взаимосвязи современных славянских языков по названиям некоторых хвойных пород восходят к праславянскому периоду или же отражают более поздние эпохи в развитии языка. В работе отмечается обособленность болгарского языка, в котором история слов, обозначающих хвойные породы, протекала своим путем, не сходным с другими славянскими языками. Отмечается влияние неславянской лексики (турецкой, романской, угрофинской).

Интересна также работа В. Ф. Конновой, посвященная вопросу картографирования названий диких животных. Названия животных, идентичные во всех славянских языках (*мышь, бобр, выдра* и т. д.), не нанесены на карты. Подробно рассматриваются и картографируются названия летучей мыши, крысы, белки, некоторых представителей семейства куньих: соболя, норки, горностая и др. В выводах отмечается, что диалекты, положившие начало языкам каждой из этих групп, были теснее связаны между собой и впоследствии имели много общих черт. Обращается внимание на своеобразие болгарской лексики.

Во всех работах говорится о трудностях, с которыми столкнулись их авторы. Пришлось изучать не только лингвистическую литературу, но и специальные исследования и словари по ботанике и зоологии. Авторы познакомились также и с некоторыми трудами по палеоботанике и палеозоологии.

Работы, выполненные на кафедре славянских языков МГУ, могут дать ценный материал для составления программы-вопросника общеславянского лингвистического атласа, создание которого является в настоящее время одной из первоочередных задач славянского языковедения. Аналогичная работа в настоящее время проводится в Польше и других славянских странах.

Э. И. Зеленина

О ТРЕТЬЕЙ СОВМЕСТНОЙ БОЛГАРО-СОВЕТСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1958 г., с 28 июля по 5 сентября, в Болгарии работала третья совместная болгаро-советская диалектологическая экспедиция. Целью этой экспедиции, как и двух предыдущих, являлся сбор материала для атласа болгарских говоров. Общее число участников экспедиции составляло 61 человек. В экспедиции принимали участие члены секции диалектологии Института болгарского языка Болгарской Академии наук, преподаватели и студенты Софийского университета под руководством проф. Ст. Стойкова. С советской стороны участвовали шесть сотрудников Института славяноведения Академии наук СССР во главе с проф. С. Б. Бернштейном. 20 июля перед Ученым советом Института болгарского языка проф. С. Б. Бернштейн выступил с докладом о результатах пробного картографирования, проведенного в Институте славяноведения.

Объем работы экспедиции 1958 г. значительно вырос по сравнению с прошлыми экспедициями. В ней работало 14 самостоятельных групп. За время третьей экспедиции были изучены по программе атласа говоры 121 села и собран материал о происхождении населения в 101 селе Елховской, Поляновградской и Грудовской околий Бургасского округа; Ямбольской, Новозагорской, Старозагорской, Чирпанской, Казанлыкской и Сливенской околий Старозагорского округа; Свиленградской, Хасковской и Ивайловградской околий Хасковского округа и Первомайской околии Пловдивского округа.

Первая группа в составе руководителя Р. Божкова и членов Я. Ивановой, М. Василевой и Е. Папазовой собрала полные данные о говорах сел Светлина, Орханово, Малина, Суходол, Богданово, Росеново, Зорница Грудовской околии и о говоре с. Русокастро Бургасской околии.

Вторая группа в составе руководителя Б. Бояджиевой и членов Т. Поповой, Б. Кировой и И. Цветковой собрала полные данные о говорах сел Жребчево, Крива Круша, Кортен, Любенец, Любенова Махала, Сыдиево, Конево, Младово, Езеро, Дядово, Пыдарево, Графитово, Омарчево, Биково и Питово Новозагорской околии.

Третья группа в составе руководителя Д. Вакарелской и членов А. Станчевой, Д. Маркова и П. Богдановой собрала полные данные о говорах сел Оряховица, Сырнево, Пшеничево, Даскал Атанасово, Трынково, Диня, Дылбоки, Хрищени, Подслон Старозагорской околии.

Четвертая группа в составе руководителя Г. К. Венедиктова и членов Н. Ангелова, Л. Веселиновой, Э. Ивановой собрала полные

данные о говорах сел Бяла, Голямо Шивачево, Речица, Гавраилово и Раково Сливенской околии.

Пятая группа в составе руководителя Е. Димитровой и членов К. Язевой, Н. Брайковой, Цв. Русевой и Г. Динева собрала полные данные о говорах сел Змейово, Нова Махала, Дыбрава, Борилово, Казанка, Руда, Сладък Кладенец, Елхово, КирилOMETодиево, Малка Веряя и Лясково Старозагорской околии.

Шестая группа в составе руководителя Э. И. Зелениной и членов Т. Костовой, Р. Стоименной, П. Тодоровой и Е. Ганевой собрала полные данные о говорах сел Медово, Верен, Православ, Колю Мариново, Марково, Нова Махала, Съединение, Голям дол, Малык дол и Братя Даскалови Чирпанской околии.

Седьмая группа в составе руководителя Г. П. Клепиковой и членов Эл. Томовой, Хр. Пантелеевой и Я. Ченишевой собрала полные данные о говорах сел Малко Градище, Лозен, Мезек, Вылче поле Свиленградской околии и сел Горно Луково, Горни Юруци, Железари, Сив Кладенец, Планинец, Ботурче, Орешино, Пыстроок, Черна Черкова, Соколенци, Благовец Ивайловградской околии.

Восьмая группа в составе руководителя К. Костова и членов Г. Георгиева, Е. Боева, Ф. Димитровой и С. Богдановой собрала полные данные о говорах сел Терзийско, Невестино, Сигмен, Кликач, Искра и Огнен Поляновградской околии.

Девятая группа в составе руководителя И. Кочева и членов Е. Ивановой, П. Пейчевой и М. Коспартовой собрала полные данные о говорах сел Трапоклово, Г. Александрово, Ичера, Драгаданово, Желю Войвода, Блатец, Камен, Калояново и Тополчане Сливенской околии.

Десятая группа в составе руководителя М. Лилова и членов Е. Тодоровой, Л. Влахлийской и Т. Живкова собрала полные данные о говорах сел Борисово, Маломирово, Раздел, Ружица Елховской околии и с. Мрамор Тополовградской околии.

Одиннадцатая группа в составе руководителя М. Младенова и членов Д. Христоскова, Ст. Димовой и С. Маноловой собрала полные данные о говорах сел Бяла река, Православен, Филево, Бодрово, Езерово, Драгойново и Пилашево Первомайской околии.

Двенадцатая группа в составе руководителя П. Пашова и членов М. Пашовой, Р. Сотировой и Ю. Владимировой собрала полные данные о говорах сел Милево, Конаре, Гурково и Мыглиж Казанлыкской околии.

Тринадцатая группа в составе руководителя М. Г. Рожновской и членов М. Ивановой, Р. Миховой и Л. Маноловой собрала полные данные о говорах сел Златари, Гылыбинци, Болярско Ямбольской околии и Новоселец, Млекарево, Пет могилы, Градец, Радечки, Бял кладенец Новоагорской околии.

Четырнадцатая группа в составе руководителя Хр. Холиолчева и членов М. Вутевой, М. Димитровой и М. Поповой собрала полные данные о говорах сел Сырница, Тракиец, Николово, Гарваново, Сусам и Брястово Хасковской околии и с. Пчеларово Кырджалийской околии.

После завершения экспедиции в Софии 16 сентября было проведено итоговое совещание ее участников, на котором руководители групп отчитались в проделанной работе.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С Т А Т Ь И

В. Н. Топоров (Москва). Об одной прано-славянской параллели из области синтаксиса ²	3
И. Попович (Белград). Из сербохорватской диалектологии	12
Г. К. Венедиктов (Москва). О бесприставочных глаголах движения в болгарском языке XVII—XVIII вв.	24
Д. С. Станишева (София). Вопросы фразеологии в исследованиях по синтаксису падежей	40
А. В. Суперанская (Москва). Спорные вопросы русской транскрипции болгарских, польских, сербохорватских, чешских и словацких имен собственных	51
А. С. Львов (Москва). Старославянское <i>книгы-боукъви</i>	61
А. Сабалюскас (Вильнюс). О происхождении названия мака в балтийских языках	70
О. Н. Трубачев (Москва). Еще раз об этимологии слова <i>росомаха</i>	74

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

В. А. Никонов (Москва). Послевоенные работы по топонимике в славянских странах	75
Э. Мюллер (Лейпциг). Исследования по немецко-славянской топонимии и истории колонизации	106

Х Р О Н И К А

М. И. Ермакова (Москва). О работе сектора языкознания Института славяноведения в 1957—1958 гг.	108
Л. В. Степанова (Москва). Об одной работе кафедры славянских языков Московского университета	111
Э. И. Зеленина (Москва). О третьей совместной болгаро-советской диалектологической экспедиции	114

Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР, вып. 28

Славянское языкознание

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор Издательства К. А. Егolini
Технический редактор И. Ф. Ковальская

РИСО АН СССР № 58—75В. Сдано в набор 10/VIII 1959 г. Подписано к печати 24/II 1960 г.
Формат 70 × 108^{1/16}. Печ. л. 7,25 = 9,93 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 8,8 Тираж 1500 экз. Т-00187.
Изд. № 3910. Тип. зак. № 301

Цена 5 руб. 30 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства Академии наук СССР, Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

5 р. 30 к.